

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LV

№ 1
январь-март 2021

ТАШКЕНТ
2021

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Камалонская часовня (С. 26).

Стр. 3: В.Н. Дунин-Барковский с женой. В.Н. Дунин-Барковский (в первом ряду в центре) среди преподавателей Ташкентского коммерческого училища. Одна из книг В.Н. Дунина-Барковского (С. 75).

**Восток Свыше. 2021, № 1 (LV)
Издается с 2001 года**

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН	
<i>Михаил КУКИН.</i> «О, полчаса ходьбы и чтение молитв...»	5
СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ	
Календарные страницы <i>главного редактора</i>	
Утро в Долине плача. 1225 лет преставления преподобных Иоанна, Сергия, Патрикия и прочих во обители святого Саввы убиенных (20 марта 796 года)	6
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ	
<i>Иерей Александр КОЛОТОВКИН.</i> «Откуда ты такое дерзновение приял?..» Послание патриарха Никона царю Алексею Михайловичу 1661 года	13
ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: К 150-ЛЕТИЮ ТАШКЕНТСКОЙ ЕПАРХИИ	
Тема: Зарождение епархии. Первые православные сооружения Туркестана	
<i>Юрий ФЛЫГИН.</i> Камалонская часовня: создание, забвение, возрождение ..	26
<i>Александр ГАЛАК.</i> «Церковь будет устроена вполне...» Из истории самаркандского Свято-Георгиевского храма	34
Тема: Возрождение епархии. 1940-е - начало 1950-х годов	
<i>Роман ДОРОФЕЕВ.</i> «Православное духовенство Киргизии высоко оценит внимание Советского Правительства...» Из истории церковно-государственных отношений в Средней Азии в середине 1940-х годов	42
<i>Дмитрий ПАВЛОВ.</i> Путешествие епископа Гурия (Егорова) по Ташкентской епархии в 1947 году	49
<i>Эльвира МЕЖЕННАЯ.</i> Ташкент: узелки на память	60
Новый сборник о среднеазиатских исповедниках веры	68
ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ	
<i>Лев ДУНИН-БАРКОВСКИЙ.</i> «...Был еще офицер Дунин-Барковский» О жизни туркестанского военного, педагога и общественного деятели Валериана Дунин-Барковского	75
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ	
Гомилия святителя Иоанна Златоуста на Собор бесплотных сил. Перевод с греческого, предисловие и комментарии <i>Алексея ПЕРНБАУМА</i>	94

Содержание (окончание)

ЛУГ ДУХОВНЫЙ	
О посте. О покаянии	102
Евангельские страницы <i>протоиерея Сергея СТАЦЕНКО</i>	
Вера и засохшая смоковница	106
ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО	
<i>Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».</i>	
Избранные записи в Фейсбуке последних лет	110
Тема: Поэзия и Вера	
«Нужно найти свою речь...» На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН	124
ИСКУССТВО ПАМЯТИ	
<i>Лейла ШАХНАЗАРОВА. Она так и не научилась готовить плов...</i>	133
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Юлия КОЛОТОВКИНА. Долгий путь к слову</i>	138
Авторы номера	141
Информация для авторов	142

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КУКИН

О, полчаса ходьбы и чтение молитв,
и утром свежий снег, и крепкий кофе в полдень –
и через это всё Господь нам говорит
о Царствии Своем.
Отчетлив глас Господень.

Витает в воздухе свободы вещество –
его легко вдохнуть, но не возьмешь руками.
На ослике в Москву въезжает Рождество,
в московский Вифлеем, невидимое нами.

Календарные страницы *главного редактора*

Весной, в Долине плача

1225 лет преставления преподобных Иоанна, Сергия, Патрикия и прочих во обители святого Саввы убиенных (20 марта 796 года)

Была весна, Иудея тонула в радостном солнечном блеске.
Иван Бунин

В ту весну поднялись бедуины. Бились друг с другом; охотно грабили и убивали и окрестных христиан. Города и поселки близ Иерусалима обезлюдели, лавра святого Харитона стояла мертвой, сам Иерусалим едва не был взят.

Лавра Саввы Освященного находилась в восемнадцати верстах от Иерусалима.

Дорога к ней шла по долине Иосафата в сторону Содомского моря, как тогда звалось Мертвое. Здесь, в Иудейской пустыне, над ущельем, поселился некогда инок Савва. Ущелье проточил поток, уже ко времени Саввы высохший; место было суровым и для жительства малопригодным. Это не мешало стекаться к Савве тем, кто желал тихой жизни и мудрого над собой руководства. Возникла лавра; в одной из пещер была устроена церковь, позже возведена сторожевая башня. Место, хоть и вдали от Иерусалима, тихим не было; не раз на лавру нападали бедуинские племена, искавшие легкой добычи. Страшным было нападение 614 года. Тогда бедуины, воспользовавшись нашествием персов, разграбили лавру; потом стали пытаться инок, требуя выдать лаврскую казну. Не добившись ничего, кого обезглавили, кого рассекли на части и, довольные своими подвигами, ускакали.

Было это сто восемьдесят два года назад, еще до того, как эти принадлежавшие ромеям земли стали частью обширного царства агарян – арабского халифата. Теперь всё, похоже, повторялось.

Шел десятый год правления халифа Харуна ар-Рашида.

Природа наделила Харуна высоким ростом, светлой кожей и вьющимися волосами. Большую часть времени халиф проводил в Багдаде, во дворце аль-Хулд – «Блаженная вечность». Дворцовый сад украшали цветы, высаженные так, чтобы воспроизвести известные арабские поэмы, а стволы деревьев были опрарены в серебро и украшены камнями.

Тревожили иногда Харуна только мысли о смерти. Когда в 789 году умерла его мать, властная Хайзуран, Харун шел за ее гробом босиком по осенней грязи, спустился в гробницу и после молитв стал читать стихи. «Страдание пробуждает страдание...», повторял он строки известной элегии Мутаммима ибн Нувайры.

Был он, как и его предшественники, довольно веротерпим.

Эта веротерпимость имела свои пределы. 13 апреля 789 года, за три дня до Пасхи, по приказу халифа был казнен инок Христофор. Прежде мусульманин, он принял крещение и поселился в обители Саввы; кто-то донес, Христофора судили и по приказу халифа обезглавили.

В 806 году Харун ар-Рашид повелел разрушить все церкви в городах вдоль византийской границы, а еще через год возобновил старинные ограничения для христиан и других иноверцев. Они должны были подпоясываться веревками, носить особые головные уборы и особую обувь и ездить только на ослах.

Но это было уже в последние годы его правления, когда золотой век халифата мерк на глазах. Одно за другим поднимались восстания; в Йемене, Хорасане, Сирии; от халифата отложились Испания, Марокко, Тунис.

Весной 796 года поднялись бедуины в Иудейской пустыне.

Несколько раз бедуины уже показывались возле стен лавры. Монахи начинали колотить в било, это было знаком тревоги.

Но куда бедуины довольствовались мелкой поживой и, получив от монахов какой-нибудь снеди, уносились прочь. Один раз уже сговорились напасть на лавру; но по дороге нашли спрятанные сосуды с вином, напились им, запели песни и передрались.

Савваиты уже начали надеяться, что опасность миновала.

Утром 13 марта, в первый понедельник Великого поста, около восхода солнца снова застучали в било. Монахи быстро поднимались к башне.

Стали видны всадники, числом более шестидесяти. Петляя по долине Иосафата, они приближались к обители.

«Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой».

Так сказано о Страшном суде в Книге пророка Иоилия.

Суд этот, по преданию, должен был произойти здесь, в долине Кедрона. Здесь издревле хоронили – царей, священников, пророков; в трудные времена и простолюдинов. Здесь сохранились высеченные в скале могилы Авессалома и Захарии. Долину называли также долиной царей, долиной суда и долиной плача.

«...Холмы, перевалы, то каменистые, то песчаные, кое-где поросшие жесткой растительностью, обитаемые только змеями, куропатками, погруженные в вечное молчание. Зимой там, как всюду в Иудее, льют дожди, дуют ледяные ветры; весной, летом, осенью – то же могильное спокойствие, однообразие, но солнечный зной, солнечный сон. В лощинах, где попадаются колодцы, видны следы бедуинских стоянок: пепел костров, камни, сложенные кругами или квадратами, на которых укрепляют шатры...»

Так опишет эти места Иван Бунин в рассказе «Весной, в Иудее».

Бедуины не были врагами христиан. Они кочевали по долине, разводили скот, ставили палатки из верблюжьей шерсти; получали выгоду, служа проводниками паломникам, посещавшим здешние монастыри. В том числе и обитель Саввы.

Но в ту весну они восстали. Власть халифа слабела на глазах, наступали смутные времена. И бедуины вернулись к тому, чем промышляли испокон веков. Долина плача наполнилась слезами.

«Ибо пришел на землю Мою народ сильный и бесчисленный; зубы у него – зубы львиные, и челюсти у него – как у львицы. Опустошил он виноградную лозу Мою, и смоковницу Мою обломал, ободрал ее догола, и бросил; сделались белыми ветви ее».

Так сказано в Книге Иоилия.

...И они подъехали к лавре, переговариваясь и посмеиваясь. И зубы у них были зубами львиными, и стрелы их были наготове; и глаза их взирали жадно на виноградную лозу – обитель святого Саввы.

– Зачем вы пришли к нам в таком виде, будто к врагам, нанесшим вам величайшие обиды?

Монахи стояли перед ними; солнце успело взойти и освещало их лица. От всадников и лошадей ложились длинные тени.

– Мы, о мужи, – продолжали монахи, – ни вас, ни других никогда не опечалили. Мы принимали, кормили и давали кров вашим братьям. Мы и ныне готовы поделиться снедью, оставшейся у нас...

Среди всадников раздался хохот.

– Мы не испытываем голода, – отвечали они, – и не имеем нужды в вашей снеди. Мы прибыли за другим. Нам известно, что вы скрываете золото. Или вы думаете, мы поверим, что оно у вас не припрятано? Чтобы в таком месте, куда люди вашей веры так охотно делают пожертвования, не было золота? – Снова раздался смех. – Подумайте. Либо вы поделитесь частью его с нами, либо...

Было названо требуемое количество. Четыре тысячи номисм, около восемнадцати килограммов золота.

Монахи недоуменно переглянулись.

– Поверьте, мужи, поверьте, – начали они, – что мы и хлеба не всегда имеем вдоволь, а уж такое количество золота мы и во сне не видели...

Закончить речь монахи не смогли.

«Распаленные гневом, – пишет очевидец, Стефан Савваит Младший, – убийцы стали изобильно пускать стрелы, подобно зимним тучам. Из отцов было ранено около восьмидесяти, большинство смертельно. Одни имели вонзившиеся стрелы в груди, другие в затылках, иные в лицо».

Бедуины хлынули в лавру.

Разбивали хлипкие двери келлий и уносили все, что могло иметь хоть какую-то цену. Стали поджигать хворост, который монахи собирали и держали на зиму; лавра наполнилась дымом. Часть бедуинов бросилась в сторону лаврской церкви,

ради более богатой добычи; но тут кто-то из них углядел вдалеке отряд другого, враждебного им бедуинского племени. Быстро погрузив добычу на лошадей, крича и обгоняя друг друга, они выехали из лавры.

Всю первую неделю поста савваиты разгребали пепелище, отпевали погибших и врачевали уязвленных стрелами. И ждали нового нападения.

«Проезжая, я постоянно видел тлеющие кучки кизяка перед некоторыми шатрами, среди шатров – тесноту: всюду собаки, лошади, мулы, козы – до сих пор не понимаю, чем и где всё это кормилось, – множество голых, черномазых, курчавых детей, женщины и мужчины, похожие одни на цыган, другие на негров, хотя не толстогубых...» (Иван Бунин, «Весной, в Иудее»).

Доходили ли вести о восстании бедуинов до халифа?

Скорее всего, доходили. Но волнения в этой части халифата его не слишком беспокоили. Земли в Иудее бесплодные, это не Египет и не Хорасан, откуда шло больше всего налогов в казну. В самом Иерусалиме Харун так и не побывал; а то, что кочевники шалили и грабили тамошних христиан... У халифа были более важные заботы.

В том самом 796 году он решил перенести столицу из Багдада в Ракку.

Он никогда не любил Багдад; жаловался, что багдадский воздух ему не подходит. Он устал от багдадских дворцов. Население Багдада вечно росло и вечно было чем-то недовольно. Он устал.

Но главное – ему хотелось построить свою, собственную столицу. Чтобы немного развеять мысли о смерти, посещавшие его все чаще.

Наше время – мгновенье. Шатается дом.
Вся вселенная перевернулась вверх дном.

Трепещи и греховные мысли гони.
На земле наступают последние дни.

Небосвод рассыпается. Рушится твердь.
Распадается жизнь. Воцаряется смерть*.

Он повторял про себя эти стихи Абу-ль-Аттахи и украдкой утирал слезы.

Он выбрал сирийскую Ракку, омываемую водами Евфрата. Все управляющие и администраторы продолжали жить в Багдаде. Там же, во дворце Блаженной вечности, аль-Хулд, остались скучать жены и наложницы.

В Ракке он построил Каср ас-Салам, «Дворец мира», превосходивший все багдадские дворцы. Наружная отделка была не слишком богатой, всё великолепие скрывалась внутри: гобелены, позолота, росписи. Неподалеку он решил построить ипподром, где будут состязаться в беге лошади из его конюшни.

Вот что занимало мысли и сердце халифа в ту весну 796 года.

* Перевод Михаила Курганцева.

Первая неделя поста заканчивалась; поздно в субботу, после всенощной, савваиты заметили двух монахов, бегущих к лавре. Были они из другой лавры, святого Евфимия. «Нечестивцы всю неделю собирали силы, – сказали пришельцы, тяжело дыша, – и готовятся этой ночью напасть на вас; это мы узнали от некоторых из их соплеменников, соседних с нами. Они уже начали по заходе солнца свое движение».

Снова застучало било.

На востоке бледнело; редкой красоты рассвет наступал над долиной Иосафата. Занятые приготовлениями к набегу, монахи то и дело взирали наверх, на чудную игру облаков и лучей.

– Едут! – закричали дозорные монахи. – Едут!

Ворвавшись с гиканьем в лавру, нападавшие сразу же приступили к делу. Избивали монахов мечами, дубинами, просто палками. Убивали, впрочем, мало; больше заботились о том, чтобы нагнать страх.

Некоторые из братии пытались скрыться в пещерах, расселинах гор и проломах. Уходивших отлавливали и гнали обратно, в лавру.

– Выкупите себя и вашу церковь за четыре тысячи номисм, или мы немедленно прикажем обезглавить вас и сождем ваш храм!

– Пощадите нас ради Бога, – отвечали монахи, – и не проливайте несправедно нашей крови; а таким количеством золота мы не владеем и никогда не владели!

Монахов сгоняли в пещерную церковь.

– Укажите на ваших казначеев и распорядителей, иначе мы всех лишим жизни!

Монахи отвечали, что таковых среди них нет.

К отверстию пещеры стали быстро таскать тростник. Монахи в пещере слышали деловитые крики бедуинов и звук сваливаемой травы. Монахи молились. Потом крики снаружи смолкли, один из бедуинов поднес факел, и трава вспыхнула.

«А так как тростник был сырой, – пишет Стефан Савваит Младший, – то он производил сильный дым, который, клубясь в этой теснине и совсем не находя отдушины и выхода, невыносимо мучил и удушал отцов. Мучители, оставив их достаточное время задыхаться, закричали: “Выйдите, монахи, выйдите!”. Выходящим пришлось проходить сквозь пламя; но всё казалось выносимее дыма и происшедшего от него удушения. При выходе у многих были обожжены подошвы и волосы, бороды, брови и ресницы. Вышедшие бросались на землю, стремясь набрать воздуха».

Их тут же хватили и снова требовали выдать казначеев. Монахи, задыхались, говорили:

– Если хотите убить нас, сделайте это скорее... Но ничего другого от нас не услышите.

«Тогда, вторично загнав их в пещеру, они еще сильнее стали окуривать ее дымом. И, оставив на долгое время, снова закричали святым выйти. Они же, пробравшись сквозь пламя, полумертвые выходили на воздух, впитывая его и делая глубокие вздохи, старались отдышаться. Ибо почти все они были при последнем издыхании; а находившиеся внутри, не вынеся силы дыма, предали свои святые души в руки Владыки Христа».

Вышедших стали снова колотить и трясти, требуя назвать казначеев и места, где спрятано золото... Те только раскрывали рты, таращили глаза и хрипели.

Навьючив на лаврских верблюдов награбленное в церкви, игуменском доме и келлиях и ругая монахов за жадность, бедуины стали уходить.

Иоанн. Исполнял в лавре послушание игумениарха, заботясь о приезжих в игуменском доме. Нападавшие подрезали ему жилы на ногах, потом стащили его по камням вниз к церкви. Скончался от ран и дыма.

Сергий, родом из Дамаска. Когда монахов сгоняли в церковь, отказался туда идти: «Не для молитвы вы повелеваете нам сегодня войти туда!». Был усечен мечом.

Патрикий, родом из Адрианополя. Прятался в пещере вместе с несколькими монахами; когда их убежище было открыто, вышел из нее и свидетельствовал, что прятался там один, не выдав остальных. Будучи отведенным в церковь, погиб от дыма.

Протодиакон Анастасий.

Авва Косма.

И еще шестнадцать монахов, погибших в то воскресное утро.

Весть об избиении савваитов разнеслась далеко за пределы Иудейской пустыни.

В Константинополе начали готовиться к новому походу против арабов; в марте следующего, 797 года войска были собраны. Но поход так и не состоялся, император Константин, едва выступив из Константинополя, вернулся обратно. Другая, гораздо более сложная война шла в то время – между Константином и его матерью Ириной. Константин боялся надолго оставлять столицу.

Эхо савваитского погрома докатится и до западных земель, до далекого Аахена, столицы короля франков Карла. В конце 797 года Карл отправит в Ракку посольство. Посланцам было велено просить халифа, чтобы тот положил конец подобным злодеяниям; посольство также повезло пожертвования для иерусалимских христиан. Халиф посланцев принял и выслушал, а Карлу в подарок отправил слона.

Лавра Саввы Освященного залечивала раны. Бедуины оставили ее в покое: может, Харун ар-Рашид всё же что-то предпринял. Но главной причиной было поветрие, вспыхнувшее среди бедуинов, так что они не успевали хоронить и сбрасывали своих мертвецов в ущелья. И снова долина наполнилась плачем – голосили бедуинские женщины, царапая себе лицо и оплакивая своих мужей, курчавых детей, братьев и прочую родню.

Харун ар-Рашид проведет в Ракке последние тринадцать сумеречных лет своего царствования. Халифат продолжал распадаться, приток в казну иссякать; халиф уничтожал своих визирей; требовал, чтобы его врагов казнили перед ним, и наблюдал их мучения.

Он умрет от болей в желудке 24 марта 809 года во время похода на мятежный Хорасан.

Харун сам выбрал себе погребальный саван и приказал вырыть для себя могилу. Заглянул в нее, огладил ладонью землю. Поглядел на безмолвную свиту, стоявшую сзади.

Где цари и те, кто жил до тебя?
Они ушли путем, по которому уйдешь и ты.
Ты так радовался этому миру,
Твои уши были готовы беспрестанно внимать лести.
Возьми то, что дарует тебе этот мир.
А смерть – конец всего.

Это были стихи Абу-ль-Аттахии, его любимого поэта.

– Не правда ли, – голос халифа дрогнул, – это написано про меня?

Могила Харуна исчезнет. Да и от багдадских дворцов и от «Дворца мира» скоро останутся лишь развалины.

«Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой».

И народы медленно поднимаются из земли.

Раскрываются с хрустом гробницы, отваливаются камни из пещерных гробов и катятся вниз.

Море выплевывает мертвецов, начинает шевелиться земля городских кладбищ.

Народы движутся в долину Иосафата, долину плача, долину царей, озаряемые вспышками ночного неба. Они заполняют ее и замирают, ожидая суда. Восток уже по-светлел, наливаясь золотом. Вот-вот придет Судия, и наступит утро.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН

«Откуда ты таковое дерзновение приял?..»

Послание патриарха Никона царю Алексею Михайловичу 1661 года

В 1658 году из-за разногласий с царем Алексеем Михайловичем патриарх Никон покинул Москву. Он ожидал, что государь пришлет посольство с раскаянием и просьбой возвратиться. Однако Алексей Михайлович, внимая жалобам бояр на крутой и властный нрав патриарха, посольства не прислал.

Начался долгий процесс подготовки извержения патриарха Никона из сана, завершившийся лишь в 1666 году. Все это время Церковь фактически управлял царь, проводя секулярную политику в отношении церковных земель и имущества, что, в свою очередь, вызывало огромное недовольство опального первоиерарха.

Конец 1661 года проходил для патриарха беспокойно: обострилась тяжба со стольником Романом Федоровичем Боборыкиным. Еще в 1656 году, во время собирания земель для Воскресенского монастыря, Никон приобрел село Воскресенское, принадлежащее Боборыкину. При этом, по свидетельству патриарха, стольник пожертвовал монастырю также село Бобырево с приписанными к нему землями и санными покосами, видимо, рассчитывая на какие-либо выгоды от дружбы с патриархом. Но когда в 1658 году Никон оставил кафедру и удалился в Новый Иерусалим, Боборыкин затеял с ним спор о пожертвованных им землях и забрал их в свое владение. Жалоба монастыря в Москву осталась без ответа. Летом 1661 года патриарх отдал приказ своим людям жать рожь и косить сено на спорной территории. Последовала жалоба царю от Боборыкина, и из Москвы была прислана комиссия, состоящая из сыщика Михаила Верделевского и подьячего Григория Богданова. Монастырские власти подали Верделевскому бумагу, в которой говорилось о том, что апостольские и святоотеческие правила воспрещают светскому лицу производить следствие и суд над лицами духовного чина. Дознание зашло в тупик, и комиссия уехала.

Никон тем временем дал указ крестьянам, принадлежащим монастырю, перевезти собранное сено к себе. Боборыкин вновь отправил письмо царю, в котором

заверял, что свезенное сено было описано следствием, а потому до царского указа перемещать его куда-либо воспрещено. Стольник также прибавил, что монастырские крестьяне хотели его убить. В декабре 1661 года вновь прибыли представители светских властей, последовали разбирательства, которые ни к чему не привели. Дело тянулось до 1663 года и закончилось переходом спорных земель во владение Боборыкина¹.

Послание патриарха, адресованное Алексею Михайловичу, написано в конце 1661 года в мрачных тонах, проникнуто апокалипсическими предчувствиями, содержит в себе описание грозного видения. Форма челобитной послужила для патриарха той основой, на которой построено обширное учительно-полемическое сочинение. Его характер можно проследить с первых строк:

Начало же нашему писанию твоему благоразумию первые о сем словеси, без него же никто нас, богомольцов ваших, писати вам, государем, смеет, еже есть: Бога молю по долгу и по блаженнаго Павла апостола наказанию, еже повеле за царя первые молити², второе же, еже челом бью. И се твоему благородию и словом, и делом исполняем; обаче же ни сим щедрот твоих можем умолити, и не яко святители есмы или яко рабы, но яко рабичища есмы, отовсюду изобижены, отовсюду гоними, отовсюду утесняеми, и прочая вся злая нам случишася за грехи наша, и есмы смирени паче всех человек. И уже видя святую церковь гониму, послушав словесе Божия, еже есть: «Аще гонят вы во граде, бегите во ин град»³ и паки «Се, удалихся, бегая, и водворихся в пустыни, чаяхъ Бога, спасающаго мя»⁴. И ни zde есмь обрел покоя (1661-№ 9, л. 242)⁵.

Образ гонимой Церкви в лице «биеной братии», за которую патриарх заступает перед «гонителями» – Алексеем Михайловичем и карательной машиной государства, задает тон всему сочинению. Именно «...образ изгнанника “отовсюду”, смиренного страдальца, “обиженнаго” и “утесненнаго” “рабичища” Божия давал Никону право одновременно поучать и осуждать государя»⁶.

Давление светских властей на духовное сословие позволяет Никону проводить параллели с последними временами, описанными в Откровении Иоанна Богослова. Вступительная часть представлена обширной цитатой из Апокалипсиса (Откр. 12, 1-17). События, происходящие в Российском государстве, толкуются Никонем как исполнение предсказаний о последних временах, пришествии антихриста, приспешником которого является сам царь, поднявший руку на Церковь. Образ Жены-Церкви, укрываемой Богом от Зверя (Откр. 12, 13-14), искусно дополняется образом патриарха, защищающего ее и осознающего себя инструментом в Божьих руках. Поступки предстоятеля Церкви представлены как своего рода оборонительная тактика, призванная уберечь вверенное ему Самим Богом от разграбления и уничтожения. Потерпев поражение от светских властей в борьбе за неприкосновенность церковного имущества, Никон оставляет это попечение на суд Бога и удаляется: «И оставихом, и изыдохом на место пусто» (1661-№ 9, л. 243–244).

«Пусто место» – не просто собирательный образ, оказавший влияние на всю стилистическую окраску послания. Идея пустынножительства воплотилась в создании неподалеку от Воскресенского монастыря, на берегу реки Истры, Богоявленской «Отходной пустыни», в которую Никон удалялся во время постов, предаваясь там бдению и усиленным молениям (См.: 1664-№ 14, л. 47)⁷.

Издrevле христианские подвижники уходили в уединенные места, подальше от людской суеты, чтобы в тишине и безмолвии беседовать с Богом. Этот образ Никон использует в своем послании через повтор слов со значением «бегства» и «пустыни», подобранных из Священного Писания: «се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни» (Пс. 54, 8), «А Жена бежа в пустыню...» (Откр. 12, 6), «...гоняше Жену <...> да летит в пустыню в место свое...» (Откр. 12, 13, 14). Уход в скит, молитва за царя и обидчиков представляется как форма борьбы с гонителями Церкви. Зло не побеждается злом, но побеждается любовью и молитвой. Потому Никон, подобно отшельникам древности, уходит в «пусто место» для сугубой молитвы о разумлении государя. 1 апреля 1659 года он писал думному дворянину Прокопию Елизарову и думному дьяку Алмазу Иванову, которые упрекали его в досаждении государю своими письмами:

В прежних, де, давних летех ко благочестивым царем христианским греческаго царствия о исправлении духовных дел и пустыницы возвещали... и впредь, о каком духовном деле, требующем исправления, услышит, молчать не учнет⁸.

Но и в «пустыне» патриарх не находит покоя. Роман Боборыкин, именуемый Никоном «злоначальным змием», «без правды» завладевшим монастырскими землями, начинает следственные действия вокруг спорных земель. На него и на людей, втянутых в тяжбу, первоиерарх переносит апокалипсические пророчества, представленные в начале послания. Далее следует изложение тяжбы в хронологической последовательности. Никон называет имена людей, причастных к конфликту, приводит точные даты событий, дословно излагает фрагменты царского указа, выданного московским сыщикам. Естественно, что в повествовании патриарха виновным оказывается стольник, а то, что светские власти находятся на его стороне, – и есть предзнаменование наступления последних времен. После изложения сути конфликта следует просьба к царю прекратить беззаконие: «Тем же молим вашу кротость престати от гнева, и оставити ярость, и не послушати лукавнующих». Подобные прошения завершают каждую часть, отделяя их, таким образом, друг от друга.

В следующей части эмоциональный накал повышается. Серия жестких вопросов обрушивается на царя:

Откуда ты такое дерзновение приял, еже сыскивати о нас и судити нас? Которые ли тебе законы Божия велят обладати нами, Божиими рабы? Не довольно ли ти бысть царствия мира сего люди разсудити вправду, и ни о сем прилежиши? А еже повеление твое, написанное в наказе, взять крестьян Воскресенскаго монастыря, по каким то уставом? (1661-№ 9, л. 246).

Патриарх предлагает царю рассматривать его действия сквозь призму Священного Писания. И, предвидя тщетность таких попыток, пишет: «Надеюсь, аще и поищеши, не обрящеши, разве беззакония и насилия», так как в свете Божьего закона действия царя не могут быть ничем другим как произволом и насилием.

Затем следует обширная цепочка цитат, связанных друг с другом мотивом грозного воздаяния Божия за причиненные праведникам неприятности: «Послу-

шай же, Господа ради, что бысть древле за такое продерзание». Примеры из Библии расположены в порядке хронологического появления их на страницах книг Священного Писания. Возможно, Никон заготовил их заранее, читая Библию в качестве духовного упражнения. Окончив библейские примеры книгой Деяний св. апостолов, патриарх приводит в качестве назидания отрывки из житий святых, подвергавшихся гонениям, но впоследствии оправданных Богом посредством чудес и побед над мучителями.

Все назидательные отрывки даны в виде краткого пересказа и, скорее, представляют собой тезисы, раскрыть которые для себя сможет любой человек, знакомый с библейской и церковной историей. В послании использован краткий пересказ из следующих книг Библии:

- **Бытие:** (Быт. 12, 10-20) – о наказании фараона, забравшего Сарру в свой гарем; (Быт. 19, 4-11, 24) – о содомлянах, наказанных ангелами за оскорбление Лота.
- **Исход:** (Исх. 10, 21-23; 7, 20-21) – о двух из десяти египетских казней, постигших фараона за непослушание Моисею.
- **Числа:** (Чис. 16, 41-50) – о гибели 14700 человек, восставших против Моисея и Аарона.
- **Числа:** (Чис. 16, 1-3, 12-14, 25-33) – о казни Корея, Дафана и Авирона, дерзнувших самочинно совершать богослужение.
- **2 Царств:** (2 Цар. 11, 2-27, 12, 7-13) – о прелюбодеянии Давида и о вразумлении его через пророка Нафана.
- **2 Царств:** (2 Цар. 24, 1-25) – о переписи населения Израиля и наказании народа моровой язвой за то, что Давид начал надеяться на людей, а не на Бога.
- **3 Царств:** (3 Цар. 13, 1-6) – о наказании царя Иеровоама, у которого «одеревенела рука» за то, что он повелел схватить обличавшего его идолопоклонство пророка из Иудеи.
- **3 Царств:** (3 Цар. 21, 1-19) – о предсказании нечестивому царю Ахаву и его семье гибели за убийство Навуфея, не соглашавшегося продать царю родовой виноградник.
- **4 Царств:** (4 Цар. 1, 9-12) – о сожжении огнем посланных за пророком Илией двух отрядов по 50 воинов.
- **4 Царств:** (4 Цар. 2, 23-24) – о растерзании зверями детей, насмехавшихся над пророком Елисеем.
- **Книга Пророка Даниила:** (Дан. 3, 13-25) – о сохранении Богом трех отроков, брошенных Навуходоносором в раскаленную печь.
- **Книга Пророка Даниила:** (Дан. 6, 16-23) – о сохранении пророка Даниила в львином рве.
- **Деяния Святых Апостолов:** (Деян. 12, 6-11) – о том, как ангел освободил апостола Петра из темницы.
- **Деяния Святых Апостолов:** (Деян. 16, 16-33) – об избавлении из темницы апостолов Павла и Силы.

- **Откровение Иоанна Богослова:** (Откр. 1, 9-19) – об апостоле Иоанне Богослове, сосланном за проповедь Христа на остров Патмос и написавшем в ссылке книгу Откровения.

Окончив приводить примеры из Библии, патриарх обращается к житиям святителей, испытавших, подобно ему, ссылки и гонения со стороны правителей, – Иоанна Златоуста и Филиппа Московского. Иоанн Златоуст заступился за вдову, у которой после кончины ее мужа Феогноста, оклеветанного «боярином» Гаем, царица Евдоксия отобрала виноградник, фактически лишив средств к существованию. Житие святителя Никон приводит по «Маргариту», сборнику проповедей Иоанна Златоуста с приложением житийных фрагментов⁹.

Что касается второго примера, из жития святителя Филиппа, митрополита Московского, то стоит отметить, что к его личности Никон всегда относился очень трепетно. Еще в бытность Никона новгородским митрополитом ему была привезена с Соловков частица мощей святителя¹⁰. В 1652 году Никон торжественно перевозит мощи святого в Москву, заказывает иконописцам иконы с изображением святителя Филиппа¹¹. Став патриархом, он издает указы ставить церкви во имя святого¹², а также основывает монастыри в честь него¹³. Напоминая царю о личности святителя Филиппа, патриарх призывает государя вспомнить об ошибках светской власти прошлого века и не повторять их сейчас.

И что по сих приложим? Аще сими воспомяновеньми не умилишися, то аще и все писание предложит ти ся, не имеши веры, по писаному: «Аще Моисеи и пророком не имут веры, то аще кто и от мертвых воскреснет, не имеши веры»¹⁴. Тем же паки молим: престани, Господа ради, гоня нас, и оскорбляя, и веруя клеветником (1661-№ 9, л. 247).

Волна цитат и исторических примеров завершается последней фразой из Евангелия от Луки. Ею Никон подчеркивает, что Алексей Михайлович, упорствуя в своей политике, может легко отпасть от Бога со всеми вытекающими последствиями.

Исчерпав аргументы, патриарх обращается к своей персоне. Серия вопросов третьей части имеет целью раскрыть царю тайный смысл поступков, совершенных Никоном при оставлении Москвы.

Не довле ли ти есть наше бежание и все еже оставление? // Еще ли твоему благородию годно, да бегу, оттрясяя и прах ног своих ко свидетельству в день судный?¹⁵

Со времени оставления кафедры патриарх неоднократно упоминает это повеление Христа уходить от противящихся евангельской проповеди. Поведение вкусившего полноту самодержавной власти Алексея Михайловича и потеря доверительных отношений расцениваются патриархом как проявление гордыни – матери всех грехов. «Уже ни великим государем зовуся и что тебе прекословна творю?» Дело в том, что первоиерарху ставили в вину присвоение себе титула «великий государь». Теперь Никон отрекается от него, пока на месте патриарха фактически находится царь и доказательством этого абсолютизма светской власти в области духовной является все увеличивающееся влияние государя на жизнь Русской Церкви:

...Всем архиерейским рука твоя обладает, и судом, и достоянием, страшно молить, обаче терпеть не возможно; еже нами слышится, яко по твоему указу и владык посвещают, и архимандрит, и игуменов, и попов поставляют, и в ставильных грамотах пишут равночестна и Святому Духу, сице: «По благодати Святаго Духа и по указу великаго государя». Не доволен Святый Дух посвятити без твоего указу! Да что больши сего, да Богъ тебе терпит! Пишет бо: «Аще кто на Святаго хулит, не имать оставления ни в сий векъ, ни в будущий»¹⁶ (1661-№ 9, л. 248).

Усиление влияния царя на церковную жизнь проявляется не только в поставлении лояльных государю духовных лиц, но и в распоряжении имуществом Церкви, а также в учащающихся случаях передачи суда над священнослужителями светским судьям:

К тому же повсюду своим насилием по святым митрополиям, и по епископиям, и святым монастырем без всякого совета и благословения насилием вещи движимыя и недвижимыя емлещи нещадно... Судят и насилуют мирские судьи архиереев, и архимандритов, и игуменов, и священников, и весь причет церковный.

В упоении властью Алексей Михайлович присваивает себе право управлять Церковью через доверенных лиц. Вечный болезненный вопрос «Что выше, светская власть или власть духовная?» в персоне патриарха Никона потребовал радикального решения, выразившись в подготовке Собора 1666 года, хотя, низложив Никона, царь не рискнул упразднить патриаршество, возведя в чин первоиерарха подконтрольного ему архимандрита Троице-Сергиева монастыря Иоасафа II.

Далее следует критический анализ документа, давшего царю возможность на легитимном с точки зрения гражданских законов основании распоряжаться имуществом Церкви, – Соборного уложения 1649 года. Это Уложение было составлено особой комиссией после так называемого «соляного бунта» 1648 года, вызванного недовольством боярина Бориса Морозова деятельностью правительства. Бунт был подавлен дворянством, но оно потребовало отставки Морозова, составления Уложения и легализации своих привилегий. Это и нашло отражение в Уложении. Уложением создавался патриарший приказ – новая светская администрация, ведавшая церковным имуществом.

Юрисдикция государства и подчинение государственному суду также распространялись и на обитателей церковных имений, сел и слобод, которые раньше попадали под церковный суд, и даже на некоторые категории духовенства. Предприятия, принадлежавшие церкви, теперь облагались податями в пользу государства. Кроме того, особые статьи Уложения лишали церковь права приобретать новые недвижимые имущества. Инициаторы Уложения не только подчинили монастырские и епископские земельные угодья этому светскому аппарату, но и настояли на частичной экспроприации церковных земель, так называемых пригородных слобод, в пользу государства, причем, несомненно, часть имущества попала в частные руки¹⁷.

Состав Монастырского приказа не был четко определен. И если поначалу в число служащих Приказа входили архимандрит Чудова монастыря Ферапонт, старец Новоспасского монастыря П. Еропкин и сретенский протопоп Петр, то уже в 1655

году в нем подвизались только светские лица¹⁸. Именно об этом стремлении подражать протестантской Европе и ведет речь патриарх, опасаясь за будущее Православной Церкви в России.

Изложенная книга (т.е. Уложение – А.К.), аще и по страсти написанья многонародного ради смущения, обаче и тамо написано: в Монастырском приказе от всех чинов сидеть было архимандритом, и игуменом, и протопопом, и священником, и честным старцом. И ты все то упразднил! (1661-№ 9, л. 248).

Дерзость государя, по мнению патриарха, заключается в том, что он изменил многовековую традицию церковно-государственных взаимоотношений, унаследованную Русью от Византии и затем многократно скрепленную древнерусскими князьями, в том числе и отцом Алексея Михайловича, Михаилом Федоровичем.

И все, еже уставленныя законы святых отецъ и благочестивых царей и великих князей греческих и русских, и ни во что же обратил еси! Еще же и отца своего святыхъ памяти великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии и самого себе грамоты и уставы... Тако же и благочестивые царие и великия князи, иже уставили и укрепили православныя преданыя законы, еже твое веление разори и ни во что же вмени. От них же есть и ныне в Росии, в дому святыхъ матере церквам Пресвятыя Богородицы святаго ея Успения, грамоты царския и великих князей и ярлыки ординских царей, как почитали церковь, иже имут паче все в день судный клеветницы быти, яко и невернии, церковных судов сами не судили и в церковное ни во что не вступалися и архиереов не печаловали, и тако писали, да пусть молят Бога непечальным сердцем, молят Бога за нас и за цариц нашихъ и за детей наших, а Бог Святыи пожалует нас, и Божия возложения не отнимали, но и сами давали. Такожде много таких грамот по митрополиям, и по архиепископиям, и по святым // монастырем, и по соборным церквам всюду, и до твоего царствия везде хранимо повелением было. Да того ради благодать Божия исполняла и царския обиходы, и мир весь строен (1661-№ 9, л. 248-250).

Патриарх упоминает о ярлыках ордынских ханов, освобождающих русское духовенство от всех видов дани. Ярлыки хранились в библиотеке Успенского собора Кремля, рядом с ризницей¹⁹. Упоминаемый Никоном документ является подложным «ярлыком» хана Узбека московскому митрополиту Петру и относится к 10-частному собранию ярлыков, сложившемуся в первой половине XVI века²⁰. За основу его был взят ярлык хана Менгу-Темира и переработан таким образом, чтобы церковное имущество и церковный суд были неприкосновенными, а светские власти – во всем слушались митрополита. Таким образом, этот документ является попыткой вместить в себя все самое ценное из опыта общения Русской Церкви с Ордой и закрепить достигнутые привилегии уже в отношениях с русскими государями²¹.

Ордынским ханам, иноверцам, вначале язычникам, а затем магометанам, Никон противопоставляет православного царя Алексея Михайловича:

А от твоих начал царства грамоты все упражнены, и еже церкви Божией и святым монастырем даное в наследие вечное недвижимыя вещи, слободы, села, озера, варницы соленыя, леса многие поотнял и причастника себе Бога не сотворил еси.

То, что было простительно захватчикам и иноверцам, непростительно для христианина; патриарх говорит о том неизбежном возмездии, которое ожидает царя:

Сего ради и Бог остави тя и оставити имать, аще не покаешия и не возвратиши взятое от Божиих церквей, паки и грамот еже прежде тебя бывших во святых церквах и во святых монастырех не утвердиши и от возхищения священных вещей не удержишися.

Это грозное предупреждение Никон основывает на ветхозаветных текстах, данных как в прямых цитатах, так и в пересказе. «Послушай, како на тя Святая Церковь вопиет о возхищенных вещех Давидски, иже реша, да наследим себе святилище Божие». Далее следуют две обширные цитаты из 82-го и 158-го псалмов, в котором предсказываются разорение и беды всем, кто осмелится поднять руку на израильтян. На этом заостряет внимание и Никон:

Се, слыша ли твое благородие, како глаголет Святая Церковь на хотящих наследовати беззаконно? Твоя же воля ко всему сему прикоснуса, еже нами сышится о хлебе, и деньгах, и о соли, и о вотчинах.

Духовенство в современной Никону России из общества сакрального, совершающего великое Таинство Евхаристии, становится приравненным к обычным крестьянам и солдатам. Как не без иронии пишет об этом сам патриарх:

Деши без страха Божия и ничим же нас лутче сотворил еси поселян и мирских воин. В латинских ересях написано, яко и сами архиереи их на войну отпускают и сами ходят... Доколе уже нас // самех, твое благородие, не пошлешь на войну? (1661-№ 9, л. 250-251).

Переходя к следующему обличительному отрывку, Никон вновь взывает ко вниманию царя: «Не слыша ли, твое благородие, в книгах Моисеовых самого Бога глаголюща». Следует обширная цитата из 26-й главы книги Левит, повествующая о наказании израильского народа за непочтительное отношение к Богу. Отрывки из пятнадцати стихов выбраны автором очень искусно, выделяются ключевые и важнейшие смысловые фрагменты, включающие в себя как прямое цитирование (Лев. 26, 23-29, 36-39), так и отдельные части стихов (см.: Лев. 26, 32, 33, 34, 41). За ней следуют небольшие цитаты из Первой книги Царств (хвалебная песнь Анны, матери пророка Самуила) и из Псалтири, повествующие о том, что без помощи Бога невозможно совершить никакое дело, а потому для христианина важно помнить о Господе и благодарить Его. Здесь доля авторского слова значительно возрастает, библейские отрывки используются как полноценное подкрепление мнения адресанта.

А как быть с нами Богу, яко на Самого рать воздвигохом, по нас поборет... «Не спасется ... царь мноюю силою; и исполин не спасется множеством крепости своея. Ложь конь во спасение, во множестве силы своея не спасутся»²². И паки ин пророкъ, яко не укрепляется муж крепостию: «Господь сотвори немощна сопостата его, Господь свят»²³. И паки, во ином псалме пишеть: // «Ты еси сам, царь мой и Бог мой! Заповедая спасения Ияковля. О Тебе враги наша избодем роги; и о имени Твоем уничижим востающая на ны. Не на лук мой уповаю, и меч мой не спасет мене; спасль бо еси нас от стужающих нам, и нена-

видящих нас посрамил еси. О Бозе похвалимся весь день, и о имени Твоем исповемыся в век»²⁴.

Но совсем не так ведет себя Алексей Михайлович:

Ты же елико сотворил еси за Божию помощию, не дал еси хвалы Богу, яко же прежде бывшии царие по всякой победе воздаваху хвалу Господеви Богу: овии святыя церкви построили, овии святыя монастыри. Ты же ничто же таково сотвори, но и старыя церкви созданныя и монастыри обнищав и ограбив! И не Бога прослави прежде, но сам себе паче меры превознесе (1661-№ 9, л. 251-252).

Продолжая обличительную речь, патриарх от прямого цитирования библейского текста переходит к парафразу, свободно пересказывая тексты из Псалтири и книги Иисуса Навина, вплетая пересказ в поток своих обличений.

Сего ради и Бог отрину и посрами тя, и не изыде в силах твоих, и возврати тя вспять при вразех твоих, и ненавидящии тя разхищаху себе, яко овцы снеди разсеял еси я. И быхом поношение соседом своим, подражание и поругание сущим окрест, и быхом в притчю во языцех и покиванию в людех (ср.: Пс. 43, 10-15).

Происходит это, по мысли опального патриарха, из-за разгульно-веселого времяпрепровождения царя и его окружения:

И ни се смирено быхом, веселящися, яко младенцы несовершеннии в разуме, за зайцы и за волки упражняющесь на ловитвы, оставя дело Божие. Да за бездельем людем проповедем постъ, а сами на игры.

Любимое развлечение царя – соколиную охоту – Никон считал великим грехом и еще в начале своего патриаршества требовал от юного Алексея Михайловича прекратить это занятие, приказав даже уничтожить снасти, а также охотничьих животных и птиц. Вообще, поведение царя после возвращения из победного похода на Речь Посполитую очень изменилось. Царь укрепился в своей власти, западная культура стала проникать в русское общество, в том числе и в виде теплохладного отношения к вере. Один из царских приемов описывается в Дворцовых разрядах так:

У государя было вечернее кушание в потешных хоромех – бояре все без мест, думные дяки и духовник. После кушанья изволил тешить себя всякими играми, немчин играл в органы, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли и по накрам и по литаврам били. Жаловал царь духовника, бояр и думных. Напоил их всех пьяными. Поехали в двенадцатом часу ночи²⁵.

По замечанию Зеньковского, поведение Алексея Михайловича мало походило на богобоязненные развлечения начала его царствования²⁶. Безудержному веселью царя Никон противопоставляет смирение Иисуса Навина:

Не тако Иисусъ Навин: егда украде Ахарь от возложения Господня сосуд злат и ризу и пятьдесят дидрахмъ сребра, и прогневась Господь на Исраиля, егда послан в Ган, и убиша

от сынов Израилевых тритцать шесть мужей, но сам прежде посыпав главу пеплом и вси князи его, дондеже умоли Господа²⁷.

Государь же, при всех тех бедствиях, которые постигли страну из-за чиновничьей бюрократии, ничего не видит; придворные льстецы говорят царю лишь то, что ему приятно слышать.

Ты же всем проповедуешь постити, а ныне и не ведомо кто не поститца, скудости ради хлебныя, во многих местех и до смерти постятся, понеже есть нечево; и несть кто бы помилован был... // нищие и маломощныя, слепыя, хромыя, вдовицы, чернцы и черницы и вси даньми обложены тяжкими и неудобь искусными; везде плачь и сокрушение, везде стенание и воздыхание, и несть никою веселящаяся во днех сих (1661-№ 9, л. 252-253).

Кульминацией послания является последняя часть: описание видения, бывшего патриарху. По мнению С.К. Севастьяновой:

В общении с царем патриарх Никон искал новые и более эффективные способы эмоционально-дидактического воздействия на государя, которые бы не ограничивались только обильным цитированием и переложением библейских источников. Собрание в Воскресенском монастыре разных форм подвижничества и следование самим Никоном строгим традициям монашеского жития привели, вероятно, к тому, что Никон стал ощущать себя человеком, которому, посредством усиленной молитвы, открывалась воля Божия. Рассказы о видениях, которые случались именно в пустыни, стали одним из действенных способов доказательства царю своей правоты²⁸.

Духовные видения не были в ту эпоху явлением уникальным²⁹. В дни испытаний и многодневных постов патриарх удалялся в «отходную пустынь» неподалеку от монастыря, где предавался сугубому посту, бдениям и усиленной молитве. Вполне возможно, что, молясь в течение нескольких дней, Никон мог привести себя в состояние тонкого сна, когда подсознание могло показать ему ответ на тревожившие его вопросы.

В видении Никону явился святитель Петр, митрополит Московский, один из самых почитаемых патриархом святых, мощи которого погребены в кремлевском Успенском соборе. Восстав из своего гроба, святитель требует от Никона передать его предупреждение Алексею Михайловичу: «Судьбы Божии не повелели сему быти, но рцы ты; аще тебя не послушает, то аще кто и от нас бы явился, не послушает»³⁰. Затем, после входа в алтарь, повернувшись от престола и указывая через раскрытые Царские врата на запад, откуда открывался вид на Соборную площадь Кремля, святитель Петр произносит: «...се, знамение да будет ему. Смотри...». Никон повернулся и увидел, что: «...не бысть церковной стены западной и дом царев видеть, и собрася еже хождаше огонь во церкви, изыде на царский двор и возгореса страшно зело».

Описав страшное видение всепожирающего огня и предсказание будущей мерзости запустения, Никон переводит предмет речи на приближенных к царю людей, имеющих свои корыстные интересы и не останавливающихся ни перед чем, через которых и произойдет церковный разлад и падение Русского Царства.

Посем молим твое благородие на нас, богомолцов, не послушати клеветы от лихихъ человек // и не прикасатися нам, помазанником Божиимъ, судом и управою чрез каноны. Не не вестъ твое благородие писанаго в книгах Моисеовых, како убоясь Валак, царь Исраиля, и призываше Волаама волхва, глаголя: «Аще, – рече, – ты прокленеши Исраиля, прокляти будут, и с клятвою побию их»³¹.

Патриарх сравнивает себя с Израилем, народом Божиим, насаждающим единогобожие в языческой Палестине, а своих придворных врагов – с моавитским царем Валаком, использующим в своих интересах колдуна Валаама. О Валааме было известно, что он имеет большую власть над духами тьмы и что тот, кого он проклянет, неизбежно погибнет³². Государь российский обладал неограниченной полнотой власти, находясь над законом и давая своим повелениям силу закона. Но как бы ни был силен Валаам, он не смог пойти против Бога. Подобная же участь ожидает и всевозможные ухищрения врагов Церкви. Патриарх не мстит за себя, а выполняет заповедь Христа молиться за обидчиков и гонителей, говоря об этом словами псалмов:

Кольми паче нас, обидимых и плачущих, услышит Бог молитву и моление на оскорбивших нас. «Душа наша чаеет Господа, яко помощник и защитникъ наш есть, и во имя святое Его уповахом»³³... «Суди, Господи, обидящая мя, возбрани борющаяся мя»³⁴ (1661-№ 9, л. 254-255).

Упоминает Никон и о своем личном враге – боярине Степане Лукьяновиче Стрешневе, много сделавшем для низложения патриарха.

Мы толико и таково от твоих сигклитов поругаеми, еже по Божественным уставом благословляти, его же благословим обоима руками, якоже Христос нам предаде, вознося на небо, воздвиг руки своя, благослови. Он же тако поругает, бесясь, называясь сам ся патриархом, идеже сатана его научит // тамо, аки архиерей творясь, паче же Христос крестит беззаконными своим прокляты руки. И не се точию, но и пса некоего, подобна себе, научи, действием отца своего, сатаны проклятого, такожде действовати предними ногами, аки Христос, руками, возносясь на небо, благослови ученики Своя (1661-№ 9, л. 255-256).

Личная неприязнь Стрешнева, приходившегося царю дядей, к патриарху была так велика, что он дал своей собачке кличку Никон и адресировал ее изображать передними лапами архиерейское благословение. Узнав об этом, патриарх проклял его, разрешив его от клятвы лишь весной 1665 года³⁵.

Но, несмотря на все происки недоброжелателей, опальный патриарх полон решимости стоять за свои убеждения до конца. Если кто и достоин жалости, так это государь, окруженный «лихими человеками». Никон приводит примеры ветхозаветных царей Навуходоносора и Итоваала II, правителя Тирского, приравнивавших свое всемогущество ко всемогуществу Божию. Навуходоносор был наказан крайним безумием. Князь Тирский по силе своей гордости сравнивается пророком Иезекиилем с Денницей, падшим херувимом, власть которого совершенно разрушена силой Божией: «Все, знавшие тебя среди народов, изумятся о тебе; ты сделаешься ужасом, и не будет тебя во веки» (Иез. 28,19).

В заключение послания патриарх в манере преподания благословения вновь выражает пожелание, чтобы Алексей Михайлович не притеснял Церковь и не разрушал устоев жизни Московского Царства. Письмо оканчивается фразой из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова (Сир. 10, 8): «Царство от языка въ язык преводится неправды ради и досаждения имений» (1661-№ 9, л. 257). Такая концовка должна натолкнуть адресата на размышление о том, что из-за греховности правителя Господь может попустить падение царства.

Послание патриарха Никона представляет собой самостоятельное и вполне оригинальное литературное произведение. Написанное внешне в форме челобитной, оно выходит далеко за рамки делового письма, отражая, как в зеркале, беспокойную, властную и в то же время по-своему наивную натуру Никона, яркого представителя своей эпохи, пытающегося вернуть себе непоправимо утраченное. Тщательный подбор и обработка библейских цитат, обилие выразительных средств делают послание Никона памятником русской словесности второй половины XVII века, а отраженная в нем борьба Церкви за свою независимость от светской власти – еще и значимым историческим документом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Историческое исследование дела патриарха Никона / Составил по официальным документам Н. Гиббенет: [в 2 ч.] – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1882–1884. Ч. 1. С. 99–101; Ч. 2. С. 43–66, 600–614; Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Нового Иерусалим именуемого монастыря. – М.: Тип. Ефимова, 1876. С. 527–531, 559–565, 616–618.

² Ср.: 1 Тим. 2, 1–2.

³ Мф. 10, 23.

⁴ Пс. 54, 8.

⁵ Здесь и далее текст письма, его нумерация и обозначения листов даны по книге: Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. – М.: Индрик, 2007.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ См.: Горячева М.Ю. Отходная пустынь Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». – М.: Северный паломник, 2002. С. 23–36.

⁸ Дело о патриархе Никоне / Издание Археографической комиссии по документам Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. – СПб., 1897, 12–15 (№ 5).

⁹ Иоанн Златоуст. Маргарит. – М.: Печатный двор, 1 ноября 1641 г. Л. 98 об. – 104.

¹⁰ См.: Сапожникова О.С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина // Русь и славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). – СПб.: Алетей, 1998. С. 348.

¹¹ См.: Леонид (Кавелин), архим. Указ. соч. С. 162, 261.

¹² См.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сы-

ном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. [В 5 т.] – М.: Об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1896–1900. Вып. 4. 1898. С. 104, 105.

¹³ См.: Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследие. 1969. № 18. С. 31.

¹⁴ Лк. 16, 31.

¹⁵ Ср.: Мф. 10, 14; Мк. 6, 11; Лк. 9, 5.

¹⁶ Мф. 12, 32.

¹⁷ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т. / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. – М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. С. 127–129.

¹⁸ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Ред. коллегия: В.И. Буганов и др. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1987. С. 244.

¹⁹ См.: Толстая Т.В. Успенский собор Московского Кремля. – М.: Искусство, 1979. С. 15.

²⁰ См.: Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. – Пг.: Научное дело, 1916. С. 33.

²¹ См.: Соколов П. Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. – М., 1918. Кн. 5. С. 73–76.

²² Пс. 32, 16–17.

²³ 1 Цар. 2, 10.

²⁴ Пс. 43, 5–9.

²⁵ Дворцовые разряды. Т. III. – СПб.: Второе Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1852. С. 281.

²⁶ См.: Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 199.

²⁷ Ср.: Нав. 7.

²⁸ Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследо-

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. «Откуда ты таковое дерзновение приял?..»

вание и тексты / Научный редактор член-корр. РАН
Е.К. Ромодановская. – М.: Индрик, 2007. С. 52.

²⁹ См.: Гуревич А.Я. Западноевропейские видения по-
тустороннего мира и «реализм» Средних веков // Уче-
ные записки Тартуского государственного универси-
тета. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1977. Вып. 411.
С. 4–26.

³⁰ Лк. 16, 31.

³¹ Чис. 22.

³² Чис. 22, 6.

³³ Пс. 32, 20-21.

³⁴ Пс. 42, 1.

³⁵ См.: Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государ-
ственные и канонические идеи: Часть 3. / Репринт с
изд. 1938 г. – М., 1995. С. 193.

Камалонская часовня: создание, забвение, возрождение

Среди архитектурных памятников Ташкента есть один совсем небольшой объект, не являющийся шедевром, но значимый для русского населения Узбекистана.

Это так называемая Камалонская часовня¹, место упокоения нескольких десятков русских воинов, павших при взятии Ташкента в ходе завоевания Туркестана.

Поскольку в узбекистанской историографии и общественном мнении существуют разные, порой противоречивые оценки названных событий, мы рассматриваем Камалонскую часовню исключительно как мемориальный объект. Стоит также отметить, что эта часовня является самым старым сохранившимся православным сооружением на территории Ташкента.

Как известно, часовня – это небольшое сооружение в традиционных церковных формах, но без алтаря и, значит, без своего священника. В часовне могут совершаться все богослужения, кроме литургии. Часовни устраиваются для общественной молитвы, а также на кладбищах над могилами либо на местах, озаменованных каким-нибудь особенным проявлением милости Божией или важным церковно-государственным событием.

В 1872 году, спустя семь лет после взятия Ташкента и пять лет после образования Туркестанского генерал-губернаторства, возникло предложение о возведении памятника в честь павших русских воинов. 15 июня этого года, после панихиды, была совершена закладка надгробного памятника в присутствии генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана. В тот же день в Петербург генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву была отправлена приветственная телеграмма за подписью Кауфмана и других лиц краевой администрации, извещавшая об этом событии.

Правда, из-за недостатка собранных средств дело ограничилось одной закладкой. Впрочем, не только – из собранных 300 рублей 280 потратили на покупку сада, в котором были похоронены воины.

В 1875 году предложение об устройстве памятника возникло снова. Сырдарьинский областной военный губернатор генерал Николай Никитич Головачёв (Ташкент являлся одновременно центром этой области) объявил подписку на сбор пожертвований на памятник и передал дальнейшее ведение этого дела Особому комитету под председательством протоиерея Андрея Малова. Собрано было 2410 рублей.

При генерал-губернаторе Черняеве, сменившем умершего в 1882 году Кауфмана, император Александр III в конце 1883 года «Всемилоостивейше соизволил разрешить поставить памятник в г. Ташкенте по убиенным и умершим от ран при штурме этого города в 1864 и 1865 годах»².

Черняев упразднил прежний комитет, назначил новый, под председательством опять же протоиерея Андрея Малова, в составе делопроизводителя и казначея комитета, архивариуса Окружного штаба, капитана И.И. Солтановского, коллежского советника Ю.Д. Южакова, капитана Макарова и архитектора А.Л. Бенуа.

Речь, надо полагать, шла не о часовне для захоронения воинов, погибших при штурме, а о памятнике всем участникам туркестанских походов. Собранные ранее средства, сумма которых за счет банковских процентов возросла до 2759 рублей, Черняев отдал на сооружение памятника. Одновременно он предложил устроить около воздвигавшегося в центре Ташкента Спасо-Преображенского собора братский склеп для праха воинов, погребенных у Камалонских ворот. Последнее предложение не получило развития, поскольку Черняев вскоре был отозван со своего поста.

С памятником тоже дело затормозилось, хотя среди проектов такового был даже вариант от знаменитого скульптора М.О. Микешина, автора памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. Все опять упиралось в деньги, на осуществление проекта от Микешина требовалось не менее 40 тысяч рублей, сумма для городской казны тогдашнего Ташкента совершенно неподъемная. Между тем мемориальное захоронение у Камалонских ворот все еще оставалось неблагоустроенным. На это обратил внимание руководитель ташкентского городского самоуправления, городской голова полковник Степан Романович Путинцев. В докладе Сырдарьинскому областному военному губернатору Николаю Ивановичу Гродекову летом 1885 года Путинцев обращал внимание на кладбище у Камалонских ворот, на его запущенность и неустроенность.

Гродеков признал необходимым привести мемориальное место в должный вид. Для этого он испросил разрешения Туркестанского генерал-губернатора Николая Оттоновича Розенбаха на то, чтобы употребить собранные ранее средства на приведение в порядок братской могилы и устройство памятника.

Из собранных денег осталось лишь две тысячи, остальные были израсходованы на подготовительные работы для предполагавшегося памятника в Константиновском сквере (ныне сквер Амира Темура). Ввиду недостаточности средств, Гродеков обратился в Городскую думу с просьбой о содействии. Дума согласилась принять на себя расход по устройству ограды, очистке места и его планировке. Инженер Николай Федорович Ульянов составил проект памятника, имеющего вид часовни. Над дверью с фасадной стороны имелась надпись: «Упокой Господи души

усопших раб Твоих». На двух стенах шел стих из Евангелия от Иоанна: *Больше сея любви никтоже имеет, да аще кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13), а на третьей – стих из заупокойной литии: *И сотвори им вечную память*. Также на задней стене снаружи была установлена чугунная доска с надписью золочеными буквами:

Памяти воинов, здесь лежащих, павших при штурмах Ташкента 2 октября 1864 года и 15 июля 1865 года. Сооружено в царствование императора Александра III иждивением жертвователей, лета 1886.

На чугунной доске внутри часовни золочеными буквами вырезаны имена павших. Также внутри часовни помещены иконы Спасителя и Распятие с лампадой и небольшой аналой, специально для служения панихид.

Эти доски были отлиты в Петербурге на чугунно-литейном заводе Ф.К. Сан-Галли. Этим же известным заводчиком сделан и крест на часовню высотой 12 вершков (53,3 см) из красной меди, покрытой червонным золотом.

Своих иконописцев в Ташкенте не было, поэтому образ Спасителя и Распятие были написаны известным верненским художником Николаем Гавриловичем Хлудовым. На устройство часовни было испрошено благословение туркестанского архиерея Неофита (Неводчикова).

На братской могиле, находившейся рядом с часовней на том самом месте, где в 1872 году заложили памятник, был устроен свод из жженого кирпича с мраморной плитой, длиной 2 аршина (142,2 см), шириной 14,5 вершков (64,5 см) и толщиной 1 вершок (около 4,5 см). На плите был вырезан крест и под ним надпись: «Здесь покоится прах воинов, павших при взятии города Ташкента. Упокой, Господи, души их в селении праведных». По углам плиты были сложены небольшие пирамидки из чугунных ядер.

С южной стороны была возведена деревянная ограда на кирпичном фундаменте. С остальных сторон мемориал был окружен соседними садами и строениями. Ворота в ограде сделали по проекту ташкентского архитектора Вильгельма Соломоновича Гейнцельмана. Наверху ворот была надпись «Души их во благих водворятся». Около калитки были помещены восемь кокандских трофейных медных орудий, взятых при штурме города.

В списке павших героев 64 фамилии: подполковник Василий Васильевич Обух, поручики Георгий Фридрихович Рейхард, Иван Петрович Месяцев, унтер-офицеры Ефим Попов, Илья Горбылев, Павел Ефимов, Иван Родин, Константин Малафеев, рядовые Зот Антонов, Кондрат Демидов, Федор Безунов, Сергей Кудышев, Андрей Попков, Лейба Фукс, Михаил Алексеев, Никита Пахтин, Павел Дементьев, Семен Иванов, Степан Казанцев, Тихон Кайгородов, Андриян Смирнов, Степан Труфяков, Роман Щербатских, Арсений Филиповский, Малюнт Александров, Викул Баннов, Матвей Дмитриев, Варлам Каржаков, Степан Караев, Алексей Лосев, Василий Мязин, Варлам Щербаков, Григорий Пашнин, Михаил Молодовский, Савелий Бычин, Григорий Завьялов, Федор Григорьев, Артемий Филиппов, Финогент Похотин, Матвей Степанов, Филипп Романов, Александр Данилов, Федор Захаров, Александр Васильев, Иван Нестеров, Андрей Тушналов, Иван Попов, Матвей Сидоров,

Игнатий Меньшиков, Михаил Казиев, Андрей Смолин, Василий Федоров, Трофим Рычкалов, Василий Пономарев, Фадей Аксиков, Тимофей Иванов, Дмитрий Федуплин, Давид Писер, Тимофей Васильев, Мендыбай Мендыбаев, Василий Постников, Семен Степанов, казаки Илья Акутин, Осип Иванов.

В действительности близ часовни было захоронено 62 человека. Подполковник Василий Обух, как старший по званию, указан первым. Он был ранен при первой попытке Черняева овладеть Ташкентом в 1864 году. Ранение было очень тяжелое, и он чуть позже умер в Чимкенте, где и был похоронен. В 1882 году временно исполнявший должность Туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский распорядился перенести останки Обуха в Ташкент и похоронить у строившегося в то время военного Спасо-Преображенского собора (на территории нынешней площади Независимости). Ташкентский летописец начала двадцатого века Александр Иванович Добросмыслов свидетельствовал, что «простая чугунная плита, осененная у изголовья белым деревянным крестом, лежит на могиле погибшего храбреца. В 1911 году вокруг могилы сделана ограда и деревянный крест заменен кирпичным»³.

Одновременно с Обухом был смертельно ранен подпоручик Георгий Рейхард; его тоже похоронили в Чимкенте. В 1892 году его прах был торжественно перенесен в общую братскую могилу у Камалонской часовни.

На плите значится также фамилия поручика Ивана Месяцева, смертельно раненного при штурме 15 июня 1865 года. Он умер от ран в Чимкенте, но в 1866 году мать юноши перевезла его прах в Ташкент. Месяцев был захоронен на одном из самых первых русских кладбищ Ташкента по Старо-Госпитальной улице, и уже ко времени возведения часовни могила его была утрачена.

Освящение часовни произошло в воскресный день 15 июня 1886 года. После литургии в Иосифо-Георгиевской церкви в 9 часов выступил крестный ход. На братском кладбище собрались депутаты от войск и учебных заведений, чиновники, ветераны, участники штурма. Крестный ход был встречен пением молитвы «Спаси Господи, люди Твоя». Войска исполнили гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». Затем состоялись освящение памятника и панихида по погибшим воинам. По возглашении вечной памяти были произведены залпы крепостных орудий.

После всего этого выступили протоиерей Андрей Малов и генерал-губернатор Николай Оттонович Розенбах. Подойдя к братской могиле, Розенбах преклонил колени и приложился к кресту, высеченному на мраморной плите.

Подойдя потом к гласным (депутатам) Городской думы, генерал-губернатор поблагодарил их за содействие и попросил проявить дальнейшую заботу о мемориале. На что городской голова Путинцев от имени самоуправления города выразил полную готовность.

Присутствовали на освящении памятника две депутации коренных жителей Туркестана: бухарское посольство во главе с посланцем эмира Рахматулла-бием и большая, более ста человек, депутация от «азиатского» Ташкента, Старого города, – муллы, мударрисы, купцы, аксакалы. Один из них, Мухитдин-ходжа, сын бывшего ташкентского казикаляна^{**}, произнес речь:

^{*} Казикалян (казиколон) – главный судья города.

Сегодня исполнился 21 год, как мы, мусульмане Ташкента, находимся под покровительством Белого Царя и могущественнейшего в мире государства, России. <...> С занятием города нам оставлена свободной наша религия, оставлен и свободный суд по шариату; всюду царит полное спокойствие и попечение о народе властей, <...> нам даровано самоуправление. Все это, вместе взятое, дало нам полную свободу жизни и послужило к развитию благосостояния, торговли, промыслов и земледелия⁴.

Отвечая на поздравление бухарского эмира, переданное Рахматулло-бием, Розенбах поблагодарил его и обратил внимание посланника на то, что во всем Туркестанском крае каждый житель свободно исповедует свою веру и мирно трудится для своего благосостояния.

Часовня в районе Камалонских ворот не имела собственного причта (штата служителей) и своего прихода и была приписана к основному храму Ташкента того времени – Иосифо-Георгиевской церкви. Возможно, от названия этого храма она и получила имя, под которым ныне известна, – часовня во имя Георгия Победоносца. Автору не удалось пока найти документы, которые подтверждали бы ее официальное освящение под таким именем. Возможно, они еще будут найдены в будущем.

По желанию жителей Ташкента и с одобрения туркестанских властей и Святейшего Синода, со следующего, 1887 года крестный ход к Камалонской часовне стал ежегодно проводиться 15 июня.

Этот традиционный крестный ход был одним из главных событий для русской части Ташкента. Он начинался от военного Спасо-Преображенского собора. Процессия отправлялась в 8 часов утра. Впереди шествовало все ташкентское духовенство с хоругвями и иконами. Затем следовали военные чины во главе с генерал-губернатором, а следом шла толпа горожан. Расстояние от собора до часовни составляло примерно 7 километров.

Описание этого крестного хода сохранилось в путевых очерках этнографа и путешественника Евгения Маркова, посетившего в начале прошлого века Среднюю Азию:

Сначала мы долго ехали роскошной тополевой аллеей, которой заканчивается, вступая в Ташкент, большая Самаркандская дорога. Тени деревьев-гигантов были так густы, что бодрящая сырость ночи лежала еще нетронутая дневным лучом на белых камнях дороги, с обеих сторон освежаемой гулко бежавшими арыками. <...>

Свернули потом влево, в узкие, вьющиеся змеей, переулки сартского города, который мы должны были перерезать теперь в самых его далеких окраинах. <...> Тут уже настоящий азиатский кишлак, нисколько не напоминающий столицу Туркестана. Все время едешь под тенью густолиственных карагачей и орехов, которые, может быть, помнят еще Тамерлана, а старая глиняная стена, невероятной толщины и изрядно еще высокая, почти всюду провожает нас слева. Это крепостная ограда некогда воинственного и могучего Ташкента, кое-где уже разрушенная и лежащая во прахе. <...> Камалонские ворота были одним из главных входов в этой громадной стене, охватывающей город на пространстве 24 верст. <...> Собственно говоря, настоящие Камалонские ворота, которые так отчаянно защищались сартами в достопамятный день 15 июня 1865 года, уже не существуют. Осталось только широкое отверстие между стенами, по которому проходит дорога из степи в город⁵.

Последний раз крупные памятные события проходили около часовни в июне 1915 года по случаю 50-летия присоединения города к России. Из-за начавшейся немного менее года до этого мировой войны торжества проходили очень скромно.

На все юбилейные расходы Городская дума в мае 1915 года ассигновала всего 2000 рублей. Потом, правда, добавили еще 500 рублей, но все равно сумма по тем временам была более чем скромная. Устроители праздника постарались обойтись лишь самым необходимым; например, вычеркнули фейерверк – он стоил бы несколько сот рублей.

В этот день состоялся традиционный крестный ход от центра города к часовне. К 6 часам утра у Спасо-Преображенского собора собрались духовенство, администрация, горожане (большая часть горожан сразу собиралась у часовни). Ровно в 6 часов прибыл главный начальник края Федор Васильевич Мартсон. После краткого богослужения, совершенного соборно духовенством Ташкента, процессия двинулась от храма.

У входа на территорию часовни процессию встречал городской голова Николай Гурьевич Маллицкий. Законоучитель Учительской семинарии священник Марков произнес, как писала местная газета, «приличествующие случаю слова» в память о павших воинах. Он «в горячих прочувствованных словах описал не только сами их подвиги, но и историческое значение их, как в то время, так и для современной России»⁶.

После выступления генерал-губернатора Мартсона в украшенном павильоне в саду был устроен небольшой обед для почетных гостей и немногих оставшихся еще в живых ветеранов. Последних осталось очень немного, около 20 человек, да и то – большинство были участниками других туркестанских походов. Из нижних чинов только двое – В.А. Ленивцев и П.М. Суслов являлись живыми свидетелями и участниками последнего штурма Ташкента... Всем ветеранам было подарено по столовому сервизу, а участникам штурма – серебряные подстаканники с памятной надписью.

По традиции, Мартсону представилась депутация от мусульманского населения. Почетный блюститель русско-туземных училищ Сеид-Карим Сеидазимбаев

в прочувственных словах принес от имени своих соплеменников горячую благодарность за те блага правопорядка и культуры, которые туземные население познало только со времени прихода в край русских⁷.

В завершение начальник края простился с ветеранами и всеми присутствующими и отбыл на панихиду по генералу Черняеву, которая должна была совершиться у памятника туркестанским героям в центре города. А крестный ход тронулся обратно, направляясь к памятнику-бюсту Черняева около его домика рядом с крепостью. Здесь вновь отслужили панихиду и от городов Ташкента и Казалинска возложили венки к подножию памятника.

Джадидская газета «Садои Туркестан» в апреле 1915 года писала:

Жаль, что в связи с войной отложены праздничные мероприятия в связи с 50-летием за-

воевания Туркестанского края и такое событие ничем не знаменуется и коренные туркестанцы об этом ничего не знают.

Тогда как они должны более чем кто-либо радоваться совершившимся событиям. Так как русские со своим приходом принесли туркестанцам просвещение и открыли им дорогу к дальнейшему развитию.

Благодаря русским туркестанцы теперь пользуются всеми благами, которых они никогда может быть не видали⁸.

После революционных событий 1917 года, понятное дело, не могло быть и речи о каком-то внимании к часовне и захоронению воинов царской армии. Городская дума прекратила свое существование, а туркестанское духовенство было занято проблемой выживания, сохранения храмов и паствы. Очевидно, было не до часовни. Во всяком случае, ни на одном из епархиальных съездов, состоявшихся в Ташкенте в первые послереволюционные годы, вопрос о ней не поднимался.

В какой-то мере сохранению часовни способствовало то, что она находилась на окраине, практически за городом. Вокруг нее были сады и виноградники. Конечно, она пострадала, лишилась креста, были сбиты со стен памятные доски и иконы. Во второй половине 1940-х годов на территории, прилегающей к Камалонской часовне, городские власти стали распределять участки под индивидуальное строительство. Часовня оказалась буквально перед окнами дома, построенного на участке, выделенном узбекской семье. Из-за сложного рельефа улице пришлось выравнивать и поднимать уровень грунта как раз со стороны часовни; в результате она оказалась частично засыпанной.

О сохранении могилы с захоронением воинов никто не побеспокоился. По словам жителей ближайших домов, при земляных работах вблизи часовни они находили человеческие кости. К счастью, ни разрушительное землетрясение 1966 года, ни многочисленные последующие толчки не отразились на часовне. Хотя никто и никогда не предпринимал каких-либо попыток ремонта, укрепления часовни, она продолжала стоять. Стоит отметить, что мусульманское население терпимо относилось к часовне и не пыталось ее разрушить. Тем не менее, не имея статуса охраняемого памятника, она не была застрахована от разрушения; да и с каждым годом часовня становилась все более ветхой.

Посольство Российской Федерации, местная епархия Русской Православной Церкви, отдельные представители культурной и научной общественности время от времени поднимали вопрос о судьбе часовни перед властями Узбекистана. Часовня становилась объектом внимания со стороны туристов, к ней стали изредка совершаться экскурсии.

Судьба часовни кардинально изменилась летом 2019 года. В конце июня 2019 года Министерство культуры зарегистрировало ее в качестве памятника культурного наследия и утвердило проект реставрации часовни. Этот проект был разработан на основе архивных документов организацией «Meros Chashmasi». Он прошел научную экспертизу Министерства культуры Узбекистана под председательством заместителя министра Камолы Акиловой. 25 сентября реставрационные работы начались. Их осуществляло ЧП «Ижод-Ижод». Потребовалось полностью освободить часовню от земли, ведь она при выравнивании улицы была засыпана при-

мерно на полтора метра. Реставрация была произведена на средства российско-узбекского СП «Ташкентский трубный завод имени В.Л. Гальперина». Инициатива этого предприятия была поддержана государственными властями республики.

К сожалению, вопрос о самом захоронении остался открытым. Жаль, что не было произведено соответствующее вскрытие, которое могло бы подтвердить или опровергнуть существующее мнение о захоронении.

Реставрация позволила восстановить часовню в виде, максимально приближенном к изначальному. Новым в облике часовни стала мозаичная икона Георгия Победоносца на внешней стороне, противоположной входу в часовню. Раньше здесь висела чугунная доска с текстом: «Памяти воинов, здесь лежащих, павших при штурмах Ташкента...» (см. выше). Икона Георгия Победоносца выполнена на средства Ташкентской епархии в епархиальной иконописной мастерской.

Реконструкции подверглась территория вокруг часовни; на ней высажены декоративные деревья и цветы. 18 апреля 2020 года, как раз накануне православной Пасхи, работы по реставрации часовни были завершены; город получил еще одну достопримечательность, внесенную в список исторических объектов. А главное, сохранен мемориальный объект, столь важный для истории Ташкента и исторической памяти многих его жителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В различных источниках встречаются и другие варианты написания данного топонима: Камалонская, Камеланская часовня. Автор ради унификации использует в тексте один вариант – Камалонская.

² Туркестанские ведомости. 5 января 1884.

³ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент: Типо-литография О.А. Порцева, 1912. С. 52.

⁴ Остроумов Н.П. Сарты. – Ташкент: Типо-литография

торгового дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1896. С. 104.

⁵ Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Том 1. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 531–532.

⁶ Туркестанский курьер. 17 июня 1915.

⁷ Там же.

⁸ Туркестанский курьер. 7 апреля 1915.

Александр ГАЛАК

«Церковь будет устроена вполне...»

Из истории самаркандского Свято-Георгиевского храма

От редакции. В № 1-2 (XXXIII) за 2014 год в ВС была опубликована статья Р. Дорофеева «Храм великомученика Георгия в Самарканде», которая касалась преимущественно советского периода истории общины этого храма. В публикуемой ниже статье А. Галака рассматривается дореволюционный период ее истории.

Самаркандская цитадель была основана в 1370 году. В тот год власть перешла в руки Амира Темура, и он сразу же приступает к созданию для себя укрепленной столицы в выбранном им для этого Самарканде. Первым делом он обнес город оборонительной стеной и на западной его стороне построил крепость. Это была самая крупная цитадель в Средней Азии, больше, чем в Бухаре. Цитадель была окружена кольцом стен с одиннадцатью башнями, одной половиной вклинивалась в город, другой – выступала наружу.

В XIX веке, к моменту прихода русских войск, многие постройки цитадели находились в запущенном состоянии, а оборонительные стены имели провалы и бреши. Здания мечетей и мавзолея Нур ад-Дина Башира – духовного наставника Темура – сильно обветшали. На месте знаменитого дворца Кук-сарай стоял дворец самаркандского бека.

Со 2 мая 1868 года, когда Самарканд открыл свои ворота российским войскам под командованием генерала фон Кауфмана, территория цитадели становится местом размещения русских войск и новой административной власти. Это был своего рода военный поселок, который насчитывал приблизительно четыре тысячи человек. Гарнизон практически сразу начинает обустраиваться на новом месте, приспособив здания цитадели под казармы, бани, складские помещения.

В бывшем доме самаркандского бека разместился начальник Зарафшанского округа – генерал Александр Абрамов. Перед его домом был небольшой пруд, окруженный деревьями. Неподалеку были выстроены помещение для клуба, лавки купцов и гостиница «Бухара». В здании мечети были устроены жилые апартаменты и канцелярия начальника округа, а во дворце эмира бухарского – госпиталь. Медресе Али переделали под тюрьму, а близлежащее медресе Юсуфбая – под бес-

платную больницу для местных жителей. Здания мечетей и мавзолеев Нур ад-Дина Башира во время перепланировки цитадели, к сожалению, снесли, перенеся захоронения на старое мусульманское кладбище, возле мечети Хызрет-Хызра.

Со временем многие здания и постройки в цитадели стали постепенно усовершенствоваться и переделываться на европейский лад. Неподалеку от центра, посреди площади, был установлен скромный памятник в виде светлой каменной пирамиды с поименным перечнем убитых в 1868 году, во время осады цитадели, офицеров и солдат, а на окраине цитадели был выделен участок под военное кладбище, которое прослужило местом захоронений около десяти лет. (Памятник и захоронения в 1970-е годы были перенесены на центральное европейское кладбище).

Самой первой постройкой в цитадели стал возведенный в том же 1868 году полковой православный храм во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Место под постройку храма было выделено в середине цитадели, на главной улице, вблизи от здания управления. Для этой цели в Самарканд был откомандирован священник Капитон Высоцкий.

Отец Капитон был направлен в Туркестан из Оренбургской епархии и до службы в Самарканде успел послужить в военных укреплениях – форте Перовском, в Ходженте и Ура-Тюбе, и повсюду ему приходилось заниматься обустройством храмов¹.

В сохранившихся письмах полкового священника Капитона Высоцкого, написанных им в 1869 году, освещаются события тех дней:

Я прибыл сюда 10 сентября (1868 года. – А.Г.). Удовлетворение христианских нужд четырехтысячного отряда требовало безотлагательного устройства какого-нибудь храма, и мне указали на одну из мечетей, стоявшую в центре цитадели; но она была так мала (11 аршин длины и 10 ширины*), что потребовала большой пристройки. Я решил воспользоваться ею. Через неделю, с разрешения начальника новоприобретенного Зарафшанского округа, генерала-майора А.К. Абрамова, который принял самое искреннее участие в построении храма, открыта подписка, 22 сентября совершено заложение храма, а 22 ноября и самое его освящение².

Вместе с отцом Капитоном в освящении первого Свято-Георгиевского храма принимал участие священник из Катта-Кургана отец Владимир Невоструев³.

Далее отец Капитон переходит к описанию самого храма.

Церковь святого Георгия в Самарканде, вместе с колокольней, занимает 40 аршин в длину и 14 в ширину** (бывшая мечеть составляет трапезу***). Построена она из обожженного кирпича, внутри и снаружи оштукатурена алебастром. Потолок внутри и кровля сверху – плоские, последняя обложена красивым карнизом и украшена пятью резными из алебаstra фронтонами. Колокольня в два этажа, с четырьмя такими же фронтонами. Двери чинарового дерева. Большие окна с алебастровыми рамами и с разноцветными стеклами превосходно освещают внутренность храма. Иконостас в нем из чистого белого алебаstra резной работы, ажурный, с обратной стороны обит пунцовым сукном. Святой престол, жертвенник и нужные для утвари и ризницы шкафы – чинаровые. Ризница весьма хорошая. Не

* Около 8 м в длину и 7 м в ширину.

** Около 28,5 м в длину и 10 м в ширину.

*** Устаревшее название притвора – пристройки перед входом в храм.

достаёт только утвари и местных икон, которые заменены пока принадлежащими частям войск гарнизона. Колокола выписаны из Тюмени и к празднику Рождества должны быть получены.

При церкви есть небольшой, но хорошо устроенный бассейн, окруженный вековыми деревьями и виноградником⁴.

Средства на постройку храма изначально собирались с жителей по подписному листу (1451 рубль), из церковной кружки* (1244 рубля 81 копейка). Этих сумм не хватало, и генерал Абрамов выделил недостающие 3110 рублей из средств Округа, с условием, что церковь со временем возместит эти расходы. Правда, этот долг был позже списан и церкви не пришлось его возвращать.

На постройку храма ушло около двух месяцев. Новый храм представлял собою прямоугольное, однозальное сооружение с отдельной алтарной частью, с примыкающей к нему с западной стороны колокольной. Снаружи он был украшен со всех сторон декоративными полуколоннами и лепными алебастровыми фронтонами, увенчанными крестами. Внутри, по описаниям путешественников тех лет, церковь также имела колонны и различные декоративные украшения, которые придавали ей восточный колорит. Несмотря на простоту, церковь стала самым значительным и красивым сооружением в цитадели. По некоторым сведениям, в ее украшении принимали участие местные самаркандские мастера.

Это был самый первый и на протяжении последующих четырнадцати лет единственный православный храм Самарканда.

В марте 1869 года генерал Абрамов обращается с письмом к генерал-губернатору фон Кауфману по вопросу обустройства церкви:

Вашему Превосходительству известно, что в Самаркандской Цитадели устроена мною постоянная церковь во имя Св. Георгия Победоносца. Церковь выстроена капитально и должна служить много лет. Этой весной мною приказано строить колокольню; колокола же я выписал из Ирбита и они будут доставлены в Самарканд в июне месяце. Таким образом церковь будет устроена вполне; дело останавливается только за внутренним убранством церкви, а именно за иконами и некоторой утварью (ризица также уже выписана и доставлена из Москвы). Не видя в своем распоряжении уже никаких средств на выписку необходимых икон, я всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство, не будет ли Вами признано возможным приказать искупить иконы в С. Петербурге на счет случайных доходов Округа. Представляя Вашему Превосходительству реэстр всем вещам необходимым для церкви, – считаю долгом присовокупить, что расход на этот предмет, по моему мнению, не будет превышать 1,5 т. руб. сереб.

С совершенным уверением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга Абрамов.

6 марта 1869 года Самарканд⁵.

К концу 1869 года работы по сооружению церкви, а также памятника павшим при осаде Самарканда, которыми руководил отец Капитон Высоцкий, были завершены.

В феврале 1871 года оренбургский купец Андрей Петрович Веснин пожертво-

* Обозначение емкости для сбора пожертвований верующих.

вал для самаркандского Георгиевского храма большое напрестольное Евангелие, крест и священно-служебные сосуды. В храме также находились полковые знамена Самаркандского гарнизона.

В июне 1872 года первый епископ Ташкентский и Туркестанский Софония (Сокольский) посетил Самарканд и в сопровождении протоиерея Андрея Малова освятил этот храм архиерейским чином⁶.

Отец Капитон прослужил настоятелем в самаркандском храме около двенадцати лет⁷, окормляя все эти годы разрастающееся население нового города. При Георгиевском храме 28 апреля 1871 года была открыта приходская школа; место для нее было выбрано неподалеку от церкви. В эту школу были зачислены 37 учеников (23 мальчика и 14 девочек)⁸. А в 1878 году за Солдатской слободой было выбрано и приобретено новое место для захоронения погибших или умерших от болезней солдат, долгие годы потом называвшееся «Солдатским», а позже ставшее центральным городским кладбищем. В 1880 году на его территории по проекту архитектора Владимира Лемке была построена православная часовня из сырцового кирпича на фундаменте из жженого, под железной крышей и с куполом.

В 1881 году настоятелем храма стал протоиерей Дмитрий Николаевич Вознесенский, тоже военный священник. После работ по сокращению внутреннего объема цитадели и переустройства ее оборонительных стен здание Свято-Георгиевского храма оказалось в месте, неудобном для проведения богослужений. К тому же здание церкви давно нуждалось в капитальном ремонте и переделке крыши. Тогда созрело решение строить на центральной площади города новое здание церкви и не тратить средства на ремонт старого⁹.

На смену первому храму младший самаркандский инженер-архитектор Владимир Лемке подготовил проект новой церкви, вместительностью до 600 человек, имеющей в плане форму креста и исполненной в русском стиле. После этого на средства от казны, уже в центре нового города, напротив здания Офицерского собрания, строится новый храм во имя Георгия Победоносца.

Закладка новой церкви состоялась 13 августа 1881 года¹⁰. Епископ Александр (Кульчицкий), возглавлявший Ташкентскую епархию в 1878–1883 годы, посетил в октябре 1881 года Самарканд; в письме к епископу Дмитровскому Амвросию (Ключареву) он писал:

...При въезде в так называемый здесь европейский квартал Самарканда, пред нами открылась роскошнейшая аллея, заставившая вспомнить Итальянский бульвар в Париже, и на одном ее перекрестке мы увидели несколько поднявшиеся над фундаментом стены будущего самаркандского городского собора. Так как я раньше видел прекрасный рисунок этого собора, то мне легко было в моем воображении возвысить его стены до надлежащей высоты, поднять над ними величественный купол, украсить его ярко вызолоченным крестом, сияющим на далекое расстояние <...>, и я воскликнул: вот будущая краса Самарканда! Вот что впредь будет привлекать сюда людей! И у нас в настоящее время мало материальных средств; и мы, подобно вам, не имеем под руками искусных мастеров, – но всё это не то – не то! У нас есть вера, энергия и знание...¹¹.

Строительство Свято-Георгиевского храма велось в течение десяти месяцев; 20 ноября 1882 года он был освящен епископом Александром¹². Освящение нового

здания храма было совершено за шесть дней до декабрьского праздника святого Георгия.

В ходе постройки нового храма был увеличен внутренний объем помещений. Были подняты потолки центральной части, а две летние открытые веранды с южной и северной сторон были переделаны в закрытые помещения. Храм был выстроен из сырцового кирпича, на фундаменте из жженого. Трехкупольная колокольня возвышалась на 25 метров. На колокольне звучали пять колоколов, самый большой, бас, был весом в 21 пуд (342 кг), а маленький серебряный колокольчик весил 33 фунта (13,5 кг)¹³.

Богатым было внутреннее убранство храма. Украшал его резной иконостас из темного ореха. В 1895 году со святой горы Афон в дар православным жителям города в храм были привезены две большие иконы – Божией Матери Иверской и святого великомученика и целителя Пантелеймона. (Эти две иконы в данное время находятся в самаркандском Покровском соборе).

В 1905 году в этот храм была привезена еще одна Афонская икона с надписью на обратной стороне:

Святая Гора Афонская 1905 год 25 мая. Сия святая икона Пресвятыя Богородицы подобие видом и размером с чудотворной именуемая «ВЛАДИМИРСКИЯ» писана и освящена на Афоне в Свято-Троицком Кавсокаливском Скиту и посылается в безмездный дар от имени Русских и других Святогорских Пустынножителей – Его Преосвященству Преосвященнейшему Паисию Епископу Туркестанскому и Ташкентскому, Его Высокопреподобию Протопресвитеру Армии и Флота А.А. Желобовскому, и Его Превосходительству Господину Самаркандскому Военному Губернатору Генерал-Лейтенанту В.Ю. Мединскому, для Военного Храма в городе Самарканде во благословение от Святыя Горы Афонския – Земнаго Удела Царицы Небесныя Русским войскам и Православным жителям в Самарканде, по всей области и окрестностям в благодатную им помощь, от всяких бед, зол и напастей от видимых и невидимых, явных и тайных, внешних и внутренних врагов России, Православия и Христианства, и истинных – мира и любви между людьми.

В память Государей Императоров: АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО – ОСВОБОДИТЕЛЯ, АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЕГО – МИРОТВОРЦА, ГОСУДАРЫНИ Императрицы МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ – МНОГОМИЛОСЕРДНЕЙШЕЙ, Преосвященного Софонии – первого Архиепископа Туркестанского и Ташкентского, Досточтимого иерея Илии Богословского (в Самарканде), Генералов: К.П. Фон-Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева, Р.С. Кондратенко, Адмиралов: С.О. Макарова и иже с ним на «Петропавловске», в Тихом Океане и всех Православных и Российских вождей и воинов и других на Дальнем Востоке и повсюду, при взятии Самарканда и покорении Туркестана и иных областей, при возмущении в Андижане и в других местах за Веру, Царя и Отечество жизнь свою положивших. Всеблагоговословенная Владычице Богородице Взбранная и Непобедимая Воевода вождей и воинств Православных Всероссийских, да примет град сей с его областями и окрестностями и всех Российских вождей и воинов. Православных жителей под Свое Высокое Небесное Матернее Покровительство во дни мира да будет всех и каждого молящегося Ей пред сим Образом Любвеобильною Материю и во дни брани – Воеводою и Победительницею всех врагов Православного Христианства и Святыя Руси.

Эту святыню, чуть ли не единственную из множества икон, находящихся когда-то в стенах старого Свято-Георгиевского храма, община верующих смогла сохранить до наших дней.

Неподалеку от храма располагалась церковная сторожка. В 1897 году с северной стороны алтаря этого храма был захоронен полковой священник Алексей Никифорович Надеждин¹⁴. Над местом его захоронения прихожане установили небольшой каменный памятник с крестом.

Между зданиями храма и Офицерского собрания возникла Церковная площадь, ставшая местом военных построений, проведения городских торжеств, гуляний и празднеств.

Свято-Георгиевская церковь считалась одной из самых богатых в городе. Как сообщалось в газете «Самарканд» за 1905 год:

К 1 сентября капитал Георгиевской военной церкви в Самарканде равнялся 55 тысячам рублей, уменьшившись за последний год на 1642 рубля. В течение последнего года лицами, заведующими церковным хозяйством, были произведены большие экстраординарные расходы (10,5 тысяч рублей) на украшение храма (новые колокола, бронзовое паникадило в 72 свечи, хоругви, иконы, предалтарная решетка, выписка свечей...)¹⁵.

В 1903 году решением Военного Совета к храму был приписан второй священник, а с 1910 года – диакон. До 1912 года Свято-Георгиевский храм значился при Управлении Самаркандского уездного военного начальника, после чего был переименован в церковь 5-го Туркестанского стрелкового полка и передан в его ведение. После того как в Самарканде был построен гарнизонный Свято-Алексиевский собор (освящен 2 октября 1916 года), Свято-Георгиевская церковь стала для военных «излишней». Указом Командующего войсками Туркестанского Военного Округа от 22 декабря 1916 года Свято-Георгиевская церковь была временно, на период войны, передана в ведение епархиального самаркандского благочинного, священника Константина Емельянова.

В 1919 году совершение богослужений в храме было прекращено. В июне 1924 года Свято-Георгиевский храм закрывают сначала временно, а 20 мая 1925 года, постановлением Малого Президиума ЦИК УзССР, – окончательно. Храм был передан в военное ведомство под библиотеку. В первых числах августа того же года общине храма во главе с его настоятелем, священником Евгением Марчевским, передали в пользование старую часовню на центральном городском кладбище.

Взяв с собою небольшую часть церковной утвари и икон, они уже с 14 августа начали совершать богослужения на новом месте. Оставшаяся часть икон попадают сначала в Покровский и Свято-Алексеевский храмы, а после закрытия последнего – в антирелигиозный музей города, где они находились до 1946 года.

По воспоминаниям священника Филиппа Кальченко, сменившего отца Евгения, богослужения в часовне велись постоянно, а выходным днем в общине церкви тогда была пятница, но в этот день обязательно читался акафист Божией Матери «Утоли моя печали»¹⁶.

В декабре 1926 года община вместе с настоятелем отцом Евгением Марчевским обращается с ходатайством к местным властям о реконструкции и постройке летнего молитвенного домика при часовне. К августу 1927 года она получает разрешение на постройку и с западной стороны пристраивает деревянное помещение для молящихся. Это помещение сгорело в ночь с 27 на 28 апреля 1928 года,

пострадала от огня и часовня. Постепенно часовня была заброшена, позже использовалась как частный семейный склеп.

Что касается второго здания храма, то его облик был значительно искажен. Здание в 1928 году было отдано сначала под библиотеку, а затем под клуб ОСО-АВИАХИМа, колокольня снесена и на ее месте установлен аэроплан. В 1950-е годы помещение церкви использовалось как спортзал, а в 1990-е годы в ней размещались картинная галерея, торгующая картинами местных художников, и концертный зал. Сегодня в его северном приделе располагается самаркандское отделение Союза писателей Узбекистана, а в южном – канцелярский магазин.

В 1937 году общине Георгиевского храма удалось приобрести дом вблизи городского кладбища по адресу Кладбищенский переулок, 58 (ныне улица Бирлик) и оформить его на доверенное частное лицо из числа членов общины. С этого момента начинается уже новая страница истории Свято-Георгиевского храма, продолжающаяся по сей день.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Священники, служившие в Свято-Георгиевском храме в 1868–1937 годы

1868–1879	Настоятель – прот. Капитон Высоцкий.
1881–1897	Настоятель – прот. Дмитрий Вознесенский.
1896–1901	Диакон – Иоанн Бакчевников.
1901–1904	Настоятель – Дмитрий Вознесенский.
1903	Второй священник – Александр Малицкий.
1904–1905	Настоятель – прот. Павел Бартенев. Во время Первой Мировой войны, будучи полковым священником, был ранен и скончался от ран.
1905	Настоятель – прот. Александр Тихомиров.
1906	Второй священник – Михаил Анкирский.
1902–1910	Диакон – Елпидефор Соболев.
1905–1914	Настоятель – прот. Владимир Невоструев.
1910–1914	Диакон – Александр Борщов.
1923–1925	Настоятель – прот. Евгений Марчевский. При нём в 1925 году храм был закрыт. Покинул Самарканд 19 марта 1927 года.
1926–1928	Настоятель – свящ. Филипп Кальченко. 15 мая 1928 года покинул Самарканд.
1927–1928	Настоятель – прот. Дмитрий Терпигорьев. Был сослан в Среднюю Азию. В 1937 году расстрелян в Казахстане.
1928–1929	Настоятель – свящ. Феодор Карабанов.
1928	Настоятель – свящ. Сергей Кочановских.
1928	Настоятель – свящ. Гордий Штурбабин. Окончил Кустанайскую ЦПШ, до 1916 года служил в Кустанайском уезде. Был женат, имел трех детей.
1929	Настоятель – прот. Михаил Маслок. Похоронен в Самарканде.

- 1930 Настоятель – свящ. Николай Керский. Проживал за штатом. Скончался 10 января 1955 года и был похоронен на средства общины на центральном кладбище в Самарканде.
- 1931 Настоятель – прот. Венедикт Багрянский.
- 1932–1935 Настоятель – игумен Авксентий Бунин.
- 1933 Настоятель – прот. Михаил Маслок.
- 1936–1937 Настоятель – прот. Валентин Поликарпов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вавилова Т. Особенное здание // Самаркандский вестник. 20 октября 2015 г. № 87. С. 2.

² Высоцкий К., свящ. Письма из Самарканда: православные храмы в Сыр-Дарьинской области (окончание) // Православное обозрение. 1870. Ч. 1. Известия и заметки. Январь. С. 128.

³ См. о нем: Галак А. «Достойный, энергичный пастырь...» Протоиерей Владимир Невоструев и его время // ВС. № 2 (LIII). С. 30–38.

⁴ Высоцкий К., свящ. Цит. соч. С. 129.

⁵ Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И-16. Оп. № 16. Д. 460. Л. 1-2.

⁶ См.: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам апостола Фомы. – Воронеж: [б.и.], 2009. С. 353.

⁷ См.: Вавилова Т. Указ. Соч. С. 2

⁸ См.: «Из Самарканда» (Письмо в Редакцию) // Туркестанские ведомости. 1871. № 15.

⁹ См.: Вавилова Т. Указ. Соч. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Комаров Н. Иссык-Кульский монастырь // Православный благовестник. 1883. № 6. С. 241.

¹² См.: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. Указ. соч. С. 354.

¹³ См. Вавилова Т. Указ. соч. С. 2.

¹⁴ Надгробный памятник отцу Алексею Надеждину в 2009 году был перенесен ночью на центральное братское кладбище.

¹⁵ По страницам газеты «Туркестанские ведомости», 20 сентября 1905 г. // ВС. 2006. Вып. XII. С. 116.

¹⁶ Письмо священника Филиппа Кальченко. Архив Самаркандского Свято-Георгиевского храма.

«Православное духовенство Киргизии высоко оценит внимание Советского Правительства...»

Из истории церковно-государственных отношений в Средней Азии в середине 1940-х годов

1943 год был ознаменован очередным поворотом в судьбе русского Православия. По политическим соображениям Сталин признал за религией право на существование в социалистическом обществе. В первую очередь новый курс партии и правительства коснулся Русской Православной Церкви, получившей признание со стороны сталинской империи и даже, на какое-то время, занявшей свое декларируемое место в сложном государственном устройстве.

Легитимация Русской Православной Церкви потребовала создания органа-посредника, обеспечивающего постоянную связь между Церковью и атеистическим государством. Такой структурой стал созданный при Совнарком (затем Совмине) СССР Совет по делам Русской Православной Церкви, во главе которого был поставлен выходец из высшего эшелона служб госбезопасности Георгий Карпов.

В октябре 1943 года были введены должности уполномоченных СД РПЦ при Совнаркоммах союзных республик. Они должны были следить за проведением в жизнь государственного законодательства, касающегося Церкви, информировать Совнарком о состоянии Русской Православной Церкви в республиках; собирать статистические сведения¹. На практике же посреднические функции уполномоченных довольно свободно переходили в кураторские, тем более что теперь именно они занимались регистрацией и учетом духовенства и церковных общин.

Правда, кураторские функции в первые десять лет существования института уполномоченных не было принято выводить на первый план. Так, еще в сентябре 1943 года Сталин предостерегал Карпова от принятия на себя функций оберпрокурора Синода и «рекомендовал своей деятельностью больше подчеркивать самостоятельность церкви»².

Аппараты уполномоченных СД РПЦ начали создаваться в республиках Средней Азии примерно за полгода до восстановления в регионе церковных структур. Первые полномочные представители Совета, по всей видимости, появились при СНК Узбекистана (октябрь 1943 года)³ и Киргизии (декабрь 1943-го – январь 1944 года)⁴.

Первым уполномоченным по Узбекской ССР был назначен Александр Иванович Степанов (1882–1951), бывший офицер российского флота, вступивший в ВКП(б) в апреле 1917 года. После Октябрьской революции Степанов служил на разных фронтах Гражданской войны, а затем – с 1922-го по 1939 год – в органах ОГПУ-НКВД: в Одессе, на Памире, в Фергане и Ташкенте. Республиканский СД РПЦ он возглавлял с 1944-го до своей смерти в 1951 году⁵.

Будучи человеком умным и неординарным, Степанов сумел наладить с «подведомственным» духовенством конструктивные рабочие и даже дружеские отношения. Впоследствии о нем тепло отзывался митр. Иоанн (Вендланд), в 1946–1953 годах занимавший, в сане иеромонаха (затем – архимандрита), пост секретаря Ташкентского Епархиального управления. Он писал:

Отношения Владыки [Гурия (Егорова) – *Р.Д.*] с Уполномоченным были самые сердечные. <...> Благодаря своему прошлому, он [А.И. Степанов – *Р.Д.*] кое-что понимал в богослужении, и когда в порядке исполнения своих служебных обязанностей он посещал храм, то, располагаясь на левом клиросе, с удовольствием слушал церковное пение⁶.

Епископ Гурий (Егоров) также отзывался о Степанове самым лучшим образом и не скрывал своей скорби по случаю его скоропостижной смерти. Владыка сообщал патриарху Алексею I в личном письме:

А.И. Степанова любили все знавшие его духовные лица и многие верующие люди. Старый ленинградский большевик, прекрасно образованный, он с большим тактом, всегдашним вниманием и большой корректностью вел порученное ему Правительством дело. Он не ограничивался только формальной стороной своих обязанностей, но всегда вкладывал душу в свою сложную работу⁷.

Александр Иванович оказался единственным уполномоченным, на похоронах которого присутствовало практически все ташкентское духовенство во главе с правящим архиереем владыкой Гурием (Егоровым) и по которому, после окончания траурного митинга, отдельно в Александро-Невском храме была совершена панихида по чину «отпевания инославных»⁸.

Несколько иначе обстояло дело с уполномоченным СД РПЦ по Киргизской ССР А.М. Соловьевым*. Участник Гражданской войны⁹, партийный работник и, возможно, как и многие уполномоченные, бывший чекист, он подходил к своей работе с атеистических позиций, но при этом крайне добросовестно.

Воспринимая киргизские благочиния (Фрунзенское и Южно-Киргизское) как зону своей непосредственной ответственности, Соловьев ощущал себя чем-то вроде местного синодального обер-прокурора. Он активно отстаивал свои права

* Ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении документов полное имя и отчество киргизского уполномоченного не указаны.

перед республиканскими партийными функционерами, содействовал процессу регистрации православных общин, поднимал вопрос о более рациональной, как ему казалось, «передислокации» благочиннических округов¹⁰.

Вживание Соловьева в «обер-прокурорский» образ оказалось настолько естественным, что в его лексиконе появились специфически-церковные слова и выражения, хотя и использовал он их в смеси с советскими канцеляризмами. Но в целом Соловьев подходил к своей работе более конструктивно, чем это стали делать его непосредственные преемники.

В других республиках региона уполномоченные были назначены в более позднее время: примерно к маю 1944 года. Еще в апреле 1944 года в Туркмении функции уполномоченного исполнял один из заместителей председателя СНК Туркменской ССР¹¹; позднее эту должность перепоручили П.М. Лапшину, министру совхозов (т.е. сельского хозяйства) Туркменистана¹². В Таджикистане пост уполномоченного занял некто Стариков, занимавший его до самой своей смерти 30 марта 1949 года¹³.

Таким образом, структура СД РПЦ к концу 1944 года не без затруднений, но охватила Среднеазиатский регион, причем в первую очередь аппарат уполномоченных был организован в советских республиках с наибольшим на тот момент процентом русскоязычного населения – в Узбекской и Киргизской ССР. Рассмотрим деятельность этой структуры на примере одного небольшого сюжета – награждения в ноябре 1946 года представителей православного духовенства Киргизии медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Эта награда была учреждена 6 июля 1945 года указом Президиума Верховного Совета Союза ССР. Предназначалась она для награждения всех гражданских лиц, внесших серьезный вклад в дело победы над Германией. Осенью того же года в перечень представляемых к награждению этой медалью было решено включить священнослужителей разных конфессий и религий, проводивших среди верующих патриотическую работу и сбор средств на нужды фронта¹⁴.

Списки православных священников, как правило, составляли в канцеляриях епархиальных архиереев, а непосредственным представлением к награждению занимались республиканские и областные уполномоченные СД РПЦ.

В отношении Среднеазиатской епархии документально подтверждены два случая представления к награждению. Первый имел место в ноябре 1946 года, когда от имени недавно назначенного ташкентского епископа Гурия (Егорова) в узбекистанский СД РПЦ было направлено ходатайство о награждении пяти священников, служивших на приходах Ташкента, Самарканда и Ферганской долины¹⁵. К сожалению, судьба этого ходатайства неизвестна.

Второй случай имел место примерно в то же время, но в столице Киргизской ССР – городе Фрунзе и без участия правящего епископа. Фрунзенское «дело о награждении» реконструируется намного лучше, в первую очередь благодаря квартальным отчетам киргизского уполномоченного Соловьева и сопутствующим документам.

В середине сентября 1946 года Соловьев подал в Верховный Совет Киргизской

ССР ходатайство о награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» нескольких православных священнослужителей. В представленный уполномоченным список были включены четыре священника: благочинный Фрунзенского округа протоиерей Александр Рябцовский и настоятели республиканских приходов – протоиереи Петр Страдомский (Токмак), Митрофан Марковский (Пржевальск) и Иоанн Алексеев (Ош). Все они, без исключения, до 1944–1945 годов состояли в обновленческом расколе.

Ходатайствуя о награждении, Соловьев указывал, что представляет к медали священников, «особо проявивших себя в церковно-патриотической работе в дни Великой Отечественной войны в православных общинах Киргизской ССР»¹⁶.

30 октября, почти через полтора месяца, Соловьеву сообщили о благополучном результате его представления, а также известили о том, что медали собирается вручать лично председатель Президиума Верховного Совета республики Турабай Кулатович Кулатов¹⁷. В бюрократической номенклатуре советского времени должность Кулатова считалась одной из высших на уровне союзной республики. Председатель Президиума ВС КирССР номинально считался «главой государства», хотя по факту полнота власти находилась в руках первого секретаря Центрального комитета республиканской коммунистической партии. По всей вероятности, торжественное награждение духовенства на таком высоком уровне задумывалось как наглядная демонстрация сталинской политики 1940-х годов, времени наиболее конструктивного взаимодействия между религией и государством.

4 ноября состоялась церемония награждения; она подробно описана в квартальном отчете Соловьева в головной СД РПЦ¹⁸. В кабинете председателя Президиума Верховного Совета Кулатов вручил медали протоиереям Александру Рябцовскому, Митрофану Марковскому, Петру Страдомскому, а также двум суннитским муллам¹⁹. Помимо Кулатова, Соловьева и награжденного духовенства на церемонии присутствовали «...секретарь Совета Кутарева²⁰, Уполномоченный по религиозным культам тов. Ахтямов и фотограф из редакции газеты “Советская Киргизия”, заснявший момент вручения медалей»²¹.

После вручения наград выступил Кулатов: в краткой речи он «поздравил награжденных и выразил надежду, что священнослужители и в дальнейшем проявят максимум патриотизма в своей работе среди верующих в интересах Родины»²².

Ответное слово протоиерея Рябцовского настолько вписывалось в общий контекст эпохи, что соответствующий отрывок из отчета следует привести целиком:

От лица православных священников ответную хорошую речь сказал Рябцовский, что было отмечено всеми присутствующими. Он выразил глубокую благодарность Советскому Правительству и заявил, что православное духовенство Киргизии высоко оценит внимание Советского Правительства и будет неустанно проводить патриотическую работу среди верующих, памятуя не только о словах Христа: “Божие – богови, а Кесарю – кесарево”, но и о своих гражданских обязанностях перед Государством²³.

Вероятно, благодарственную речь в подобном духе, но со ссылкой на исламские авторитеты, произнес и кто-то из награжденных мулл.

Завершилась церемония почти идиллически. После обмена любезностями на-

гражданских и уполномоченных пригласили на чай, «во время которого тов[арищи] Кулатов и В.Е. Кутарева кратко побеседовали со священнослужителями обеих религий»²⁴.

Запоздавшему протоиерею Иоанна Алексеева, настоятеля Ошской церкви, награждали в менее торжественной обстановке. Медаль ему вручил заместитель Кулатова – Шульгин²⁵. Председатель Президиума в это время вылетел в Джалал-Абадскую область, наиболее пострадавшую от землетрясения в ночь с 1-го на 2-е ноября 1946 года.

В изложении Соловьева, православные священнослужители самым верноподданническим образом отозвались о высоком внимании со стороны советского правительства. Он писал в отчете:

Факт награждения медалями был воспринят священниками как свидетельство доверия советских властей к их лояльной и полезной деятельности среди религиозной части населения, и они совершенно искренне выражали по этому случаю свою радость. Так, например, священник Страдомский, человек болезненный, заявил мне, что «полученная награда как бы влила в меня свежие силы и, я чувствую, благотворно отразилась на состоянии моего здоровья, лучше всякого лекарства». Священник Рябцовский в ближайший воскресный день по собственной инициативе обратился к молящимся с призывом оказать помощь пострадавшим от землетрясения и собрал 3600 рублей, которые были направлены в адрес Джалалабадского Облисполкома²⁶.

В действительности неподдельная радость духовенства (в том числе и мусульманского) была вызвана, скорее, не особой лояльностью, а осознанием того, что атеистическое государство наконец-то, после почти тридцати лет антирелигиозной политики, признало заслуги священнослужителей перед родиной.

Отчет Соловьева был составлен в конце декабря 1946 года²⁷; ответ на него из головного СД РПЦ пришел только во второй декаде февраля следующего, 1947 года. Уполномоченному сделали довольно строгий выговор, дипломатично наименовав его «разъяснением»:

Вручение наград одновременно православному и магометанскому духовенству, и Ваше участие в этом, совместно с Уполномоченным по делам религиозных культов, проводить не следовало.

Факт раздельного существования двух Советов при Совете Министров и их Уполномоченных на местах – показывает Вам, что такое совмещение духовенства является недопустимым. Вам следовало бы обратить на это внимание руководства Совета Министров и поставить вопрос о раздельном вручении наград²⁸.

Функционеры головного совета видели в «совмещенном» вручении медалей нарушение ведомственных границ. Республиканские же чиновники (в том числе и Соловьев) провели важную акцию практически публичного признания заслуг духовенства двух наиболее распространенных в Киргизии конфессий – православия и суннитского ислама.

Местных функционеров гораздо меньше заботило распределение полномочий между недавно организованными Советами. В небольшой союзной республике, со значительным процентом сельского населения и относительно высоким уровнем

религиозности, фрунзенское награждение, освещенное в прессе, могло только укрепить положительный образ советской власти. Совместное вручение наград показывало равное уважение к духовенству наиболее крупных этнорелигиозных групп республики. И такая акция была намного важнее, чем выговоры московских чиновников, слабо разбиравшихся в особенностях внутренней политики среднеазиатских республик.

Позднее, в период так называемой «оттепели», положение СД РПЦ и его уполномоченных на местах существенным образом изменится.

С 1958 года Хрущев начнет кампанию по подавлению религии в СССР. Новая линия партии и советского правительства была нацелена на утопическую задачу скорого построения коммунизма в одной отдельно взятой стране, во имя чего необходимо было устранить из жизни советского человека «религиозные пережитки и суеверия»²⁹.

Изменится и характер деятельности уполномоченных на местах. С 1960 года они должны будут проводить в жизнь антицерковные по своей сути постановления Совмина и ЦК, проводить надзор за духовенством и членами приходских советов, вести учет церквей и молитвенных домов...³⁰ Однако в середине 1940-х годов пока ничто не предвещало это новое наступление на Церковь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный архив Киргизской республики (ЦГА КР). Ф. 1631. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

² Гераськин Ю.В. Уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви: исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / Отв. ред. А.И. Филимонова. – М.: Либроком, 2011. С. 48.

³ См.: Флыгин Ю. «Держайте, стойте и узрите спасение от Господа...» Православие и другие конфессии в Средней Азии в первой половине 1940-х годов // ВС. 2015. № 2 (XXXVII). С. 48.

⁴ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3.

⁵ См.: Абдуллаев Е. История ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // ВС. 2011–2012. Вып. XXIII–XXIV. С. 28.

⁶ Иоанн (Вендланд), митрополит. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль [б.и.], 1999.

⁷ Архив Ташкентского епархиального управления (АТЕУ). Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

⁸ АТЕУ. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

⁹ В одном из своих отчетов Соловьев следующим образом излагает свою партийную биографию: «В [19]21–22 годах, вскоре после гражданской войны, когда по Семиречью еще не улеглась стихия бандитизма и, вообще, по Средней Азии бродили басмачи, я был одним из пионеров по организации и укрепле-

нию органов Сов[етской] власти в бывшей Семиреченской области, часть которой вошла в состав перешней Киргизии. Я работал здесь в качестве Военного комиссара Пишпекского (ныне Фрунзе – Р.Д.) и Каракольского (ныне Пржевальск – Р.Д.) уездов и членом Президиума Исполкома и Ревкома указанных уездов, занимающих в настоящее время ту же территорию Киргизии уже в качестве областей» (ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.)

¹⁰ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3, 5 об. – 6, 9–11.

¹¹ См.: Патрахин Л., протоиерей. Русская Православная Церковь в Средней Азии // Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам Апостола Фомы. – Воронеж [б.и.], 2009. С. 163.

¹² АТЕУ. Оп. 1. Д. 29. Л. 40.

¹³ АТЕУ. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.

¹⁴ При этом особо выделялись священнослужители, получившие «благодарственные телеграммы или письма товарища Сталина» (ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 5. Л. 39).

¹⁵ См.: Абдуллаев Е. «Участвовало в стяжении победы...». Документы о служении православного духовенства Узбекистана в 1941–1945 годах / Восток Свыше. Вып. XXXVII (№ 2, апрель–июнь). 2015. С. 57–58.

¹⁶ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

¹⁷ Кулатов Т.К. (1908–1984) – видный киргизский партийный и государственный деятель советского времени. Член ВКП(б) с 1932 года. В 1938–1945 гг. – председатель Совета народных комиссаров Киргизской

Роман ДОРОФЕЕВ. «Православное духовенство Киргизии высоко оценит внимание Советского Правительства...»

ССР. В 1945–1978 гг. – председатель Президиума Верховного Совета КирССР.

¹⁸ Первоначально награждение планировалось назначить на 2 ноября. Но, из-за невозможности в краткие сроки собрать во Фрунзе священников из областей, особенно с Юга Киргизии, церемонию пришлось перенести на более поздний срок.

¹⁹ Имена мулл в отчете, к сожалению, не приводятся.

²⁰ Вера Емельяновна Кутарева состояла секретарем Президиума Верховного Совета КирССР в 1938–1947 гг.

²¹ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

²² ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

²³ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

²⁴ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 43–44.

²⁵ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

²⁶ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

²⁷ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.

²⁸ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

²⁹ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964). // Государство и церковь в XX веке... С. 16.

³⁰ Там же. С. 24.

Тема: Возрождение епархии. 1940-е – начало 1950-х годов

*Дмитрий ПАВЛОВ
при участии Татьяны СТЕКЛОВОЙ*

Путешествие епископа Гурия (Егорова) по Ташкентской епархии в 1947 году

Епископ (с 25 февраля 1952 года – архиепископ) Гурий возглавлял Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию с сентября 1946-го по февраль 1953 года. При нем число открытых приходов в конце 1948 года достигло максимума – 67¹. За время пребывания на Ташкентской кафедре владыка Гурий побывал в 60 приходах, во многих из них – не единожды.

В ноябре 1946 года, вскоре после приезда, он совершил свою первую поездку, отправившись в Таджикистан. Были поездки и по Узбекистану. Помимо этого за три месяца 1946 года правящий архиерей освятил храм во имя преподобного Сергия Радонежского в Фергане, храм во имя святого великомученика Георгия Победоносца в Самарканде, храм в честь Казанской иконы Божией Матери в Коканде, в общей сложности «проведя в разъездах всего 26 дней, пользуясь железнодорожным транспортом, самолетом, автомобилем и лошадью»².

1947 год оказался для владыки Гурия насыщенным в плане поездок, о чем он сообщал в Патриархию: «В разъездах по нашей огромной епархии я провожу много времени»³. За первое полугодие 1947 года ташкентский епископ дважды посетил Киргизию и дважды – Туркмению.

С 3 по 23 июля 1947 года епископ Гурий совершил «большое и интересное путешествие», объехав приходы северо-восточных и юго-восточных окраин огромной Ташкентской епархии. Уже третьим за полгода было посещение Киргизии, в которой действовало более половины зарегистрированных православных приходов епархии. Это путешествие было подробно и красочно описано иеромонахом Иоанном (Вендландом) в статье в епархиальном бюллетене «Информации по Среднеазиатской епархии» за июль 1947 года:

Ранним утром 3-го июля после скромных проводов Владыка <...> отбыл из Ташкента в поезде, направлявшемся в столицу Киргизии гор. Фрунзе. Быстро промелькнули стройные тополя и развесистые тутовники Ташкентского оазиса, и за окнами вагона поплыли гре-

бешки песчаных барханов и очертания невысоких серых холмов. Граница Ташкентской епархии осталась где-то сзади, и поезд несется по беспредельным просторам Казахстана⁴.

Епископа Гурия сопровождали из Ташкента секретарь Епархиального управления иеромонах Иоанн (Вендланд), иеродиакон Михей (Хархаров) и фотокорреспондент Сердюков. По прибытии во Фрунзе 4 июля на вокзале своего архипастыря торжественно встречало духовенство города и соседних селений во главе с благочинным Киргизского округа протоиереем Александром Рябцовским.

После революции 1917 года в Пишпек (с 1926 года – Фрунзе, ныне Бишкек) были закрыты два прекрасных храма – Никольский собор и храм Преподобного Серафима Саровского. К началу Великой Отечественной войны во всей Киргизии не было ни одного православного храма. В 1944 году местные власти зарегистрировали две православные общины – в Пржевальске и Оше⁵. Во Фрунзе местная православная община получила официальную регистрацию в январе 1945 года. В том же месяце общине под молитвенный дом было передано недостроенное здание Киргизпромсовета с обязательством достроить его за свой счет⁶. В декабре 1944 года епископ Кирилл (Поспелов)* назначил настоятелем фрунзенского храма священника Александра Рябцовского – бывшего обновленческого архиепископа, принесшего покаяние⁷. В 1945 года Рябцовский стал благочинным Киргизского округа.

Реконструкция здания для будущего храма велась по проекту архитектора Василия Васильевича Верюжского, сына известного ленинградского священнослужителя – настоятеля храма Воскресения Христова на Крови (Спаса на Крови) протоиерея Василия Верюжского. Семья Верюжских, проживавшая в Петрограде, в свое время близко дружила с иеромонахами Гурием и Львом (Егоровыми)⁸. Отношения Верюжского и епископа Гурия оставались теплыми и в Средней Азии. К церковному строительству архитектора привлек протоиерей Александр Рябцовский, видевший его работы во Фрунзе и знавший его как глубоко верующего человека. Собор был освящен епископом Гурием 12 января 1947 года, во время его предыдущего приезда во Фрунзе.

Прибыв во Фрунзе 4 июля 1947 года, епископ Гурий отправился к новому церковному дому при Воскресенском соборе. Автор заметки о путешествии сообщал:

Это (церковный дом – *Д.П.*) – прекрасная новинка в жизни нашей епархии. Она делает честь инициативе и энергии благочинного о. Рябцовского и его церковного совета. После архиерейского дома в Ташкенте Фрунзенский епархиальный дом является пионером в устройстве таких крайне желательных епархиальных зданий. Дом удобный и поместительный. В нем будут находиться: квартира благочинного, приемная и канцелярия его. Прекрасная отделка дома граничит с художественной работой; есть электричество, проведен водопровод. Дом расположен несколько от Воскресенского Собора (на расстоянии двух кварталов), на средства которого он и приобретен. Попутно отметим, что в Киргизской республике находится большинство приходов Среднеазиатской епархии (34 из 54), и что по числу открываемых церковью Киргизия стоит в епархии на первом месте⁹.

* Епископ Кирилл (Поспелов) возглавлял Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию с июля 1944-го по июнь 1946 года.

После небольшого отдыха епископ Гурий со своими спутниками вечером покинул столицу Киргизии. Министр автотранспорта республики предоставил в распоряжение духовенства большой автобус на все время путешествия. Владыку помимо ташкентских помощников сопровождали: благочинный протоиерей Александр Рябцовский, священники Стефан Суслов, Митрофан Марковский, Макарий Леонтович, диакон Гавриил Овчаренко (рукоположенный в мае 1947 года с введением в причт Воскресенского собора¹⁰), С.А. Мазуренко.

На рассвете миновали величественное Вуамское ущелье. Прибыли в с. Рыбачье к изменчивым водам Иссык-Куля, то притягивающего Вас зеленоватым цветом своих просторов, то отпугивающего серой холодностью своих волн. Путники любовались прибором и силуэтом парохода-лесовоза, бороздившего озеро со спокойной деловитостью исполнительного труженика. День был пасмурный, но временами лучи солнца прорывались сквозь густые облака, и тогда виднелись вдали вершины гор. Вот с. Семеновка. Тепла и трогательна была встреча архипастыря с верующими семеновцами. Здесь десятки лет уже не бывал ни один епископ. Лились радостные слезы. Было много детей. Как усердно они крестились! И как чиста была радость взрослых, из которых многие, запыхавшись, прибежали со своих приусадебных участков, где они работали. Владыка, приветствуя народ, призвал Божие благословение на его труд. В слове после молебна Владыка сказал: «Зачем мы приехали? Чтобы поддержать веру вашу. В жизни самое драгоценное – вера. Еще приехали мы поддержать бабушку...»¹¹.

Каменный молитвенный дом в честь Архистратига Михаила в с. Семеновка, построенный в 1913 году, был сожжен во время киргизского восстания 1916 года. После революции верующие приобрели жилой дом, который приспособили под богослужение. В 1937 году власти закрыли храм, и прихожане были вынуждены собираться нелегально¹². В сентябре 1946 года ходатайство верующих Семеновки об открытии молитвенного дома было удовлетворено¹³, и через месяц настоятелем прихода был назначен священник Макарий Леонтович¹⁴.

Следующим пунктом было село Ананьево с обширным молитвенным домом, имеющим вид храма и вмещающим до 400 человек. Первый храм Святителя Николая в Сазановке (с 1942 года – Ананьево) был построен в середине 1870-х и уничтожен землетрясением 1889 года, снова построен в 1897 году и сгорел во время восстания 1916 года; восстановлен в 1927 году и отобран в 1935-м под учреждение культуры¹⁵. Молитвенный дом, в котором побывал владыка Гурий, был открыт в 1945 году¹⁶. Настоятелем в нем был священник Стефан Суслов¹⁷.

Прибыв в Ананьево 5 июля, епископ Гурий возглавил всенощное бдение.

Народу собралось не менее 1000 человек. Скромный деревенский хор трогает искренностью своего пения. Владыка говорил о Воскресении Христовом, которое мы сегодня воспеваем: «Это самое дорогое для нас, потому что если Христос воскрес, то мы получили утешение во всякой скорби. Но есть у нас и обязанности. Мы должны крепко держаться своей веры, быть православными, ходить в храм, должны быть усердными исполнителями долга перед Родиной и творить добро людям»¹⁸.

Утром следующего дня правящий архиерей совершил Божественную литургию. На малом входе настоятель священник Стефан Суслов был награжден ками-

лавкой. После чтения Евангелия проповедь на евангельскую тему произнес благочинный протоиерей Александр Рябцовский. На запричастном стихе – иеромонах Иоанн (Вендланд), на тему о значении епископа. В конце литургии был совершен крестный ход, после которого проповедь произнес епископ Гурий. Владыка обратил внимание на присутствие в храме большого количества детей и сказал несколько слов об их воспитании в трудолюбии и в духе скромности и призвал родителей обучать детей основным молитвам.

После обеда преосвященный со спутниками выехали из Ананьево; дальнейший их путь проходил в условиях непогоды.

Под ливнем прибыли в с. Тюп. Под дождем прошла встреча, сопровождавшаяся длинной речью священника. Владыка, оставаясь под проливным дождем, терпеливо выслушал речь батюшки, украшенную цитатами из поэтов, и ответил на тему: трудности испытывают веру. Затем вошли в маленький молитвенный дом и отслужили молебен. В молитвенный дом могла войти лишь незначительная часть народа, большинство же верующих оставалось на дворе, не обращая внимания на основательный ливень¹⁹.

История церкви в честь Казанской иконы Божьей Матери села Тюп похожа на истории церквей в других киргизских селах. Первая церковь, построенная в начале 1880-х годов, была разрушена землетрясением 1889 года; постройка нового деревянного здания закончилась в 1897 году. До конца 1920-х годов приходская жизнь в Тюпе продолжалась почти без изменений, а в 1930-е, как и везде, храм у верующих отобрали²⁰. В ноябре 1945 года в Тюпе была зарегистрирована православная община с предоставлением помещения (пятистенной хаты) под молитвенный дом. В марте 1947 года верующие села обратились к епископу Гурию с просьбой ходатайствовать о передаче общине бывшего церковного здания, однако власти ответили отказом²¹. По бедности прихода ремонт в молитвенном доме не производился, служили в отдельной комнате площадью 10 кв. м. Настоятелем молитвенного дома на тот момент был священник Никифор Машканцев²².

По причине маловместительности помещения, утром 7 июля молебен был совершен во дворе молитвенного дома.

Яркое солнечное утро. Кунгей-Алатау* на четверть своей высоты покрыт ослепительно блистающим снегом. Голубые облачения гармонируют с темно-голубым небом, и как солнце на нем плывет золотой омофор Епископа. Слово Владыки призывает к вере и устранению недочетов из жизни прихода. <...> Простая беседа в избе. Слезы, жалобы, просьбы... Владыка обещал скорбящим прихожанам с. Тюп прислать другого священника вместо того, который не справился со своими обязанностями²³.

Епископ Гурий сдержит свое слово: священник Никифор Машканцев, «скрывший свое второбрачие, а также нарушивший канонические правила совершения литургии на яблочном вине, не имеющий одобрения от прихожан и неисправный в представлении полагающихся взносов и отчислений»²⁴, в августе 1947 года был уволен за штат с запрещением священнослужения. Вместо Машканцева в Тюп бу-

* Горный хребет на границе Киргизии и Казахстана; наряду с Заилийским Алатау образует Северный Тянь-Шань. (Прим. ВС.)

дет назначен священник Иоанн Петропавловский, который сделает основательный ремонт здания молитвенного дома. В октябре 1948 года епископ Гурий освятит его в честь Казанской иконы Божией Матери²⁵.

Но вернемся в 1947 год. В тот же день, 5 июля, автобус с духовенством выехал в Пржевальск. По дороге остановились на могиле великого исследователя Центральной Азии Николая Пржевальского. Епископ Гурий возложил венок на нее и произнес краткое слово:

Мы, верующие люди, видим в великих деятелях не только творцов тех или иных открытий, изображений или достижений. Мы хотим понять в них человека. Николай Михайлович Пржевальский, великий исследователь Центральной Азии, по свидетельству его брата, был глубоко верующим человеком. Работал он в далекой, малонаселенной местности. Он испытывал в своей работе не только большие трудности, но и неожиданные опасности. Его укрепляла вера в Бога и молитва. Помолимся об упокоении этой смелой, великой, любящей Бога души²⁶.

Отслужив панихиду, путешественники продолжили путь и въехали в город.

Высокий, просторный и нарядный Свято-Троицкий храм, построенный в Пржевальске в 1895 году, был в конце 1920-х – начале 1930-х годов отобран у верующих и передан детской спортивной школе²⁷. В марте 1944 года местные власти разрешили открыть православный храм, в июне того же года уполномоченный Совета по делам РПЦ Соловьев оформил официальную регистрацию²⁸. Настоятелем в Пржевальск был назначен священник Митрофан Марковский²⁹. Несмотря на решение Совнаркома Киргизской ССР о передаче пржевальской общине бывшего церковного здания, местные власти настаивали, чтобы в качестве храма использовалось складское помещение на окраине города, непригодное для совершения богослужений. Причиной было слишком «близкое соседство» церковного здания с обкомом партии. Лишь в январе 1945 года, после шестимесячной проволочки, церковное здание в Пржевальске наконец было передано городской общине³⁰.

Это здание и посетил епископ Гурий во время своего объезда епархии.

Подъезжая к Троицкому храму, Владыка был встречен огромной толпой народа, который, ожидая своего Епископа, в образцовом порядке уже несколько часов стоял у Собора. Когда показался автобус, новые толпы народа бросились к Собору с базара. Под мелодичный трезвон маленьких колоколов Владыка по образовавшемуся через толпу народа широкому проходу, усыпанному ковром цветов, проследовал в Собор. Храм сразу же был заполнен людьми³¹.

Верующих собралось так много, что архипастырь благословлял более часа.

Ранним утром 8 июля путешественники во главе с епископом Гурием выехали в горы. По дороге посетили молитвенный дом в селе Теплоключенка, который на тот момент еще не имел официального разрешения на открытие.

Деревянное здание теплоключенской церкви, возведенное в начале XX века, в 1938 году было у общины отобрано; после войны в нем размещались различные учреждения культуры³². В 1945 году верующие с Теплоключенка подали ходатайство о возврате здания бывшей церкви и регистрации православной общины. Мест-

ные власти отказались удовлетворить ходатайство. Уполномоченный по Киргизии Соловьев в связи с этим в 1946 году обратился в Совет Министров Киргизской ССР, откуда было направлено письмо председателю Пржевальского райисполкома Кучукову: «По имеющимся в Совете Министров данным, в результате вашего недопустимо грубого и пренебрежительного отношения к просьбам верующих граждан с. Теплоключенки – вернуть им церковь или взамен таковой предоставить другое здание, вполне пригодное для молитвенного дома, – в с. Теплоключенке создалась крайне напряженная атмосфера, чреватая нежелательными последствиями. Только отсутствием политического чутья и непониманием серьезного вопроса можно объяснить усвоенную вами манеру поведения в отношении верующих, значительный процент которых состоит из колхозников. Вместо того, чтобы внимательным и отзывчивым отношением к населению создать себе известный авторитет, своими действиями вы возбуждаете недовольство и вражду как против себя, так и вообще против Советской власти, что на руку лишь антисоветским элементам. <...> По получении настоящего вам предлагается в кратчайший срок или освободить и передать верующим гражданам церковь, или же взамен предоставить другое, вполне пригодное здание под молитвенный дом»³³.

Но местные власти так и не вернули верующим здание бывшей церкви; теплоключенской общине было предоставлено под молитвенный дом помещение, требующее капитального ремонта. В ноябре 1946 года благочинный протоиерей Александр Рябцовский направил в Теплоключенку для открытия молитвенного дома священника Геннадия Коченгина³⁴.

Молитвенный дом в Теплоключенке был зарегистрирован в апреле 1948 года³⁵. Епископ Гурий описал свое посещение теплоключенского прихода в октябре 1948 года: «Настоятель, больной старец, ждал меня на перекрестке и проглядел. Я вошел в молитвенный дом со сторожихой, монахиней 80 лет. Пол в нескольких местах прогнил. Потир – стеклянная вазочка для варенья; дискос – жестяная крышка с припаянной ножкой от подсвечника. Облачение – грязное, ветхое. На стенах – несколько икон. Лучшие из них – литографии; три иконы на полотне работы местного «художника» исполнены так, что я не мог смотреть на них без содрогания. Как же можно на них молиться? Заглянул я через оконце в комнату настоятеля (когда-то кончившего Бийскую миссионерскую школу). На постели – скомканное грязное одеяло, из которого вываливаются клочки ваты. На столе – жестяная кружка и кусок черного хлеба. В это время пришел тяжело дышащий настоятель. Я не мог сказать ему ни слова упрека, поговорил с ним ласково, предложил ему ехать вместе в Пржевальск в автобусе и распрощался с ним, когда он отказался. Говорят, в Теплоключенке был богатый приход. Через месяц я получил телеграмму о смерти теплоключенского настоятеля»³⁶.

...Осмотрев молитвенный дом в Теплоключенке, путешественники посетили курорт Аксу с горячими минеральными источниками. Там они были радушно встречены главным врачом курорта. После горячей ванны путь был продолжен назад в Пржевальск, куда уже стекались группы богомольцев из окрестных селений.

Ко времени служения торжественной всенощной Свято-Троицкий храм, располагавшийся в центре города рядом с базаром и центральными учреждениями, был

до отказа переполнен верующими. Епископ Гурий возглавил всенощное бдение в канун праздника Тихвинской иконы Божией Матери, которое прошло в Свято-Троицком храме с небывалой торжественностью. В храме находится почитаемая в Киргизии Тихвинская икона Божией Матери «Тихвинская Слезоточивая». Она была подарена Иссык-Кульскому Свято-Троицкому монастырю афонскими монахами в конце XIX века; чудом уцелела во время киргизского бунта 1916 года, когда монастырь сгорел, и при разгроме обители большевиками. В 1920-е годы образ Божией Матери вместе с другими храмовыми иконами оказался на мебельной фабрике, где их собирались пустить на изготовление бытовых предметов; но кто-то из работников тайно вынес икону с фабрики, спрятал у себя дома, а потом передал в пржевальский храм³⁷.

По окончании службы епископ Гурий произнес проповедь:

Божия Мать – это знамя православия. Она собрала нас сюда, на это торжество, – и духовенство из всех приходов, расположенных вокруг вашего дивного и великого озера, и все это множество народа. Кто не чтит Божию Мать, тот не знает полноты христианской веры, тот, подобно инвалиду, неизбежно будет хромать в духовной жизни³⁸.

Утром 9 июля правящий архиерей с духовенством служил в Свято-Троицком храме Пржевальска Божественную литургию, на которой присутствовало около пяти тысяч молящихся. Епископ и два сослужащих ему священника причащали из трех чаш. Во время литургии владыка Гурий рукоположил во диакона Сергея Афанасьевича Мазуренко, «человека большой культуры, специалиста по русской литературе»³⁹. Во время праздничного богослужения состоялся крестный ход с почитаемой иконой.

Вечером того же дня епископ Гурий и его спутники, простившись с Пржевальском, отправились в обратный путь по южному берегу озера Иссык-Куль. Поздним вечером прибыли в село Покровское, где архипастыря тепло приветствовали верующие покровской общины, строившие новый молитвенный дом.

Деревянная большая церковь Покрова Божией Матери в Покровском была сожжена в 1916 году; прихожане построили новое здание, но оно было позже изъято у них и приспособлено под советские культурные учреждения⁴⁰. В конце 1945 года верующие подали ходатайство об открытии молитвенного дома; его подписали более тысячи человек⁴¹. В апреле 1946 года Совет по делам РПЦ разрешил открыть молитвенный дом; община приобрела участок, на котором было начато возведение нового здания Покровской церкви из местной ели. Всю стройку верующие вели почти без денег, вдохновляемые старостой прихода Марией Луговкиной⁴². Настоятелем молитвенного дома в Покровском был священник Иоанн Черняков; однако в марте 1947 года епископ Гурий запретил его в священнослужении за пьянство и недостойное поведение⁴³, а в июне 1947 года настоятелем был назначен священник Владимир Дроздов⁴⁴. Через год после посещения епископом Гурием Покровского, в июле 1948 года, строительство было завершено⁴⁵.

Поздно ночью, после «простого, но вкусного ужина из иссык-кульской рыбы», епископ Гурий со спутниками выехали из Покровского. Обратный путь они совершали по южному берегу Иссык-Куля.

С этим красивым горным водовместилищем связано много увлекательных повествований и легенд. Предание гласит, что много веков назад на месте Иссык-Куля стоял город высокой культуры. Но происшедшим в результате землетрясения смещением почвы город был разрушен, спустился в образовавшийся в почве провал и был залит водою. Над городом, в глубокой впадине среди гор, образовалось прекрасное голубое озеро. Очень «зоркие» люди уверяют, будто в тихую, ясную погоду можно видеть в глубинах озера развалины подводного города. С этой легендой гармонируют любопытные находки, ставшие достоянием музеев: были случаи, когда волны Иссык-Куля выбрасывали на берег осколки древней керамической посуды, золотые пластинки и т.п.⁴⁶

По пути осмотрели молитвенный дом в селе Быстровка, открытие которого Совет по делам РПЦ разрешил в марте 1947 года (в апреле настоятелем в Быстровку был назначен священник Никита Басов⁴⁷). Из Быстровки направились во Фрунзе, куда прибыли вечером 10 июля.

На следующий день, 11 июля, епископ Гурий вместе с протоиереем Александром Рябцовским был на приеме у уполномоченного по Киргизии Соловьева, которому выразил удовлетворение от поездки в Пржевальск и другие приходы области. По словам Соловьева, епископ был очень доволен теплым приемом, который оказали ему верующие, особенно в Пржевальске. Для своего альбома он приобрел много снимков, запечатлевших различные моменты его поездки, которые были сделаны сопровождавшим его фотокорреспондентом.

В тот же день правящий архиерей принял многочисленных посетителей, а вечером в Воскресенском соборе совершил всенощное бдение. 12 июля, в праздник святых апостолов Петра и Павла, была совершена Божественная литургия, во время которой диакон Сергей Мазуренко был рукоположен во иерея. С глубоким сожалением уполномоченный Соловьев сообщал в Совет об этом рукоположении: «Так в рекордно короткий срок совершилось последовательное превращение бывшего руководителя художественной частью театра и режиссера, человека с высшим образованием, вначале в диакона, а через два дня в сан священника»⁴⁸.

13 июля епископ Гурий покинул Фрунзе и на следующий день прибыл в Ташкент. В столице Узбекистана он простился со своими спутниками и в том же поезде направился в Фергану.

В 1938–1944 годах архимандрит Гурий (до епископской хиротонии) проживал в окрестностях Ферганы – в кишлаке Беш-Бала (ныне район Ферганы). Здесь он духовно окормлял подпольную общину, состоящую из духовных чад – бывших членов Александро-Невского братства и тайно служил литургию в домашних условиях⁴⁹. В Фергане православная община была образована в 1943 году, возглавлял ее архимандрит Евстафий (Бодылевский), богослужения совершались в кладбищенской часовне. Архимандрит Гурий, непродолжительное время бывший настоятелем Покровского собора Самарканда, по причине болезни вышел за штат и приказом епископа Кирилла (Поспелова) в октябре 1944 года был переведен в Фергану в помощь архимандриту Евстафию в устройстве нового молитвенного дома. Архимандрит Гурий сообщал из Ферганы в Ташкент: «Кладбищенская часовня, в которой совершается богослужение, страдает своими (так! – Д.П.) недостатками. Она находится в 2 километрах от окраины города, вмещает не более 30 человек и

не может быть отопляема по техническим причинам»⁵⁰. По смерти архимандрита Евстафия (Бодылевского) в августе 1945 года епископ Кирилл назначил настоятелем ферганского храма и местным благочинным протоиерея Александра Дмитриева (служившего до того в Ленинабаде)⁵¹. В 1946 году ферганской общине было передано здание бывшей немецкой кирхи, ранее использовавшееся под гараж. В сентябре 1946 года епископ Гурий освятил новый молитвенный дом в честь преподобного Сергия Радонежского⁵².

В поезде, следовавшем в Фергану, железнодорожные служащие оказали владыке Гурию исключительное внимание, о чем он оставил запись в книге отзывов. На станции Горчаково (ныне – Янги Маргилан) правящего архиерея встречали с хлебом-солью духовенство и верующие Ферганы во главе с благочинным Ферганского округа протоиереем Александром Дмитриевым.

После теплой, сердечной встречи подали несколько экипажей, украшенных цветами, и Владыка со спутниками поехал в Фергану. Не доезжая 2-3 километра до города, в с. Яр-Мазар, Владыку встретила группа верующих с хлебом-солью. По их просьбе Преосвященный сделал остановку и в одном из домов принял радушное угощение и недолгий отдых. В Фергане встреча Епископа носила торжественный и трогательный характер. Здесь были и хлеб-соль, и речи, и цветы. Ферганцы уже принимали у себя Владыку раньше. Они узнали и полюбили Владыку, тем более, что в прежние годы Владыка прожил здесь 6 лет. Его встречали, как родного; засыпали цветами, простирались перед ним ниц. За кратким молебном о. Благочинный произнес приветственную речь. В своем ответе Владыка отметил, что Фергана особенно дорога ему. Он пережил здесь и радости, и скорби, и лишения⁵³.

Утром 16 июля епископ Гурий со спутниками отправился на грузовике в город угольщиков Кызыл-Кия, где был открыт новый приход. Первая Божественная литургия была совершена архиерейским чином в этот же день. Настоятелем сюда был назначен иеромонах Михаил (Масалов), известный владыке по ферганской общине в 1944–1945 годах и им рукоположенный (в 1946 году во иеродиакона, а в июле 1947 года – во иеромонаха⁵⁴).

В Фергану вернулись железной дорогой, где 17 июля, в праздник преподобного Сергия Радонежского, было совершено всенощное бдение, а 18-го утром служили литургию. Днем был прием посетителей, после чего отслужили вечерню архиерейским чином. Пребывая в Фергане, епископ Гурий посетил дом в Беш-Бале, где он проживал в 1938–1944 годах. Осмотрел сад и оранжерею, которую сам устраивал в те годы. К великому сожалению, на месте оранжерейных растений бурно разрослись сорняки. Также он побывал на кладбище, отслужил в кладбищенской часовне панихиду, обошел кладбище и посетил все знакомые ему могилы.

Вечером выехали на станцию Горчаково и там переночевали. Утром 19 июля прибыли в Коканд. Старый кокандский собор в честь Казанской иконы Божией Матери, построенный в 1908 году, в 1930-е годы был взорван; в 1945 году зарегистрированной православной общине Коканда было передано здание бывшей армянской церкви. Новый молитвенный дом епископ Гурий освятил в конце 1946 года в честь Казанской иконы Божией Матери⁵⁵. Настоятелем в Коканде на тот момент был священник Петр Соколов⁵⁶.

В Коканде епископ пробыл два дня, 20 и 21 июля, возглавив два всенощных

бдения и две Божественные литургии (21-го – в честь храмового праздника Казанской иконы Божией Матери). В Коканде правящий архиерей осмотрел новый дом причта. В него уже переселился настоятель храма священник Петр Соколов из дома, в котором в недавнее землетрясение чудом не были задавлены его дети. Епископу Гурию, находившемуся тогда же в этом доме, тоже грозила смертельная опасность⁵⁷.

21 июля путешественники отбыли из Коканда в Ташкент. На остановке поезда в Беговате (ныне Бекабад) архипастыря с хлебом-солью приветствовали местные верующие, которые просили помощи в открытии молитвенного дома в их городе. 22 июля прибыли в Ташкент. Во время путешествия по Киргизии и южному Узбекистану владыку Гурия сопровождал фотокорреспондент Сердюков, который сделал не менее 500 фотографий, закрепляя «различные моменты происходивших событий».

Поездка епископа Гурия прошла относительно гладко, однако вызвала определенное недовольство как у местных, так и у центральных властей.

Так, во время пребывания епископа Гурия в Пржевальске в горсовет был вызван настоятель церкви священник Митрофан Марковский; так как тот участвовал в это время в богослужении с епископом, вместо него к председателю горсовета и секретарю горкома партии был направлен церковный староста Масликов. Ему был задан вопрос: «Кто разрешил попу собирать такую массу людей и по какому случаю?». Староста ответил, что люди собрались добровольно встретить своего епископа, что об этой встрече знал весь город еще за месяц до его приезда и что верующие не единожды оповещались настоятелем с амвона церкви⁵⁸.

Получил разнос за слишком «либеральное» отношение к поездке епископа Гурия по Киргизии и фрунзенский уполномоченный Соловьев. Председатель Совета по делам РПЦ Карпов поставил ему в упрек невмешательство в события, связанные с посещением епископом церквей и молитвенных домов Киргизии, тем более в сопровождении фоторепортера. «Гурий и его свита были приняты администрацией серного курорта, где им было устроено угощение; в г. Пржевальске и в других местах им была проведена служба под открытым небом с крестным ходом»⁵⁹. Это в Москве сочли недопустимым.

Неудивительно, что в дальнейшем подобные поездки по епархии становились гораздо скромнее, а начиная с конца 1950-х годов власть всячески противилась им, так что посещение приходов архиереями фактически прекратилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Архив Ташкентского епархиального управления (АТЕУ). Оп. 1. Д. 18. Л. 33.

² Там же. Д. 3. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 5. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 1–2.

⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 8 об.

⁶ См.: АТЕУ. Оп. 2. Д. 257. Л. 36–37, 49.

⁷ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 346. Л. 4.

⁸ Братья Егоровы вместе с иеромонахом (впоследствии епископом) Иннокентием (Тихоновым) были основателями и руководителями Александро-Невского братства. Подробнее см.: Павлов Д. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) // ВС. 2018. № 4 (XLVIII). С. 15–43; 2019. № 1 (XLIX). С. 19–47.

⁹ АТЕУ. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–4.

¹⁰ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 280. Л. 58–59.

- ¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
- ¹² См.: Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии (XIX–XXI века). – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. С. 158–159.
- ¹³ См.: АТЕУ. Оп. 2. Д. 361. Л. 1.
- ¹⁴ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 219. Л. 18–18 об.
- ¹⁵ См.: Озмитель Е.Е. Указ. соч. С. 153–154.
- ¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 55. Л. 161.
- ¹⁷ См.: АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 383. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Л. 5–6.
- ²⁰ См.: Озмитель Е.Е. Указ. соч. С. 151–152.
- ²¹ См.: АТЕУ. Оп. 2. Д. 357. Л. 5, 12; Д. 360. Л. 55.
- ²² См.: Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ²³ Там же. Д. 8. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Д. 9. Л. 4.
- ²⁵ См.: Там же. Д. 17. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Д. 8. Л. 6–7.
- ²⁷ См.: Озмитель Е.Е. Указ. соч. С. 141–143.
- ²⁸ См.: АТЕУ. Оп. 2. Дело 339. Л. 113.
- ²⁹ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 233. Л. 95–96.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 85.
- ³¹ АТЕУ. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–8.
- ³² См.: Озмитель Е.Е. Указ. соч. С. 148–149.
- ³³ Цит. по: Борисова О.В. Гонимы, но не оставлены: Ташкентская и Среднеазиатская епархия. 1943–1961. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2019. С. 85.
- ³⁴ См.: АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 193. Л. 4.
- ³⁵ См.: Там же. Оп. 2. Д. 348. Л. 13.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 20–21. Священник Геннадий Коченгин скончался 18 ноября 1948 года.
- ³⁷ См.: Озмитель Е.Е. История православной культуры Киргизии: середина XIX века – 1917 год. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Бишкек, 2011. С. 264–265.
- ³⁸ АТЕУ. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии... С. 155–156.
- ⁴¹ См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 110. Л. 47.
- ⁴² См.: АТЕУ. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.
- ⁴³ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 422. Л. 28.
- ⁴⁴ См.: Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
- ⁴⁵ См.: Там же. Оп. 2. Д. 351. Л. 18.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
- ⁴⁷ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 20. Л. 3.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 260. Л. 51.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Павлов Д. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) // ВС. 2019. № 1 (XLIX). С. 19–47.
- ⁵⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 5.
- ⁵¹ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 106. Л. 119–120.
- ⁵² См.: Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 25.
- ⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 12–13.
- ⁵⁴ См.: Там же. Оп. 1 л/д. Д. 235. Л. 2, 11.
- ⁵⁵ См.: Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.
- ⁵⁶ См.: Там же. Д. 4. Л. 11.
- ⁵⁷ См.: Там же. Д. 3. Л. 3 об.
- ⁵⁸ См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 260. Л. 50.
- ⁵⁹ Там же. Л. 45.

Ташкент: узелки на память

От редакции. 6 марта 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения архиепископа Ярославского и Ростовского Михея (Хархарова). Ярославская журналистка Эльвира Меженная подготовила к этой дате ряд публикаций о жизни святителя, назвав их «Добрый монах». Такую характеристику дал ему когда-то патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский). Мы публикуем фрагмент, связанный со Средней Азией.

Во второй раз епископ Гурий со своими духовными чадами приехал в Ташкент осенью 1946 года после епископской хиротонии. Всего год с небольшим прошел с окончания войны. Еще свежи были воспоминания о военном лихолетье. Тогда в Узбекистан было эвакуировано более 100 предприятий из Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Украины. Только в Ташкенте и области их было размещено более полусотни. В первый год войны первокурсник мединститута Александр Хархаров вместе с другими студентами разгружал прибывшее заводское оборудование.

Духовная семья отца Гурия во время войны жила в Ташкенте и в Фергане. На фронт ушли двое из них: Елизавета Вендланд и Александр Хархаров. Остальные члены духовной семьи по разным обстоятельствам, в основном по возрасту, были для фронта непригодны. Константин Николаевич Вендланд, будущий митрополит Иоанн, во время Великой Отечественной войны занимался поисками месторождений редких металлов для военной промышленности, в 1942 году защитил диссертацию «Петрология вулканогенных толщ Приташкентского региона» и получил степень кандидата геолого-минералогических наук. Несмотря на военное лихолетье, в Ташкенте в эти годы создавалась школа геологов-петрографов; геолог Константин Вендланд был одним из ее создателей.

В марте 1944 года в Ташкент был направлен архиепископ Куйбышевский Алексий (Палицын) с миссией преодоления обновленческого раскола и восстановления православного богослужения. Он сообщал патриарху Сергию (Страгородскому), что «нашел в Ташкенте живое, действенное православие, непрерывающуюся организованную литургическую жизнь».

Несмотря на закрытие почти всех церквей и молитвенных домов, религиозные обряды выполнялись верующими как легально, так и нелегально, в зависимости от отношения местных властей. В 1943–1944 годах, после изменения политики

властей в отношении церкви, религиозная масса стала открыто проявлять себя, не боясь никаких репрессий.

В конце войны эвакуированные начали уезжать из Ташкента. Но было и встречное движение. В 1946 году Средне-Азиатскую епархию возглавил епископ Гурий (Егоров). К монахине Сергии (Заспеловой) из Ленинграда, его духовной дочери, приехал в Ташкент племянник Сережа Зегжда. Отца его расстреляли в Ленинграде по «кировскому» делу. Мама Варвара Сергеевна с двумя сынишками на руках летом 1941 года уехала из Ленинграда в геологическую экспедицию. Все предыдущие годы директор института жалел ее, не посылал в поле, потому что дети были совсем маленькими, и оставлял в Ленинграде. Но в 41-м уже сказал: «Надо ехать. Дети подросли, я не могу больше вас держать».

Это их и спасло, они оказались в эвакуации. А когда после снятия блокады семья вернулась в Ленинград, то дали им темную сырую комнату в полуподвале. За несколько месяцев щуплый подросток был так ослаблен голодом и условиями жизни, что, как потом рассказывал сам Сергей Андреевич, ничего не мог запомнить: например, как пишется самое простое слово. Почему-то, вспоминая этот период своей жизни, он всегда в пример приводил слово «корова». Мама говорила ему: а ты, Сереженька, напиши его двадцать раз, и запомнишь. Но не тут-то было...

Потом Сергей Андреевич станет известным математиком, профессором, а в пятнадцатилетнем возрасте бился над словом «корова»...

В Ташкент он приехал к тете – монахиня Сергия (Заспелова) была родной сестрой его мамы. Пригласил его епископ Гурий. Владыка был очень милосердным и многим материально помогал, и священникам, и мирянам. Когда придет черед Александру Хархарову стать епископом, он будет делать то же самое, он будет идти след в след за своим духовным отцом.

Все очень полюбили Сережу, заботились о нем.

В архиерейском дворе рос виноград. Православные в Средней Азии разговляются фруктами не на праздник Преображение 19 августа, как в России, а на Петра и Павла, 12 июля. Но виноград созревал еще раньше. Елизавета Николаевна просила: «Владыка, благословите Сереженьке виноградика поесть». И епископ Гурий благословлял.

В Ташкент Сережа Зегжда приезжал несколько лет подряд. Там он подружился с недавним фронтовиком Александром Хархаровым. Дружили они до конца жизни. В 1993 году профессор Петербургского университета Сергей Андреевич Зегжда приехал в Ярославль на хиротонию епископа Михея. Потом он навещал владыку в Ярославле, подолгу жил у него, писал книги об Александро-Невском братстве. Ярославский архиерей и петербургский профессор рука об руку завершали большое дело, публиковали все материалы о духовной семье, чадами которой они были.

Если Сережа Зегжда приехал в Ташкент из Ленинграда, то Мария Соловьева – из Китая.

Родилась Мария Николаевна в городе Чанчунь в Китае в семье русских эмигрантов, уехавших из России после революции, а затем вернувшихся в Читу. Дед ее был расстрелян в революцию на пороге церкви, куда он не пускал богоборцев. Он

был очень уважаем в Чите: староста церкви, попечитель сирот, которых он брал в свой дом на содержание. За стол обедать садились по двадцать человек. Отец Марии Николаевны после возвращения из Китая умер. Многочисленные родственники были разбросаны по всему свету. Осталась она совсем одна с мамой. В центре России ей, с ее дворянским происхождением, не удалось бы получить высшее образование; а на окраине страны как-то проскочило. Во время войны она училась на геологическом факультете Среднеазиатского университета и была студенткой Константина Николаевича Вендланда.

Однажды очень просто, и даже без особого смущения, Мария Николаевна уже в Москве, в начале 1990-х годов, рассказывала автору этих строк, что видела Ангела. Она уже была студенткой. Они с мамой, Агриппиной Елизаровной жили в каком-то убогом жилище. Мария спала в крохотной комнатке без окон, почти чулане. Она всего боялась. Боялась, что ее выгонят из института. Что их с мамой выставят с квартиры, если их жилище можно было так назвать... Однажды она проснулась ночью от ослепительного света. Свет был таким ярким, что она не могла открыть глаза. А чуть приоткрыв, увидела его, своего Ангела-хранителя: белого, блестящего. Больше она никогда ничего не боялась. И когда работала за Полярным кругом, и когда в экспедиции ее, с открытым переломом ноги, несли с гор. Кстати, нес ее геолог Глеб Александрович Каледа, друг отца Михея; потом он будет тайно рукоположен во священники митрополитом Иоанном (Вендландом).

Мы познакомились с Марией Николаевной в конце 80-х годов. На тот момент она уже была геологом-палеонтологом с мировым именем. За спиной геологические исследования в горах Тянь-Шаня, Кызыл-Кума, Северного Памира, западного сектора Арктики, на севере и в центре России. И, что было необычно для того времени, – она работала в составе советских экспедиций за границей: в горах Испании, фьордах Норвегии.

Жила она вместе с мамой в Москве на проспекте Вернадского в доме Академии наук СССР. Агриппине Елизаровне было уже за девяносто. Обе маленького роста, трогательные, необыкновенно светлые. Если были в наше время настоящие христиане, то это Мария Николаевна. Абсолютно лишённая желаний как-то выделиться, обратить на себя внимание. Я, приезжая в Москву, передавала ей поклоны от бывших ташкентцев – митрополита Иоанна, ее учителя геологии, и архимандрита Михея.

В 1993 году, узнав, что архимандрита Михея (для нее «Сашу Хархарова») будут рукополагать во епископа, Мария Николаевна засобиравшись в Ярославль. Тем более что на хиротонию ехал «Глебушка», ее друг и коллега – геолог Глеб Каледа, вышедший на открытое служение отец Глеб. Ехал «Лёня» Кузьминов, протоиерей Леонид, – все они имели отношение к Ташкенту... Но Агриппина Елизаровна уже слегла, и оставить ее было не на кого.

В Ташкент из Москвы начал ездить геолог Глеб Каледа. Он учился в Московском геологоразведочном институте. После открытия Троице-Сергиевой Лавры познакомился с архимандритом Гурием. Тот в свою очередь отправил его под духовное водительство к отцу Иоанну (Вендланду): вы оба геологи, вот и разбирайтесь.

Митрополит Иоанн в 1972 году тайно рукоположил Глеба Каледу во священ-

ники. В это время он возглавлял Ярославскую епархию, а архимандрит Михей был настоятелем Феодоровского кафедрального собора.

После смерти митрополита Иоанна отец Глеб стал приезжать к архимандриту Михею. А когда того перевели в сельскую церковь под Ярославлем, ездил к нему на исповедь и причастие. Если приезжал в будние дни, то все совершалось в доме архимандрита Михея в Ярославле. Если же на праздник или в воскресный день, то отец Глеб ехал на электричке на приход отца Михея в Петрово.

Московский батюшка протоиерей Борис Балашов, ссылаясь на отца Глеба, так рассказывал об этих поездках. Расписание богослужений было составлено так, чтобы верующие могли добраться поездом к службе и после богослужения вернуться домой. В результате совершенно не было времени что-то обсудить, о чем-нибудь поговорить. «Мне бы только постоять рядом с ним, – и того довольно!» Все вопросы, с которыми ехал отец Глеб, благополучно разрешались после совместного участия в молитве.

Еще один из вошедших в духовную семью владыки Гурия в Узбекистане – уже упомянутый протоиерей Леонид, Леонид Матвеевич Кузьминов, Лёня. Ему было лет пятнадцать, когда у него заболела раком мама. Жили они в поселке Янги-Юль в окрестностях Ташкента. Мальчик пошел в церковь поставить свечку и так там и остался. Вначале пономарем, потом владыка Гурий направил его учиться в Москву. По благословию владыки Гурия в 1953 году он поступил в Московскую духовную семинарию, сразу на 2-й курс, затем в Ленинградскую духовную академию.

Много лет отец Леонид был настоятелем Успенского храма в Ново-Девичьем монастыре в Москве <...> 35 лет служил настоятелем Никольской церкви на Преображенской площади в Москве. И все эти годы, с начала пятидесятых вплоть до своей кончины в 2016 году, ездил в Ярославль – к «дяде Косте», «Михеюшке», «Игорьку» Мальцеву, а потом на их могилы.

Они были связаны узами любви. Первый узелок завязался в Ташкенте, окреп в Москве и затянулся в Ярославле. Все они приезжали на отпевание митрополита Иоанна, потом на хиротонию архимандрита Михея, а потом на отпевание архиепископа Михея.

За тот год, когда архимандрит Гурий готовил к открытию Троице-Сергиеву Лавру, он тесно сблизился с тем кругом пастырей и мирян, которые выросли под руководством оптинского старца Нектария, а также отцов Алексия и Сергия Мечёвых. Как писал в своих воспоминаниях митрополит Иоанн, к владыке Гурию для служения в Ташкентской епархии приехали из различных мест выдающиеся люди. С каждым из них отец Михей тоже завязал золотой узелок дружбы.

Приехал архимандрит Борис Холчев, которого владыка Гурий вывел на открытое служение и назначил штатным священником храма преподобного Сергия Радонежского в Фергане и благочинным Ферганского округа. Это был человек очень высокой духовности. В 1916 году впервые приехал в Оптину пустынь, став одним из самых близких и любимых учеников старца Нектария. Был прихожанином московского храма святителя Николая в Клённиках, на Маросейке. Теснейшим образом был связан с отцом Алексеем Мечёвым и его сыном, отцом Сергием.

Отец Борис был очень образованным человеком. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Подготовил кандидатскую диссертацию по проблемам экспериментальной психологии. Но не защитил ее: не благословил оптинский старец отец Нектарий.

Был отец Борис из сидельцев. Пять лет лагерей и десять лет затвора в городе Рыбинске – вот его тяжелый багаж. В Рыбинске он тайно служил Литургию, принимал на исповедь близких и верных духовных детей.

Сегодня имя архимандрита Бориса известно многим. Он написал «Огласительные беседы с крещаемыми». В наше время эта работа издавалась множество раз многотысячными тиражами; настоятели большинства храмов берут ее за основу при подготовке людей к крещению.

Для молодого отца Михея общение с этими людьми было замечательной школой. Он впитывал все как губка. В Средней Азии отец Михей познакомился и сблизился с протоиереем Сергием Никитиным, впоследствии епископом Стефаном. Потом они вместе служили в Днепропетровской епархии, где отец Михей был ключарем кафедрального собора, казначеем епархии, а затем секретарем правящего архиерея, а отец Стефан духовником Тихвинского женского монастыря. Сам владыка Стефан рассказывал об этом времени как о «золотом яблочке, которое Господь посылает каждому человеку».

В 1946 году владыка Гурий пригласил в Ташкентскую епархию схиархимандрита Серафима (Романцова), прославленного в лике святых на Юбилейном Архиерейском соборе 2017 года. После двенадцати лет тайных подвигов в горах Киргизии он был введен владыкой Гурием в штат кафедрального собора и служил до своего возвращения в Глинскую пустынь. Он был восприемником при монашеском постриге Александра Хархарова в Ташкенте. Сблизившись с отцом Серафимом (в то время – архимандритом), отец Михей в 1955 году был принят в братию Глинской пустыни. Он всегда стремился жить в монастыре, и владыка Гурий не стал препятствовать ему в этом. Отец Михей в течение года жил в обители с великими Глинскими старцами. И, словно по Промыслу, могила архиепископа Михея в Ярославле (рядом с могилой митрополита Иоанна) находится у стен Феодоровского кафедрального собора, в котором хранится икона Глинских старцев, с частицами их мощей. И разделяют могилы и икону всего несколько метров...

В Ташкенте завязалась дружба будущего архиепископа Михея с художником Владимиром Кутлинским. В 1947 году владыка Гурий пригласил Владимира Николаевича для росписи Успенского кафедрального собора. До этого он восстанавливал живопись на паперти Богоявленского собора в Москве. Работа в Ташкенте предстояла серьезная: полная роспись храма, включая алтарь, образа иконостаса, роспись барабана, настенная роспись. В это время иеромонах Михей был ключарем Успенского собора. В 1958 году Кутлинский был тайно рукоположен в иереи владыкой Гурием, в то время уже архиепископом Днепропетровским и Запорожским. С отцом Владимиром иеромонаха Михея связала крепкая дружба. Они переписывались до последних дней жизни отца Владимира.

Эти люди удивительным образом умели сохранять дружбу в течение всей жизни. В середине 1950-х годов Владимир Кутлинский по приглашению архимандри-

та Иоанна (Вендланда) работал в Саратове в Духосошестввенском соборе. В 1965 году в Жировицком монастыре, когда настоятелем в нем был архимандрит Михей, Владимир Кутлинский написал несколько икон для иконостаса. В числе работ художника значится и такая: роспись хоругви и плащаницы в селе Балобаново Ярославской области. В этом селе архимандрит Михей служил в 1970-е годы.

1 января 1947 года епископ Гурий постриг послушника Сашу Хархарова в монахи. Новонаначальному иноку Михею он адресовал такие слова:

«Сбылось твое давнее желание, ты вошел в лик монашествующих. Дано тебе имя Михей. Это имя дорого как тебе, так и мне, так как оно принадлежит к сонму угодников Троице-Сергиевой Лавры.

Мало сохранилось сведений, но как трогательно все, что рассказывается о нем. Мать Божия является преподобному Сергию, и кто же присутствует при этом? Это преподобный Михей. Значит душа его была так чиста, что ему открывалось то, что человеку обыкновенному не открывается.

Что тебе пожелать в день пострига? Сохрани чистоту души. Ты к ней всегда стремился. Это самое дорогое. Кто в сердце имеет чистоту, бережет ее, тот счастлив, и это счастье никто от тебя не отнимет. Она возвышает человека над обыкновенным уровнем и делает его способным видеть Бога. Чистые сердцем Бога узрят.

Если душу обуревают страсти, зависть, гнев, то все высокое ей чуждо. Но вот человек пришел в себя, как блудный сын. Он обратился с покаянием к Господу, отсекая все корни греха, и прояснилась душа его. Как луч солнечный радует душу, так и чистота души, проникая в сердце, меняет его. Блаженны чистые сердцем.

Дорогой брат Михей! Храни чистоту сердца. Мир будет отнимать ее, но храни ее, ибо это самое дорогое, это связь с Богом. Поэтому береги эту чистоту сердца, и ты будешь счастлив и здесь, и в будущей жизни. Аминь».

Примечательно, что и Патриарх Алексий II во время хиротонии архимандрита Михея во епископа в 1993 году в Ярославле тоже в своем пастырском слове употребил слово «чистота».

«Ты получил сегодня право и обязанность хранить апостольские и отеческие предания, необходимые людям для жизни вечной, заботиться об устройстве церковном и ограждать от искажения Божественное Откровение, охраняющееся в устном Предании Церкви, быть залогом чистоты веры...»

Чистота – ключ к пониманию монашества. Как говорил владыка Гурий, вступать в число монашествующих – это счастье.

Через четыре дня после пострига, 5 января 1947 года, владыка Гурий рукополагает монаха Михея в иеродиакона и назначает штатным диаконом Успенского кафедрального собора Ташкента. Когда через какое-то время уже в другом городе уполномоченный скажет владыке Гурию, что ему не угодил, он никому не верит, тот ответит, что верит отцу Иоанну и отцу Михею. Так с этой верой в них он прожил свою жизнь.

Когда на кафедру взошел епископ Гурий, уполномоченный по Узбекской ССР Степанов сообщал в Москву, что приток «молящихся в двух церквах Ташкента заметно увеличился». Что «в праздники храмы не вмещают молящихся».

В Александро-Невском храме, где пасхальное богослужение возглавлял владыка Гурий, «особенно резко отмечался наплыв молящихся: площадка перед церковью, главные дороги в пределах кладбища были густо заполнены верующими до самых кладбищенских ворот».

В 1948 году в Ташкенте «пасхальное богослужение в Александро-Невском храме собрало уже 40 тысяч человек, в Свято-Успенском кафедральном соборе – 20 тысяч, во вновь открытом молитвенном доме в Ленинском районе Ташкента – 1 500 человек».

Как впоследствии вспоминал митрополит Иоанн, отношения владыки с уполномоченным по Узбекской ССР Степановым сложились самые сердечные. «В Ташкентской епархии было тогда четыре уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, по одному в каждой республике. Естественно, что мы имели больше дел с уполномоченным по Узбекистану. Тогда им был Александр Иванович Степанов, человек со своеобразной судьбой. В царское время он служил морским офицером. Он полюбил некую Екатерину Ивановну, девушку недворянского происхождения, и женился на ней. Оказывается, в тогдашнем дворянском обществе морских офицеров такой брак считался одиозным. Товарищи по морской службе стали пренебрегать Александром Ивановичем, перестали здороваться с ним и даже при встрече на улицах переходили на другую сторону.

Такое отношение заставило Александра Ивановича принять левые убеждения. Он вступил в партию большевиков и во время революции командовал революционными войсками, занявшими Петроградский аэропорт*.

В то же время, благодаря своему прошлому, он кое-что понимал в богослужении и, когда в порядке исполнения своих служебных обязанностей он посещал храм, то, располагаясь на левом клиросе, с удовольствием слушал церковное пение».

За это неизжитое расположение к клиросу Александр Иванович все-таки поплатился. Его лишили должности, поставив в вину, что он рассматривал практически все ходатайства об открытии церквей и удовлетворял их (за редким исключением, когда действительно были проблемы с молитвенными домами и наличием священников).

«Это самый высокий процент подачи ходатайств по отношению к количеству церквей и молитвенных домов, не идущий ни в какое сравнение с тем, что имеется в центральных областях РСФСР, – писал проверяющий из центра. – Столь высокая активность известной части верующих Узбекской ССР объясняется главным образом тем, что епархиальное управление (епископ) через духовенство проводило активную работу по организации верующих на подачу ходатайств об открытии церквей, при явном попустительстве и ошибочной линии, занятой в этом деле уполномоченным Советом».

Сменивший Степанова уполномоченный Тормашев тоже, судя по всему, был не из «оголтелых». Он дал такую характеристику епископу Гурию: «Отличается большой грамотностью, большим знанием христианского воспитания и просвещения верующих, а, следовательно, опытом устраивать церковные дела в интересах церк-

* Имеется в виду Корпусный аэродром, созданный в Петербурге в 1913 г.; на нем была размещена 1-я авиационная рота. (Прим. ВС).

ви. Епископ при всей своей внешней простоте тверд и решителен в проведении намеченных мероприятий... В своей деятельности стремится создать обстановку процветания православной церкви».

Из характеристик уполномоченных, написанных на владыку Гурия за время его архиерейства, можно составить книгу. Обычно писали о нем плохо. Или очень плохо, уничижительно и даже презрительно. А вот в Узбекистане, да еще в Чернигове на Украине советские функционеры сумели оценить качества этого замечательного архипастыря. То ли давление со стороны власти ослабевало, то ли проныцательные уполномоченные попадались.

Владыка Михей взошел на архиерейскую кафедру уже в другое время, когда институт уполномоченных по делам религий был отменен. И власть уже была другая. Но он тоже всегда умел отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу. К властям предержащим относился с уважением, умел выстраивать с ними отношения. И уважение к нему было очень большое.

В Ярославле серьезные городские проблемы решались всегда с его участием. Слово владыки было веским и нередко ставило точку в дискуссии. Архиепископ Михей был избран почетным гражданином Ярославля, за сто лет став вторым служителем церкви в этом звании. Первым до него почетным гражданином Ярославля был архиепископ Тихон (Беллавин), будущий патриарх Московский и Всея Руси.

Новый сборник о среднеазиатских исповедниках веры

«Всецело захвачены целью спасения...» – эти слова из проповеди архимандрита Серафима (Суторихина) стали названием сборника проповедей исповедников веры Ташкентской епархии, вышедшего в издательстве Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва)*. Почти все проповеди, вошедшие в сборник, опубликованы впервые. Они собраны в результате поездок небольшой исследовательской группы – выпускников Свято-Филаретовского института – в Среднюю Азию.

В сборник вошли проповеди архиепископа Ермогена (Голубева), архимандрита Бориса (Холчева), протоиерея Георгия Ивакина-Тревогина, архимандрита Серафима (Суторихина), иеромонаха Иоанна (Вендланда), будущего митрополита.

24 декабря 2020 года, в день памяти протоиерея Георгия Ивакина-Тревогина, одного из среднеазиатских исповедников веры (чьи проповеди также вошли в сборник), состоялась презентация книги. Она прошла в онлайн-формате, собрав клириков и исследователей из России и Узбекистана.

В презентации приняли участие:

Ольга Борисова – исследователь истории, сотрудник издательства Свято-Филаретовского института, участник экспедиций в Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию, составитель и редактор сборника;

Константин Обозный – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой церковной и социальной истории Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва);

Евгений Абдуллаев – кандидат философских наук, преподаватель Ташкентской духовной семинарии, главный редактор журнала «Восток Свыше» (Ташкент);

Эльвира Меженная – журналист, автор ряда книг о митр. Иоанне (Вендланде) (Волгоград);

* Всецело захвачены целью спасения: слова исповедников веры Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 1948–1973 годы / Предисл. митр. Викентия (Мораря), сост. и автор вступ. статьи О.В. Борисова. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. 152 с., илл.

Александр Галак – историк, краевед (Самарканд);

протоиерей Сергей Стаценко – председатель Просветительского отдела Ташкентской и Среднеазиатской епархии, проректор Ташкентской духовной семинарии, настоятель Александро-Невского храма Ташкента (Ташкент);

протоиерей Андрей Изакар – председатель Комиссии по канонизации святых Воронежской епархии, преподаватель Воронежской духовной семинарии, настоятель храма во имя свв. Кирилла и Мефодия в Воронеже (Воронеж).

Встреча началась с литии на могиле отца Георгия Ивакина-Тревогина на Боткинском кладбище Ташкента. На литии, которую отслужил протоиерей Сергей Стаценко, он помянул и всех единомысленных с отцом Георгием подвижников веры, несших служение в те годы в Ташкентской епархии.

Отец Георгий Ивакин-Тревогин был духовным сыном старца Алексия Мечёва (прославленного в лике святых в 2000 году) и членом московской маросейской общины. Человек высокообразованный, математик, он принял духовный сан в уже немолодом возрасте в Ташкенте. Когда начались «хрущевские» гонения, отца Георгия преследовали, вплоть до физического насилия, били окна в квартире, угрожали, порочили его имя в церкви. Он вынужден был уйти с прихода, где его усилиями собралась община верующих. Гонения подкосили и без того слабое здоровье отца Георгия, и он не мог уже нести постоянного служения. Тем не менее, его, как одного из лучших проповедников епархии, часто приглашали проповедовать в Свято-Успенском соборе Ташкента. На сегодняшний день доподлинно известны лишь шесть проповедей отца Георгия, сохранившихся в Ташкенте у его духовной дочери и друга семьи – Нины Федоровны Малородовой. Эти проповеди вошли в сборник.

Затем начались выступления участников.

Константин Обозный напомнил исторический контекст того времени: «Надо помнить, в какое время архиепископ Ермоген призывал священников проповедовать и когда звучали слова исповедников, которые во многих зажигали огонь веры, помогали справиться со страхами, сомнениями и неправдой в своей жизни, не поддаваться влиянию советской пропаганды». Несмотря на восстановление патриаршества в 1943 году, уже в 1948-м Сталин потерял интерес к церкви как к политическому ресурсу. В наследство от «нового курса» Русской церкви остался институт уполномоченных по делам Русской православной церкви, от которых зависела судьба клириков и даже правящего епископа: «Уполномоченный мог лишить клирика справки о регистрации, то есть права “осуществлять культовую деятельность”, практически по любой причине: за богослужение вне храма, за собиранье молодежи... Самой уязвимой стороной была проповедь, общение с людьми. Опасаясь потерять справку о регистрации, священники, как правило, вообще не решались проповедовать».

Действительно, годы руководства владыкой Ермогеном Ташкентской и Среднеазиатской кафедрой (1953–1960) совпали со все более усиливающимися притеснениями Церкви со стороны государства. На богослужениях прихожане записывали

слова проповедников, бережно их хранили, переписывали и передавали друг другу. Именно благодаря этому их удалось сохранить.

Проповедник был обязан заранее согласовывать проповедь с уполномоченным и придерживаться определенных правил – говорить о мире во всем мире, советских праздниках и проч. Особое внимание было к проповеди архиереев, тем более владыки Ермогена, твердо отстаивающего интересы Церкви и преследуемого за это властями. При всех этих условиях каждая проповедь владыки – глубокое свидетельство о Христе и о Церкви. Проповеди архиепископа Ермогена (Голубева) до недавнего времени считались утраченными. В сборнике опубликовано 10 проповедей владыки. Большая их часть обнаружена в Воронеже, они хранятся в личном архиве отца Александра Дубанова, настоятеля одного из воронежских храмов, отец которого, протоиерей Виктор Дубанов, служил в Ташкентской епархии более 25 лет. Родители отца Александра собрали проповеди лучших проповедников, перепечатали и составили сборник. Этот самиздатовский сборник сыграл важную роль: в 1960-е годы, когда проповедь была запрещена, священники зачитывали проповеди из этого сборника на богослужении, мотивируя тем, что они не проповедают, но что это чтение из книги.

Евгений Абдуллаев, занимающийся исследованием жизни и служения владыки Ермогена (Голубева), рассказал:

«Это личность, о которой вроде бы известно очень много, есть множество исследователей, светских и в Церкви, которые изучают его жизнь. Его служение в Средней Азии тоже достаточно известно, документировано, опубликованы архивы, хотя конечно, далеко не все... Мало исследован его ранний, киевский период. Но ташкентский период – наиболее важный.

В Ташкентской епархии владыка Ермоген продолжил линию катехизации, миссионерскую линию, которая была начата при владыке Гурии. Но владыке Гурию было очень тяжело, когда он начинал свое служение здесь, из всего духовенства Ташкентской и Среднеазиатской епархии высшее духовное образование имел только он один. И владыка Гурий начинает приглашать тех, кто мог не только служить, но и выступать с проповедями. Когда Ташкентской епархией стал руководить владыка Ермоген, то он всех священников обязал произносить проповеди и сам ни разу не служил без того, чтобы не произнести проповедь. Представляете, каков объем этих проповедей! Вопрос – где они? Частично они были отпечатаны на машинке, частично записывались на магнитофон. Это был колоссальный риск, потому что глаза и уши уполномоченного были и среди клира и прихожан».

Одним из ближайших сподвижников и единомышленников владыки Ермогена был архимандрит Борис (Холчев). Духовный друг протоиерея Сергия Мечёва, принявший руководство маросейской общиной после расстрела отца Сергия в 1942 году, он нес служение в Ташкентской епархии почти 25 лет, став одним из лучших пастырей своего времени. Хотя духовное наследие архимандрита Бориса (Холчева) сохранилось и в основном опубликовано, в сборник вошли шесть его ранее не публиковав-*

* См.: Духовное наследие архимандрита Бориса (Холчева). Проповеди, дневниковые записи, беседы и письма / Сост., предисл. и жизнеописание – А.Ф. Грушиной, диакона Серафима Чуракова. – М.: Ред. журнала «Московский журнал. История государства Российского», 2006.

шихся проповедей. Они обнаружены также в самиздатовском сборнике, в Свято-Сергиевском храме Ферганы, где начиналось служение отца Бориса в Ташкентской епархии. Есть свидетельства, что на требование уполномоченного не проповедовать в соборе отец Борис отвечал: «Это входит в богослужение, поэтому мы не можем отменить».

В сборнике опубликованы также самые ранние проповеди митрополита Иоанна (Вендланда), относящиеся ко времени его служения в Ташкентской епархии, еще в сане иеромонаха. Отец Иоанн писал эти проповеди в помощь настоятелям приходов, они печатались в епархиальном издании «Информации по Ташкентской и Среднеазиатской епархии» и рассылались по всем приходам. Эти сборники сохранились в архиве Ташкентского епархиального управления и несколько из них включены в вышедший сборник.

Эльвира Меженная, которая была лично знакома с владыкой Иоанном, рассказала о своем общении с митрополитом Иоанном:

«Мы познакомились с владыкой Иоанном за год до его смерти. Это был конец 1987 – начало 1988 года, время второго Крещения Руси. Мой муж, Анатолий Анатольевич Меженный, был юристом, военным судьей. Я – журналистка, работала в ярославской газете. Муж тянулся к Церкви, а у меня не было никакого интереса. Я даже никогда не заходила в храм. Моей «религией» была культура, литература.

В Ярославль приехала группа журналистов АПН из Москвы делать целевой номер о нашем городе. Я тоже писала для них статью. И меня попросили помочь, зайти к человеку, который, как оказалось, живет напротив нашего дома. Надо было уточнить одну деталь. Сказали, что в прошлом он геолог, а сейчас митрополит на покое.

И вот я пошла. В то время еще не принято было говорить «владыка»; и архиереев, и священников вне церковной ограды называли по имени-отчеству. Митрополит Иоанн был, по разумению советских людей, никакой не митрополит Иоанн, а Константин Николаевич Вендланд.

Краем уха я уже слышала, что в Ярославле живет такой человек, что он служил за границей, был церковным дипломатом, кандидат геологических наук...

Он жил в обыкновенном многоэтажном доме, на улице Доронина на краю города. А мы с мужем жили буквально напротив, через дорогу.

Дверь открыла Елизавета Александровна Александрина, его личный врач и, как потом оказалось, тайная монахиня. В общем, я попала в мир, о котором не могу сказать, что не подозревала, но никогда прежде в нем не была.

Дом был необычный: везде висели иконы, горели лампадки. Много книг, картин. Сразу заметно, что хозяин квартиры каким-то образом связан с Узбекистаном. В квартире было много узбекского. Мне показывали изразцы из Самарканда, угостили восточными сладостями, которые, как оказалось, буквально в тот день прислали из Ташкента.

Уехав из Узбекистана в 1953 году, владыка сохранил связь с ним на всю жизнь. Там осталось много друзей. Последний раз он был в Ташкенте в 1970 году. В его в архиве есть очень много писем из Ташкента. Ему писали, просили совета, мо-

литв. Поздравляли с церковными и гражданскими праздниками, с днем Ангела,

Какое первое впечатление? Владыка был очень крупный. Когда вставал, видно, что он под два метра ростом. Говорил густым, красивым басом. У него были седые подстриженные волосы и борода. Он уже почти не ходил. Елизавета Александровна доводила его до архиерейского кресла, и он величественно в нем восседал, пока были гости.

Тогда первый раз я провела у них несколько часов. Меня пригласили в следующий раз прийти вместе с мужем. Но попрощавшись, я подумала, что вряд ли мне придется здесь еще раз побывать. Было видно, что человек болен; зачем его обременять? Но все оказалось не так.

Я пришла домой и рассказала о своем визите мужу, и он загорелся... Несколько раз спрашивал: «Ну, когда мы пойдем к этому деду?». Для визита мы выбрали 10 утра 1 января 1988 года. Первый день Нового года! Было так холодно, была такая метель...

Мы к ним пришли и уже от них не ушли. Перед нами открылась Вселенная, название которой Православная Церковь. К владыке приезжали друзья, многих из которых он знал еще в Средней Азии. Что это были за люди! Доктор геологических наук и, как потом оказалось, священник Глеб Александрович Каледа. Познакомились они после войны, в Ташкенте. Владыка Иоанн его тайно рукоположил. Из Москвы приезжал протоиерей Леонид Кузьминов; тоже в прошлом ташкентец. Приезжала известный геолог Мария Николаевна Соловьева, которая окончила в Ташкенте Среднеазиатский индустриальный институт. В Ярославской епархии служили близкие митрополиту Иоанну люди – архимандрит Михей (Хархаров), будущий архиепископ Ярославский и Ростовский, и протоиерей Игорь Мальцев. Все они начинали когда-то в Узбекистане под крылом епископа, в дальнейшем митрополита Гурия (Егорова), были членами одной духовной семьи.

Владыка Иоанн с большим уважением относился к узбекам. Когда они еще до войны жили в кишлаке Беш-Бала (ныне район Ферганы), то тайно служили Божественную литургию. Было очень жарко, и приходилось приоткрывать окна. Вокруг жили простые узбекские семьи. Они слышали пение, но никто их не выдал. Когда митрополит Иоанн с сестрой Елизаветой Николаевной последний раз ездили в Узбекистан (она была врачом), то поехали и в Беш-Балу. Владыка рассказывал, что сбежались соседи, начали их обнимать, целовать.

Глядя на митрополита Иоанна, мы понимали, почему выжила Церковь. Таких, как он, нельзя было не любить. Он умел влюбить в себя всех, и даже врагов Церкви. Например, владыка умел договариваться с уполномоченными по делам религий. Кому-то это покажется странным: ведь они гонители веры. Но дело в том, что он к ним относился с уважением, и они это ценили. Он к ним относился как к образу Божьему. Он вообще ко всем людям относился как к образу Божьему. Он их любил».

Архимандрит Серафим (Суторихин), несколько проповедей которого опубликованы в сборнике, так же, как и будущий митрополит Иоанн, входил в Александроневское братство. Он нес служение в Свято-Георгиевском храме Самарканда более тридцати лет. На требование уполномоченного заранее предоставлять конспект

проповеди, которую отец Серафим предполагал произнести, он отвечал, что к проповедям не готовится и поэтому предоставить конспект не может. Все эти годы считалось, что проповеди отца Серафима не сохранились. Обнаружены они были совсем недавно. Самаркандский исследователь Александр Галак, нашедший тетрадь с проповедями, подготовил их для публикации.

Александр Галак: «В течение ряда лет я занимался сбором исторических сведений, и меня часто посещала мысль, как было бы замечательно услышать голос отца Серафима или почитать что-то из его записей... Однажды мне на глаза попался старый шкаф. Он стоял на территории Свято-Георгиевского храма, где находились кельи монахинь. Шкаф был закрыт на все замки. Я, спросив разрешения у настоятеля храма отца Димитрия Козулина, обзавелся связкой старых ключей, и мне удалось открыть этот шкаф. Когда я перебирал содержимое ящиков, мне попала старая тетрадь. Она была исписана карандашом, мелким убористым почерком, и сразу даже трудно было разобрать содержание. Придя домой, взяв лупу и вникнув, я понял, что это проповеди отца Серафима. В тетради оказались проповеди с 1950-го по 1957 годы, более сорока.

Для многих это было удивительно; считалось, что отец Серафим никогда не читал с листа, – когда он обращался с амвона к прихожанам, всегда говорил от себя. Но, видимо, когда он готовился к проповеди, делал для себя какую-то запись, в которую вносил основную мысль, которую он хотел донести до прихожан.

Отец Серафим приехал в Самарканд в декабре 1948 года. Он приехал сюда по призыву епископа Гурия (Егорова), которому было поручено возрождать церковную жизнь в Среднеазиатской епархии. Помимо него в Самарканде, в соседнем Покровском соборе, служил тоже очень яркий пастырь, будущий Туркестанский и Среднеазиатский архиерей, Ермоген (Голубев). На их проповеди собиралось очень большое количество народа, и храмы были переполнены в тот период, ведь помимо того, что был послевоенный просто голод, был еще и голод духовный».

Почему слова этих исповедников веры остаются важными до сегодняшнего дня? Своими размышлениями поделился **протоиерей Сергей Стаценко:** «В служении архипастырей и пастырей, проповеди которых мы сегодня обсуждаем, хотелось бы отметить, что в первую очередь это были просветители. Помимо того, что они передавали знания, они просвещали своим образом жизни, своим личным примером. И чтобы исполнить это служение в советское время, от них требовалась необычайная храбрость.

Хотелось бы сказать немного о содержании проповедей, о которых мы сегодня говорим. Эти проповеди были исключительно богословскими. Почему? Сказать больше, переходя на личности или на личную жизнь прихожанина, в то время было сложно. Во-первых, не было такой традиции, ведь дореволюционная традиция делала упор на богословии. В советское же время люди нуждались в элементарных знаниях о нашей вере, и ни в каком другом месте их невозможно было почерпнуть – только на богослужении, во время проповеди. Литургическое наследие больших знаний не давало, поскольку сложно сконцентрировать внимание во время богослужения именно на содержании. Традиция Церкви поставлена была так, что люди

больше настраивались на душевную составляющую, и только проповедь, как живое слово, способна была донести до людей какие-то богословские истины, начиная с элементарных.

Сегодня эти проповеди могут показаться банальными, особенно человеку, ищущему в церковной жизни. Сегодняшняя проповедь должна делать упор скорее на то, как применять Евангелие в своей личной жизни. Но тогда на это могли только намекать; если бы исповедники говорили более откровенно, то их слова звучали бы недолго. Лишение регистрации, возможно, открытие уголовных дел, провоцирование каких-то нападок, которые не позволили бы служить дольше, – многочисленные примеры наших проповедников показывают, что все это в то время было жестокой реальностью».

Протоиерей Андрей Изакар: «Да, действительно, проповеди этих людей безыскусны, они просты. Эта простота и невозможность сказать что-то очень актуальное, важное, обусловлена временем. Тем не менее, они глубоко богословски обоснованы. Я бы назвал этих людей живыми свидетелями истинного богословия. Это то, что мы часто называем богословски-догматическим сознанием, оно присуще каждому из этих людей, это опытное переживание веры. Оно вообще было характерно для старцев: для них жизнь, слово и дело были неразрывны. И это ощущается и в их проповедях: несмотря на простоту, в каждой из них есть глубина веры, есть богословие, есть непогрешимость, я бы сказал, даже самой этой веры. Потому что малейшее отклонение от правильного понимания Откровения ведет к краху жизни человека. У этих людей слово не расходилось с жизнью, это мне кажется самым главным в их жизни: каждый из них не говорил о любви, он жил этой любовью. Вот это самое главное, потому что люди чувствуют фальшь, чувствуют неискренность, пустоту слов.

Я хочу поблагодарить всех участников этого разговора, потому что они пытаются сохранить эту память, и, я думаю, это удастся».

Материал подготовлен Ольгой БОРИСОВОЙ.

Лев ДУНИН-БАРКОВСКИЙ

«...Был еще офицер Дунин-Барковский»

*О жизни туркестанского военного, педагога и общественного деятеля Валериана Дунин-Барковского**

История фамилии Дунин-Барковских восходит к крупному польскому магнату и политическому деятелю XII века Петру Влостовичу. От него пошел знатный польский род, получивший впоследствии фамилию Дунины. В XIII–XIV веках род разделился на ветви, получившие дополнительные окончания к фамилии. Одной из таких ветвей стал род Дунин-Барковских, получивший примерно в середине XIV века вторую часть фамилии от села Борковице, бывшего родовым поместьем этой семьи, недалеко от Люблина. В дальнейшие века несколько ветвей этого рода оказались в России. Ветвь Дунин-Бо(а)рковских попала в Российскую империю вместе с частью Польши, присоединенной в конце XVIII века Екатериной II в результате раздела этой страны между тремя европейскими державами.

Согласно официальным документам, Валериан Николаевич Дунин-Барковский родился 3 декабря 1871 года в Одессе¹ в семье поляков (на самом деле, по-видимому, на три года раньше и не в Одессе²). Во всех послужных списках его происхождение указано как «из потомственных дворян», «уроженец Херсонской губернии» (в Херсонскую губернию тогда входила Одесса).

Его отец, Николай Францевич Дунин-Барковский (1830–1896), происходил из семьи мелкой безземельной шляхты Подольской и, в более глубокой исторической перспективе, Волынской губерний/воеводств. Настоящее его имя было «Миколай-Гжегож сын Францишка Дунин-Барковский» (Mikolaj Grzegorz syn Franciszka Dunin-Borkowski). Позднее, с переходом в православие, второе крестильное имя Николая – Григорий – превратится в отчество Григорьевич: Николай Григорьевич Дунин-Барковский. У Николая-Григория были три сестры и брат; их отец зарабатывал на жизнь как наемный управляющий у богатых землевладельцев. В 1856 году семья Николая-Григория была лишена прав дворянства³ в ходе «чистки» слишком многочисленной для Российской империи польской шляхты. Николаю пришлось

* Статья представляет собой сокращенную версию жизнеописания В.Н. Дунин-Барковского, составленного его правнуком, Л.Р. Дунин-Барковским. (Прим. ВС.)

покинуть родные края. Он получил инженерно-техническое образование во Франции⁴, где-то (согласно достаточно правдоподобной семейной легенде – на строительстве Суэцкого канала в Египте) участвовал в крупных землемерных и картографических работах⁵.

После скитаний вернулся и около 1870 года женился на Валерии Сильвестровне Кржижановской (~1840 – ~1907), из семьи наемного управляющего, с которой был знаком с юности по местечку Дзыговка Ямпольского уезда Подольской губернии. О ее жизненном пути мы знаем ненамного больше. Она была образованна, обучена музыке и танцам, знала языки. Валериан был их единственным ребенком, хотя у обоих его родителей было по четверо братьев/сестер и у него самого будет пятеро детей.

В первой половине 1870-х годов семья Николая и Валерии Дунин-Барковских проживает в Одессе. Финансовые обстоятельства Дунин-Барковских в этот период стесненные, если не сказать отчаянные. Николай Францевич вынужден взяться за опасный и низкооплачиваемый муниципальный проект – исследования городских катакомб⁶, а Валерия Сильвестровна зарабатывает уроками танца. (С детских лет у Валериана Николаевича сохранится на всю жизнь привычка к бережливости – что подтверждается документами и семейными воспоминаниями.)

В 1877 году семья проживает в Крыму, в Симферополе, где Николай служит городским техником.

3 декабря 1877 года родители оформляют переход Валериана в православие. Согласно сохранившейся метрической записи:

Сын инженер-техника Николая Францева Дунин-Барковского и законной жены его Валерии Сильвестровой, Валериан, состоящий в римско-католическом вероисповедании, 9-ти лет от рождения, вследствие изъявленного им и его родителями решительного желания, помазанием св. миром присоединен к православной Грекороссийской Церкви, с сохранением <имени>⁷.

Во всех позднейших документах у Валериана Николаевича в графе «вероисповедание» стоит «православное». Возможно, примерно в этот же период православие принимает и его отец Николай-Григорий Францевич, поскольку позже он также упоминается как Николай Григорьевич.

После 1881 года следы Николая Григорьевича теряются. По всей видимости, супруги расходятся; по семейной легенде, гордая полька выгнала то ли сильно запившего, то ли изменившего мужа из дома. Дату смерти Николая Францевича, предположительно 9 апреля 1896 года, мы на сегодня знаем только по косвенному источнику – объявлению в газете «Тифлисский листок» от 8 апреля 1897 года:

Валерия Сильвестровна и Валериан Николаевич Дунин-Барковские извещают, что 9 апреля, в среду, в 11 часов дня, в церкви тифлисского полка (на Авлабаре) в день годовщины смерти мужа первой и отца последнего, инженера пут[ей] сообщ[ения], действительного статского советника Николая Григорьевича Дунин-Барковского, будет отслужена панихида по покойном.

Всю свою дальнейшую жизнь Валерия Сильвестровна посвящает сыну. Она пе-

реезжает туда, куда его бросает учеба или служба: Екатеринодар, Тифлис, Санкт-Петербург, Ташкент... В 1890 году в Тифлисе она издает «учебник и самоучитель танцев», в котором аттестует себя «бывшей придворной учительницей»⁸. Какие факты ее жизни стоят за этой формулировкой, выяснить пока тоже не удалось. На сохранившихся фотографиях она изысканно и даже модно одета, держит себя с достоинством.

В 1885 году Валериан с матерью проживают в Екатеринодаре. Там же он оканчивает в 1887 году Александровское реальное училище; на следующий год поступает в Александровский Учительский институт в Тифлисе и оканчивает его в 1891 году с серебряной медалью. Всю свою последующую жизнь Валериан Николаевич в той или иной форме посвятит педагогике.

В 1892 году Валериан Дунин-Барковский поступает на военную службу вольноопределяющимся в 6-й Закаспийский стрелковый батальон в Тифлисе⁹, в этом же году командирован на старший курс Тифлисского пехотного юнкерского училища, который через год оканчивает по 1-му разряду (это значит, с отличными результатами), и производится в офицеры (подпоручик), поступив в 14-й Гренадерский Грузинский полк. Помимо перечисленных частей, в период с 1893 по 1897 годы он служил в 152-м пехотном Владикавказском, 15-м Гренадерском Тифлисском, 16-м Гренадерском Мингрельском полках.

Уже в 1890-е годы Валериан Николаевич не ограничивается рамками службы: он принимает активное участие в общественной жизни, стремится приложить свои педагогические и литературные таланты¹⁰.

Важный эпизод в жизни Валериана Николаевича – его знакомство в 1895 году со Львом Толстым: сначала заочное, по переписке, а в следующем году – личное. Известны два черновика писем Льва Николаевича к Валериану Николаевичу и дневниковая запись:

Да, был еще офицер Дунин-Барковский. Кажется, был полезен ему¹¹.

В музее Толстого в Москве сохранились пять писем Валериана Николаевича к Толстому (1895–1899)¹². Из них видно, что Толстой был в то время нравственным кумиром нашего героя. Судя по всему, своего младшего сына Валериан Николаевич назвал именно в память о писателе.

Валериан Николаевич пробует себя в литературном творчестве. Он отправляет свою драму «Новая жизнь» Толстому при письме от 15 июня 1896 года с просьбой об отзыве. Отзыв Толстого был уничтожающий:

Я прочел вашу драму и, к сожалению, должен сказать вам неприятное, а именно, что драма написана дурно: характеры не выдержаны, положения неестественны...¹³

На этом, похоже, Валериан Николаевич свои опыты в беллетристике оставил, сосредоточившись на журналистике. Он пишет заметки о жизни полка в Санкт-Петербургский военный журнал «Разведчик»¹⁴. Позже из-под его пера выйдет более двух десятков книг и неисчислимое количество журнальных и газетных статей и заметок.

Увлекается Валериан Николаевич и самодеятельным театром. Известны его театральные занятия периода службы в полку; так, в письме Толстому от 26 марта 1896 года он пишет:

Я устраивал народные чтения, на которые собирались до 1½-ра тысяч человек, стараясь пробудить в них человечность¹⁵.

Сохранит он свое увлечение театром и позже, в Ташкентской приготовительной школе 2-го Оренбургского Кадетского корпуса, в период руководства Ташкентским Коммерческим училищем и даже в тюрьме во время Гражданской войны. Его внук Ромуальд Львович Дунин-Барковский (отец автора этих строк) много позже вспоминал, как дед читал ему по памяти «Вия» Гоголя¹⁶.

В 1897 году подпоручик Дунин-Барковский поступает в Николаевскую Академию Генерального штаба. Это высшее военно-учебное заведение было заветной целью любого честолюбивого офицера: только наличие высшего военного образования давало возможность успешной военной карьеры. Легко представить конкурс на поступление; но даже пройти предварительный отбор и получить направление на приемные испытания было непросто. В этом для подпоручика Дунин-Барковского не могли не сыграть положительную роль «общественная работа» в полку и рекомендации командира.

Зимой 1899–1900 годов поручик Дунин-Барковский оканчивает два курса Николаевской Академии Генерального штаба по второму разряду. Направлен служить в Ташкент, где сначала зачислен в 1-й Ташкентский резервный батальон, затем назначен инспектором классов формирующейся Ташкентской приготовительной школы 2-го Оренбургского Кадетского корпуса.

В Ташкент, вслед за сыном, переезжает и Валерия Сильвестровна. Она покупает участок в 11,5 соток по Железнодорожной улице, рядом с Кадетским корпусом¹⁷, и строит там дом, который оставит потом сыну в наследство¹⁸.

Валерия Сильвестровна умерла между 1905 и 1908 годами, похоронена на Боткинском кладбище в Ташкенте. Могила ее не сохранилась.

С Ташкентской приготовительной школой 2-го Оренбургского Кадетского корпуса, в дальнейшем Ташкентским Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Кадетским корпусом, связана важная часть жизни Валериана Николаевича. Здесь он занимался любимым делом, делал успешную карьеру, обзавелся семьей, домом, завел знакомства с множеством интересных и важных людей, многие из которых оставили свое имя в истории. За этот период он публикует заметки о жизни школы, статьи по педагогике, книгу по преподаванию русского языка¹⁹ и четыре ежегодных «Обзора деятельности» этого учебного заведения²⁰. В них подробно описаны принципы, на которых строился учебно-воспитательный процесс, личный состав школы, расписание занятий...

Вначале Приготовительная школа размещается в Окружном Инженерном Управлении на Воронцовском проспекте; позже для нее будет построен собственный комплекс зданий за Саларом, в котором она превратится в Ташкентский Кадетский корпус (ныне – территория Ташкентской медицинской академии).

Летом 1902 года Валериан Николаевич командирован в Европу для изучения педагогического опыта в учебных заведениях Германии, Франции, Швейцарии. Особое внимание он уделяет методам преподавания иностранных языков. По результатам этой командировки он пишет статью в «Педагогический сборник»²¹.

В мае-июне 1903 года Дунин-Барковский сопровождает группу кадет к их родителям в европейскую часть России. По пути они несколько дней осматривают Москву.

Для Валериана Николаевича эта поездка оказалась значимой и в другом отношении. На обратном пути, в Ялте, 27 июля 1903 года он женится на дочери Санкт-Петербургского нотариуса Феодосии Ивановне Денисовой, 1874 года рождения²². Венчание произошло в Александро-Невском соборе Ялты, одним из свидетелей выступил штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Туркестанского округа подполковник Василий Дмитриевич Белов. В это же время в Крыму находится эмир Бухары Абдулахад-хан, так что упомянутый свидетель мог быть в группе сопровождающих эмира. Возможно, Валериан Николаевич запланировал на время этой командировки какие-то дела в Ялте, поскольку из его послужного списка мы знаем, что в отпуске в это время он не был.

Выбор места венчания может показаться несколько необычным, учитывая, что жених постоянно проживает в Ташкенте, а невеста – в Санкт-Петербурге; вероятнее всего, это было связано с маршрутом его командировки. Какую-то роль могла сыграть и связь с памятными Валериану Николаевичу по детству местами, где он когда-то принял православие.

О семье Феодосии Ивановны нам известно немного. Мы знаем, что отец ее был нотариусом в Санкт-Петербурге; мать, Елена Павловна Кохановская (фамилия по второму мужу) умерла в декабре 1913 года. Сама Феодосия Ивановна окончила в 90-е годы Мариинскую женскую гимназию и педагогические курсы в Санкт-Петербурге.

Феодосия Ивановна переехала с мужем в Туркестанский край, где прожила 25 лет, в непривычном климате, вдали от родных, вырастив пятерых детей (по семейным воспоминаниям, были еще два ребенка, умершие в младенчестве).

В 1904 году заведующий Ташкентской приготовительной школой полковник Иосиф Михайлович Бонч-Богдановский выразил особую благодарность «от лица службы» Валериану Николаевичу

...за его примерное усердие по прямой его должности инспектора классов, где он был незаменимым помощником, с проявлением разумной инициативы, за прекрасное преподавание русского языка, за что он и удостоился полного одобрения бывшего военного министра генерал-адъютанта Куропаткина, а равно преподавание истории. На его уроках в классе кипела работа полная интереса...²³.

По фотографиям этого периода видно, что Валериан Николаевич – фактически второе лицо в Школе после ее заведующего.

8 мая 1904 года Ташкентская приготовительная школа 2-го Оренбургского Кадетского корпуса была преобразована в Ташкентский Его Императорского Высочества Наследника престола Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича

Кадетский корпус. 1 августа 1904 года Дунин-Барковский был назначен инспектором классов с одновременным производством в капитаны²⁴.

Казалось бы, жизнь Валериана Николаевича пошла по накатанной колее: он получил очередную чин, перешел на очередной служебный уровень (штаб-офицера), награжден очередным орденом (декабрь 1904 года), женат, у него растет дочь, он высоко ценит начальством... Однако на следующий год в его жизни происходят значительные перемены. Он не находит общего языка с новым начальником Кадетского корпуса, полковником Владиславом Волынцевич-Сидоровичем, и 12 июня 1905 года его отстраняют от работы и переводят в Ферганскую область, на должность комиссара поземельно-податной комиссии²⁵.

Любопытна характеристика, данная ему новым начальником Кадетского корпуса Волынцевич-Сидоровичем:

Капитан Дунин-Барковский обладает недюжинной энергией и инициативой; талантливый организатор; он схватывает предметы легко, быстро приспосабливается к новым условиям, работает усердно и продуктивно; хорошо владеет пером и недурно говорит. Наряду с этими положительными качествами приходится отметить и ряд весьма существенных недостатков, каковы: иезуитская неразборчивость в средствах, болезненно развитое самолюбие, мстительность, склонность к позированию, легкое отношение к данному слову. Служебные качества представляются также пестрыми. Капитан Дунин-Барковский способен весь отдать своему делу и требовать от подчиненных труда, часто им непосильного. Искусством править, не дергая, не обладает и часто прибегает к бичу, почему отношения между им и его подчиненными скоро обостряются. Высшим льстит, с низшими высокомерен. В своих денежных делах аккуратен; бережлив и даже скуп. К казенному интересу относится с полным уважением и свободен от всякого упрека в корыстолюбии. В педагогической области сведущ, но питает слабость ко всяким новшествам²⁶.

Учитывая, что характеристика дана недоброжелателем Валериана Николаевича, трудно понять, больше в ней отрицательного или положительного.

Несмотря на то, что новая его работа похожа на ссылку, Валериан Николаевич и здесь развивает кипучую деятельность. Он выступает в ряде газетных публикаций с изложением своей позиции по переселенческому движению и колонизации Туркестанского края²⁷ (эта тема на тот момент была горячей и вызывала полемику на заседаниях поземельно-податной комиссии и в прессе). Не оставляет он и свой интерес к педагогике – участвует в заседаниях Туркестанского педагогического кружка и, опять же, печатает в газетах заметки на эту тему²⁸. Уже в этот период он интересуется вопросами коммерческого образования, изучает работу коммерческого училища в Самарканде²⁹. И продолжает приобретать полезные знакомства и связи.

Не мог Валериан Николаевич, как человек с активной жизненной позицией, остаться в стороне и от событий бурлящей общественной жизни 1905–1906 годов. В этот период, по крайней мере, ему близка «Народно-прогрессивная партия» – центристская политическая партия либеральной направленности. 14 ноября 1905 года он был избран, вместе с известным ташкентским протоиереем Константином Богородицким и педагогом и востоковедом Николаем Петровичем Остроумовым,

в ее комитет³⁰, но вынужден отказаться от членства, так как офицеры не имели права состоять в политических партиях³¹.

Он активно участвует в газетной политической полемике. В основном он полемизирует с «правыми»; но в паре заметок выступает и против «левых», в частности, осуждает севастопольское восстание³². 20 ноября 1905 года он принимает участие в народном митинге в качестве правительственного делегата³³. Летом 1906 года – в организации союза беспартийных по выборам в Государственную Думу, за что получает строгое предостережение начальника, военного губернатора Ферганской области³⁴.

А 11-12 декабря 1906 года в Новом Маргелане (ныне Фергана) Валериан Николаевич выступает добровольным общественным защитником в процессе о мятеже в 4-м Андижанском резервном батальоне. Как сообщали «Туркестанские ведомости» (№ 188 от 15 декабря 1906 г.):

Так как казенного защитника (взявшего на себя защиту семи главных зачинщиков) было недостаточно, то защиту остальных 45 подсудимых принял на себя комиссар Ферганской поземельно-податной комиссии капитан Дунин-Барковский <...> Защите удалось доказать, что в предварительном уговоре и в стремлении силою противодействовать распоряжениям начальства могли быть виновны не более 5-6 человек <...> Суд <...> приговорил четырех главных зачинщиков к бессрочной каторге, двух подсудимых в дисциплинарный батальон и 24 – к дисциплинарному взысканию. Остальные нижние чины и все унтер-офицеры оправданы.

Сложно сказать, навредил ли этот эпизод капитану Дунин-Барковскому в военной карьере, но, несомненно, помог потом, после 1917 года.

К 1907-му году назревает конфликт капитана Дунин-Барковского с начальником, военным губернатором Ферганской области генерал-майором Василием Ивановичем Покотило. Возможно, сказались различия во взглядах на сам предмет работы Валериана Николаевича – колонизацию среднеазиатских земель русскими переселенцами, их отношения с местным населением; и политические разногласия, и чисто служебные вопросы. Но более важную роль должно было сыграть то, что все устремления Валериана Николаевича уже не были связаны со службой в Ферганской области. С 1905 года он отдает все силы организации в Ташкенте первого Коммерческого училища. После ряда резких объяснений и обмена выговорами и объяснительными Валериан Николаевич выходит в отставку³⁵.

Мысль об открытии в Ташкенте коммерческого училища возникла у Дунин-Барковского еще в 1904 году, на заседаниях местного общества востоковедения, где была отмечена острая нехватка управленческих кадров, знакомых с местными языками, культурно-бытовыми и хозяйственно-промышленными особенностями края. В 1905 году Валериан Николаевич занялся перепиской с учебным отделом министерства финансов и с директором Варшавского коммерческого училища, подготовил устав будущего училища и начал хлопоты о его открытии. Революционные события и перевод в Фергану отсрочили воплощение этих планов. Наконец, в августе 1906 года Валериан Николаевич представил свой проект главному начальнику края, получил его одобрение и отправил документы в учебный отдел

министерства торговли и промышленности. После рассмотрений и согласований устав нового училища был утвержден министром в марте 1907 года и опубликован сенатом в собрании «узаконений и распоряжений правительства» под № 124 за 1907 год. Само училище было открыто 30 августа 1907 г. в присутствии Туркестанского генерал-губернатора и представителей военной, гражданской и духовной власти, городского самоуправления, членов управы и думы; по этому случаю были получены телеграммы от Императора и от министерства³⁶. Таким образом, 6 сентября 1907 года, в день своей официальной отставки, коллежский асессор Дунин-Барковский занял должность директора учрежденного им самим Ташкентского Коммерческого училища.

Почему же именно эта форма учебного заведения – коммерческое училище – привлекла Валериана Николаевича? На тот момент отмечалась острая нехватка средних учебных заведений вообще, так что любая форма училища имела бы успех. На выбор Дунин-Барковского повлияла не только востребованность квалифицированных кадров в области коммерческого управления. Дело в том, что «Положение о коммерческих учебных заведениях», принятое Сергеем Юльевичем Витте в 1896 году, в бытность его министром финансов, делало коммерческое образование самым либеральным в ряду всех форм средних учебных заведений. Возможности педагогической инициативы, использования оригинальных учебных программ, применения новых методов преподавания и воспитания не могли не привлечь «питающего слабость ко всяким новшествам в педагогической области» Дунин-Барковского.

Начался самый, наверно, хлопотный, но и самый интересный и насыщенный период жизни Дунин-Барковского. Он строит учебное заведение на принципах, которые ему близки. Как позже писал сам Валериан Николаевич:

В основу учебно-воспитательного дела училища, что допускало либеральное по тому времени положение о коммерческих училищах и что постепенно на практике устранила реакция, были положены принципы свободного воспитания юношества: благожелательное отношение к детям, отсутствие наказаний и поурочных отметок (вместо них подробные характеристики), разучивание уроков в классе, педагогическая помощь отстающим, практическое наглядное преподавание, для чего заведены не только кабинеты физической, химической, естественноисторической, школьный кинематограф, но и лаборатории, оранжерея, показательный огород, сады и т.д., еженедельные рефераты, вечера, литературные утра и т.д. дополняли образование и поддерживали живой интерес к занятиям. Музыка, пение, в котором принимали участие почти все учащиеся, гимнастика, подвижные игры довершали эстетическое и физическое воспитание³⁷.

В училище принимались дети обоюго пола всех вероисповеданий и сословий, что по тем временам было смело. (Совместное обучение мальчиков и девочек в Российской империи допускалось тогда лишь в коммерческих училищах и в некоторых частных учебных заведениях.) Валериан Николаевич набирает персонал, следит за строительством нового здания, ищет вечно недостающие средства, постоянно конфликтует с начальством и проверяющими лицами, пишет статьи по педагогике и организации коммерческого образования³⁸. Им опубликованы семь (с 1907 по 1914 гг.) «Обзоров деятельности» его училища, в которых приводятся

устав, учебная программа, состав педагогического коллектива, отчеты об успеваемости, поведении, физическом состоянии учеников, финансовые отчеты, основные события прошедшего учебного года. Эти книги достойны подробного изучения и отдельной публикации.

Основанное Валерианом Николаевичем Коммерческое училище просуществовало до начала 1918 года; все это время он оставался его бессменным руководителем, – с той оговоркой, что летом 1915 года он уйдет в действующую армию и с этого времени руководителем будет оставаться лишь номинально. За эти годы меняются организационная форма и название училища (вначале частное, затем преобразовано в общественное и, наконец, в общественно-государственное), но сохраняются принципы его устройства. Сначала училище временно размещается в доме генерала Шорохова, а затем переезжает в собственное здание по адресу: Куропаткинский проспект, дом 75 (в советское время – улица Первомайская, ныне – Шахрисабз). «Бережливый и даже скупой» Дунин-Барковский неоднократно жертвует деньги из своих личных сбережений на неотложные нужды Училища и его учеников, попавших в сложные жизненные обстоятельства.

К лету 1917 года Училище произвело уже четыре выпуска учеников, окончивших его полный курс; в первый класс принимались дети 10-12 лет, выпускались они 18-20-летними.

В 1909 году Дунин-Барковскому предложили быть председателем оргкомитета Ташкентской юбилейной сельскохозяйственной, промышленной и научной выставки (сентябрь-октябрь 1909 года) вместо готовившего ее, но скоропостижно умершего Иеронима Ивановича Краузе (1845–1909). Это была серьезная организационная работа, требовавшая больших сил и самоотдачи. Сам факт приглашения Валериана Николаевича на эту роль означал признание его организаторских способностей и общественного положения в Ташкенте.

В ноябре 1910 года он избран гласным (депутатом) Ташкентской городской думы на четыре года³⁹. 26-31 декабря 1910 года принимает участие в I Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике в Санкт-Петербурге⁴⁰. В ноябре-декабре 1912 года – в первом съезде хлопководов Туркестанского края⁴¹.

В июне 1914 года Великий князь Николай Константинович Романов предлагает Валериану Николаевичу «как видному общественному деятелю» войти в состав учредителей проектируемой Великим князем «Среднеазиатской акционерной компании по орошению мертвых земель»⁴²...

Мирное течение жизни было прервано началом Первой мировой войны.

В 1915-м году Валериан Николаевич, как подполковник в отставке, получает приглашение командующего Кавказским фронтом генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича⁴³. С будущим вождем Белого движения Валериан Николаевич познакомился тоже, скорее всего, в Ташкенте в первый год своей службы там, когда полковник Юденич состоял в должности штаб-офицера при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады. Это приглашение Дунин-Барковский принимает и выезжает на Кавказский фронт «по государственному ополчению».

Служба его проходит в Азербайджано-Ванском отряде – отдельном кавалерийском корпусе на границе Турции с иранским Азербайджаном (позже переименован

во 2-й Кавказский кавалерийский корпус, затем в 7-й Кавказский армейский корпус). Там он занял должность начальника штаба 4-й Кавказской казачьей дивизии, юридически исполняя обязанности начальника штаба корпуса.

События военной службы Валериана Николаевича довольно детально, хоть и несколько путано, отражены в его послужном списке:

Исполняя обязанности начальника Штаба Азербайджано-Ванского отряда, подготовлял и разрабатывал планы Ванской операции <...>, приведшей к успешным боям у Вастанского перевала, проявил много энергии и подвижности, при чем при разведке позиций противника находился под сильным огнем <...>

Исполнял должность начальника Штаба Вастанского отряда, [занимался] разработкою деталей операции, закончившейся победоносным боем. Способствовал успеху, за что представлен был к ордену Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом <...>

На моторном катере произвел рекогносцировку расположения противника <...> в заливе Ак-Тамара (южный берег Ванского озера) <...>; при чем подъехал на 1000 шагов к дому <...>, где было сторожевое охранение противника, обстрелял его заставу и в свою очередь был обстрелян ею. Доставленные сведения имели большое значение...

Во время двухдневного боя 15 и 16 ноября под Вастаном во главе полуроты, <...>, производил наблюдения за правым флангом нашего боевого расположения и кроме того рекогносцировал силы противника <...> на барже под парусом обогнул полуостров Дава-Бойне с намерением обстрелять орудием и пулеметом тыловые части противника у деревни Зива <...>

Со штабом отряда находился в походах во время Ушнуэ-Соуджбулакской операции. При чем весь штаб был в сфере огня на передовых позициях <...> угрожаемых со стороны враждебных нам курдов <...>

Участвовал в руководительстве войсками Урмийской группы Азербайджано-Ванского отряда, своею работой, энергиею и мужеством способствовавших успеху <...>, при чем находился в сфере огня курдской конницы <...>

Участвовал в качестве вр<еменно> и<сполняющего> д<олжность> начальника штаба корпуса в бою частей корпуса с 4 Турецкой дивизией в районе Раята, окончившемся ее поражением и взятием в плен 2 полков, 3 орудий и 3 пулеметов <...>

Вследствие нарушения связи <...> 8 августа отправился на автомобиле с двумя Английскими офицерами по дороге с правого боевого участка на левый, мимо фронта турок, занимавших гору у Шнозана, где автомобиль на ходу был осыпан градом пуль <...> от ружейного и пулеметного огня; оставив автомобиль с Англичанами в укрытом месте, верхом прибыл <...> к месту расположения начальника левого боевого участка и <...> ознакомил последнего с инструкциями командира корпуса, общей обстановкой, выяснившейся перегруппировкой войск противника и соответственным передвижением наших войск на правом фланге <...>

Находился в походе от Соуджбулака на Бана и действовал с отрядом против турок, занимавших район Бана, откуда 24 августа турки отрядом были оттеснены за пограничный хребет, а самый город Бана занят Соуджбулакским отрядом⁴⁴.

Такое впечатление, что Дунин-Барковский тяготится штабной работой и то дело «лезет на рожон». Вряд ли в прямые обязанности начальника штаба входило руководить диверсионно-разведывательными операциями на воде или тем более скакать под огнем через весь фронт, чтобы доставить донесение.

Вот отзыв о Валериане Николаевиче его начальника, генерал-лейтенанта Федора Григорьевича Чернозубова:

Подполковник Д у н и н - Б а р к о в с к и й обладая твердостью, настойчивостью, прямым характером и беспредельною преданностью и любовью к делу, не только следил за работой двух штабов <...>, но <...> являлся незаменимым моим помощником. За все время службы подполковник Дунин-Барковский зарекомендовал себя как хороший начальник и отзывчивый товарищ...⁴⁵

За Кавказский период войны Валериан Николаевич получил награды: орден Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом, мечи к ордену Святой Анны 2-й степени⁴⁶.

После ряда побед, к весне 1917 года кампания на Кавказском фронте была успешно завершена. 15 февраля 1917 года подполковник Дунин-Барковский назначен командиром вновь созданного 38-го Туркестанского стрелкового полка. Вместе с ним он направлен сначала в Финляндию, а затем в Венден (ныне Цесис в Латвии).

Однако Валериану Николаевичу так и не придется попасть со своим полком на фронт. В конце февраля – начале марта 1917 года произошла февральская революция, монархия пала; в армии и стране нарастает революционная анархия, фронт постепенно разваливается. 25-30 августа 1917 года происходит неудачное выступление генерала Корнилова («Корниловский мятеж»), в армии начинаются беспорядочные чистки. 7 сентября подполковник Дунин-Барковский снят с должности командира полка в резерв Двинского военного округа. Вряд ли он имел какое-либо отношение к мятежу; и даже сочувствие подполковника Дунин-Барковского взглядам генерала от инфантерии Корнилова неочевидно (с последним, кстати, Валериан Николаевич должен был быть знаком по тому же Туркестану, где Корнилов служил с 1898 по 1904 годы). Тем не менее, в автобиографии советского времени Валериан Николаевич предусмотрительно сместил время своего снятия с должности на 20 августа⁴⁷, т.е. на дату до мятежного выступления, поскольку даже подозрение в причастности к Корниловскому мятежу в Советской России могло ему стоить дорого.

Тем не менее, уже 18 сентября, по личному приказу военного министра генерала А.И. Верховского, он включается в работу ГУВУЗа – главного управления военно-учебных заведений⁴⁸, вновь попав в военно-педагогическую среду. 8 октября 1917 года Дунин-Барковский производится в полковники, уже Российской республики. В этот период Валериан Николаевич ездит по стране по расплывшимся в войну юнкерским училищам и школам прапорщиков, пытаясь среди революционного развала наладить учебный процесс.

В семье сохранилась легенда об участии Валериана Николаевича в обороне Зимнего дворца в ночь с 25-го на 26-е октября 1917 года, когда его штурмом взяли большевики. Документов, подтверждающих эту версию, не нашлось (что естественно: сохранись подобный документ, вряд ли наш герой дожил бы до 1943 года). В послереволюционной автобиографии Валериан Николаевич напишет, что 11-26 октября был в командировке в Киеве, из которой вернулся лишь 26 октября, когда переворот уже закончился⁴⁹.

8 декабря 1917 года полковник Дунин-Барковский возвращается к семье в Ташкент⁵⁰. 1 марта 1918 года старая Русская армия расформирована, все ее чины

уволены в отставку без сохранения содержания или пенсии. Прежний период жизни закончился безвозвратно.

Советский период жизни Дунин-Барковского документирован значительно хуже. Валериан Николаевич сменяет череду не всегда понятных должностей. 1 марта 1918 года он назначен преподавателем товароведения Кооперативных курсов Кооп-отдела Центрального Совета народного хозяйства (ЦСНХ) Туркестана. 14 апреля избран председателем исполкома Туркестанского военно-трудового кооператива. 30 мая – председателем временного совета туркестанских объединенных кооперативов. Председательствовал на Первом Туркестанском кооперативном съезде 10-12 сентября 1918 года. 15 января 1919 года кооптирован, с правом решающего голоса, в кооперативное бюро при краевой продовольственной дирекции ЦСНХ Туркестанской республики⁵¹.

23 апреля 1919 года Дунин-Барковский назначен начальником Главного штаба туркестанских войск при Главкоме Туркестанской Республики⁵². Однако на этой высокой должности он не пробыл и недели.

Рабочим органом Реввоенсовета 13 апреля вместо Главного оперативного штаба стал Главный штаб туркестанских войск. Он занимался сбором и обработкой данных об обстановке, передачей распоряжений и приказов Реввоенсовета в войска и направлял деятельность железных дорог республики. Вначале Главный штаб возглавляли главком И.П. Белов и А.П. Востросаблин как военный специалист. 23 апреля начальником Главного штаба был назначен [В.Н.] Дунин-Барковский, 29 апреля – П.А. Домогатский, а 24 мая – Б.Н. Иванов⁵³.

17 июля избран секретарем коллегии кооперативного отдела ЦСНХ Туркестанской республики⁵⁴.

12 августа 1919 года Валериан Николаевич арестован ЧК по подозрению в политической неблагонадежности. Поводом к аресту стало то, что он встал на защиту закрытой большевиками Покровской церкви при Ташкентском кадетском корпусе, превращенном в больницу. Как сказано в постановлении ЧК от 15 октября 1919 года:

Политическая неблагонадежность БОРКОВСКОГО выразилась в том, что он весной сего года принимал деятельное участие в работах церковного совета церкви при кадетском корпусе. По распоряжению Партийного Коллектива при больнице ПОЛТОРАЦКОГО эта церковь была закрыта и ее имущество было реквизировано для народных целей.

Тогда Борковский взял на себя обязанность хлопотать перед компетентными органами об отмене постановления Коллектива. Сам этот факт уже достаточно характеризует личность БОРКОВСКОГО как человека, совсем не разделяющего взгляды пролетариата, а наоборот принадлежащего к черным реакционерам⁵⁵.

Здесь возникает вопрос об отношении Валериана Николаевича к православию. Он был сторонник свободы совести – в созданное им Коммерческое училище принимались дети всех вероисповеданий, а закон Божий преподавали священники шести конфессий: православный, мусульманский, лютеранский, римско-католический, армяно-григорианский и иудейский⁵⁶. В апреле 1913 года Дунин-Барковский сделал письменное замечание одному из преподавателей своего училища, П.П. Сергееву, за неподобающее поведение в училищном храме:

Мною замечено, что во время церковных служб, присутствуя с учащимися в училищном храме, Вы, как то наблюдалось и о. Настоятелем, стоите в храме без должного благоговения, облачиваясь на перила, закладывая ногу за ногу и т.п. Лучшим способом внедрения в учащихся добрых христианских начал и религиозности является пример воспитателя, почему, по долгу службы, я обращаю Ваше внимание на это обстоятельство в предположении, что на будущее время Вы отнесетесь с большей серьезностью к исполнению своих религиозных обязанностей⁵⁷.

Примерно в 1919–1922 годах Дунин-Барковский избирался в состав Туркестанского епархиального совета.

Стоит рассмотреть вопрос об отношении Валериана Николаевича к обновлениям, поскольку Дунин-Барковский упоминается в нескольких публикациях последних лет по истории обновленческого церковного движения как один из деятелей обновленческой церкви в Ташкенте в 1920-е годы. Все эти упоминания восходят к одному источнику: книге В.А. Лисичкина «Крестный путь Святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ». Вот дословная цитата из нее, касающаяся Дунина-Барковского:

Руководствуясь циркуляром ВЦУ, протоиерей Микулин собирает из «прогрессистов» состав епархиального управления и просит ВЦУ утвердить управление в составе протоиереев С. Уклонского, З. Филиппова, Гр. Брицкого и мирянина Дунина-Барковского⁵⁸.

Однако, вопреки названию книги, ссылок на оригинальные документы В.А. Лисичкин не приводит. Автор данного очерка обратился за разъяснениями к эксперту по теме обновленческой церкви в Ташкенте, историку Роману Викторовичу Дорофееву. Вот его справка:

О церковной деятельности Дунина-Барковского известно очень мало. Но даже сохранившаяся мизерная документальная информация позволяет говорить о том, что в истории туркестанского обновленческого движения он представлял собой только эпизодическую фигуру. Фактически же, все доступные сведения по обновленческой «биографии» Дунина-Барковского (вместе с неизбежными по скудности данных предположениями) можно свести к следующему краткому обобщению: Валериан Николаевич Дунин-Барковский был избран в состав Туркестанского епархиального совета после 1918 г., примерно в 1919–1922 гг., еще при архиепископе Иннокентии (Пустынском). По крайней мере, к январю 1923 года Дунин-Барковский уже числится членом Епархиального совета. Возможно, он параллельно являлся сотрудником Туркестанского епархиального управления, но прямые данные об этом отсутствуют. 2 марта 1923 г. Дунин-Барковский вместе с прочими членами Епархиального совета был насильственно отстранен от работы в Совете представителями староцерковной партии – протоиереем Венедиктом Багрянским и священником Валентином Ясенецким-Войно. Однако уже 16 марта 1923 г. полномочия «старого» состава Совета были подтверждены ВЦУ, а 31 марта – представители староцерковной партии были выдворены из канцелярии Епархиального совета при активном содействии органов НКВД Туркестанской республики. После восстановления фактической власти «первого» Совета Дунин-Барковский, вероятнее всего, вернулся к исполнению своих обязанностей. 2-3 мая 1923 г. состоялся I обновленческий епархиальный съезд в Ташкенте. Съезд выразил вотум доверия первоначальному составу Епархиального совета и избрал депутатов на II Всероссийский Церковный собор (I Обновленческий) от Туркестанской епархии. В числе

избранных депутатов от мирян значился Дунин-Барковский, но никаких сведений о том, что он участвовал в деятельности Собора, нет. (Вероятнее всего, большая часть депутатов по каким-то причинам выехать в Москву не смогла.) На том же майском съезде переизбрали состав Туркестанского епархиального управления, но среди выдвинутых кандидатов Дунин-Барковский не числился. После мая 1923 г. имя Дунин-Барковского в документах, связанных с историей обновленческого движения в Туркестанской епархии, больше не фигурирует⁵⁹.

То есть, учитывая, что в 1919–1922 годы, когда Валериан Николаевич избран в епархиальный совет, обновленческий конфликт еще не вызрел⁶⁰, фактически единственное документальное свидетельство реального участия Дунин-Барковского в обновленческом церковном движении – что он в мае 1923 года выбран депутатом на обновленческий Собор, на который в результате не поехал.

Вернемся к его аресту 1919 года. Он был приговорен к шести месяцам заключения в «концлагере для буржуазии»; однако меньше чем через месяц после вынесения приговора, 7 ноября 1919 года, в день годовщины Октябрьской революции, выпущен на свободу⁶¹. Возможно, сыграло роль заступничество кого-то из «красных генералов» – однокашников по Академии.

Валериана Николаевича не угомонила и тюрьма – «Ташкентский Исправительный Рабочий Дом», или, сокращенно, Исправдом. Он участвует в совещаниях по организации культурно-просветительной работы среди заключенных⁶², организует для них курсы кооперации и товароведения⁶³ и даже издает книжку в тюремной типографии⁶⁴. (Вообще, по размаху культурно-просветительской деятельности читатель тюремного журнала мог бы принять ташкентскую тюрьму за санаторий.)

После освобождения Дунин-Барковский два года работает в системе военного образования. Он преподает тактику на Туркестанских артиллерийских курсах (публикует ряд статей на эту тему в журнале «Военная мысль»⁶⁵) и на военном факультете Туркестанского университета. Недолго побыл начальником военно-учебных заведений Туркфронта⁶⁶ и начальником военно-академических курсов Туркфронта, преподавал русскую литературу на военном факультете Туркестанского университета... Наконец, 4 февраля 1922 года Валериан Николаевич уволен из Красной Армии, – на этом его военная карьера окончательно завершилась⁶⁷.

В 1922–1927 годах он продолжает работать в сфере высшего образования в Ташкенте: в Узбекском институте просвещения, Ташкентском промышленно-экономическом техникуме, на Государственных курсах коммерческого образования, в Средне-Азиатском государственном университете (САГУ), в Железнодорожной школе им. Шумилова. В 1926 году он становится ректором Государственного Высшего Кооперативно-Коммерческого института Казахской ССР в Ташкенте, а 5 октября в том же институте избран профессором товароведения и кендыреведения⁶⁸. Дело в том, что в эти годы основной идеей, завладевшей Дунин-Барковским, было промышленное освоение дикорастущего кендыря. Это родственное конопле растение встречается в Средней Азии и Сибири. Валериан Николаевич уверен в его важном народно-хозяйственном значении, изучает кендырь и отстаивает необходимость его промышленного применения. Он пишет на эту тему несколько книг и множество статей⁶⁹, регистрирует изобретения по выделению волокон из

стеблей кендыря и кенафа, выступает в разных комиссиях и организациях с докладами.

Весной-летом 1927 года начинается травля Дунин-Барковского – сначала в прессе, затем в САГУ⁷⁰. В апреле 1927 года ликвидирован Государственный Высший Кооперативно-Коммерческий институт Казахской ССР в Ташкенте, – соответственно, и Валериан Николаевич лишился должностей его ректора и профессора⁷¹. Из университета выгоняют его дочь Зою, учившуюся на Сельхозфаке САГУ, – как «общественно пропитанную мещанскими интересами»; ей удалось восстановиться обратно, но с огромным трудом.

Валериан Николаевич не мог не знать, чем заканчивалась такая травля: увольнением и затем арестом. Возможно, чтобы избежать этого, он устраивается на должность профессора и заведующего кафедрой товароведения на факультете права и местного хозяйства в Иркутском государственном университете и в июне 1928 года переезжает в Иркутск⁷².

Примерно в это время происходит разделение всей семьи. Повзрослевшие дети начинают самостоятельную жизнь. Расстаются и супруги: выпустив в большую жизнь детей, Феодосия Ивановна оставила мужа и вернулась в европейскую Россию. Дни свои она окончила в Ярославле или его окрестностях скромной старушкой, помогающей при церкви, около 1936 года...

В Сибири Валериан Николаевич загорается новой идеей (кендырь все так же занимает его мысли, но на некоторое время отходит на второй план) – промышленным тепличным овощеводством с обогревом бросовым теплом заводских стоков. Он публикует на эту тему ряд книг и массу статей⁷³, выступает на конференциях, получает авторские свидетельства на сам способ и на устройство для такого обогрева. И – несколько неожиданно – пишет книгу об охотничьих ружьях⁷⁴.

В Иркутском университете он проработал три года. 1 сентября 1931 года Дунин-Барковский уволен из университета. Но уже через четыре дня, 5 сентября, Валериан Николаевич устраивается в Уралплан на должность экономиста-консультанта по огородничеству и садоводству. В последующие месяцы он ездит по Уралу, консультируя по организации огородов и теплиц⁷⁵.

На этой должности Валериан Николаевич также пробыл недолго. В апреле 1932 года он перебирается в Москву. На несколько месяцев устраивается профессором товароведения в Высший педагогический институт прикладной экономики и товароведения (ВПИПЭТ), параллельно продолжая деятельность, связанную с овощеводством. 1 сентября 1933 года он зачислен профессором и завкафедрой Московского товароведно-экономического института⁷⁶. Он занимается и какими-то «научно-исследовательскими оборонными работами», за которые получает несколько грамот ОСОАВИАХИМа (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству)⁷⁷. Постепенно в Москву перебираются почти все его дети, кроме Льва Валериановича, оставшегося в Ташкенте.

В апреле 1935 года Дунин-Барковский освобожден от должностей профессора и заведующего кафедрой⁷⁸. Достоверной информации о его жизни в период с 1935-го по 1941 годы нет. В этот период Валериан Николаевич в полной мере возвращается к идеям о кендыре, выступает на эту тему во всяческих комитетах и

комиссиях, пишет статьи⁷⁹. В июне 1941 года выходит последняя его книга о кендыре – «Дикорастущий кендырь, его использование и охрана». Предисловие к ней написано в духе риторики того времени:

...Враги народа – подлые троцкистско-бухаринские агенты иностранного капитала – принимали все меры к тому, чтобы сорвать разрешение кендырной проблемы, направить работу в этой области по заведомо ложному пути, сорвать вопрос об использовании дикорастущего кендыря, разбазарить народные средства <...> Наша задача – быстрее изжить последствия вредительства в этой области...⁸⁰

Однако вскоре разрешение «кендырной проблемы» снова отошло на второй план – началась Великая Отечественная война.

В сентябре 1941 года Дунин-Барковский, находившийся тогда в Чувашии, передает в фонд обороны свои царские награды, о чем сообщалось в местной газете «Социализмла Ёс»:

Движимый великим чувством патриотизма, профессор В. Дунин-Барковский, проживающий в городе Шумерле, в своем заявлении в Шумерлинское отделение Госбанка пишет: «Прошу принять в фонд обороны две серебряные медали, ученый академический знак и три золотых ордена, полученных мною в империалистическую войну за боевые заслуги...»⁸¹.

Валериан Николаевич снова попадает в Ташкент с эвакуацией. Он поселяется на улице Пушкинской, в доме 49, с Анелей Бернардовной Вендровской, сестрой давнего своего друга Леона Бернардовича Гинтылло – преподавателя математики в его Коммерческом училище. Анеля Бернардовна становится его женой. Несмотря на преклонный возраст, Валериан Николаевич не сидит сложа руки. «...На днях поступил на службу госсанинспектором того р-на, где живу», – пишет он 28 апреля 1942 года Зое Степановне Куликовой, жене его сына Святослава. И ей же в письме от 2 июля 1943 года:

...Работаю, по мере сил, в госсанинспекции (по существу, еще новая специальность) и в госпиталях (обучаю раненых отеч[ественной] войны)⁸².

В сентябре 1943 года на пустынной ташкентской улице Валериана Николаевича сбил автомобиль. По воспоминаниям, в этот момент он шел устраивать внука в суворовское училище. Через некоторое время он умирает, не сумев оправиться от травм.

Дунин-Барковский был похоронен на Боткинском кладбище Ташкента. Могила не сохранилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прямых документов (метрики, записи о крещении после рождения), подтверждающих эту дату и место рождения, нет, но они указаны во всех вторичных документах типа послужных списков. Например, Послужной список Командующего 38-м Туркестанским

Стрелковым Полком Подполковника Валериана Дунин-Барковского, 1916 г. (Российский Государственный военно-исторический архив /РГВИА/. Ф. 409. П/с № 60–045).

Здесь и далее датировки указываются по тому «сти-

лю», который был актуален на указанную дату, т.е. до 1 февраля 1918 г. – по Юлианскому календарю («по старому стилю»), после – по европейскому Григорианскому («по новому стилю»).

² Обнаружилась пара очень важных документов, говорящих о том, что родился он раньше 1871 года. Это свидетельство об оспопрививании Валериана сына Николая Дунин-Барковского (Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 423. Оп. 1. Д. 412). Этот документ подписан датой 30 марта 1872, в которой год явно исправлен и изначальная цифра 1870. Если это не ошибка (что маловероятно), а именно подделка даты, то Валериан должен был родиться примерно на два года раньше. Второй документ, еще более важный: метрическая запись о переходе Валериана Николаевича Дунин-Барковского в православие (Государственный архив Республики Крым. Ф. 300. Оп. 1. Д. 6. Л. 240 об.-241). В записи, датированной 3 декабря 1877 года, утверждается, что Валериан при этом был «9-ти лет от рождения», из чего следует, что он должен был родиться в 1868 г. Неясно и с местом рождения. Церковные книги одесского костела за период 1868–1869 и 1871–1872 гг. записи о крещении Валериана не содержат (ответы ОГУ «Государственный архив Саратовской области» от 19 августа 2015 г. на запрос № 2024/2 и от 10 августа 2012 г. на запрос № Д-48; личный архив автора).

³ См.: Правительствующего сената Департамента герольдии Дело о дворянстве Дунин-Барковских. (Российский государственный исторический архив / РГИА/. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 3739).

⁴ См.: Новороссийский Телеграф. № 267 от 3 декабря 1871 г. Объявление: «Техник, французской технической школы и бывший на французской государственной службе Путей Сообщения, Н. ДУНИН-БАРКОВСКИЙ, принимает на себя составление планов на постройки и сметы на таковые, так же составление планов для залога домов в Одесском Кредитном Обществе, равно и всякого рода инженерные, геодезические и землемерные работы, которые исполняют им безотлагательно по самым умеренным ценам».

⁵ См.: Дело Строительн. Стола Одесской городской управы № 70. Об исследовании в городе и предместьях мин и заделке их. (Государственный архив Одесской области. Ф. 18. Оп. 50. Д. 174. Л. 126 об.-127).

⁶ См.: Одесское городское хозяйство. Сборник статей по разным отраслям городского хозяйства О.О. Чижевича. Одесса, 1895.

⁷ Метрическая запись о переходе Валериана Николаевича Дунин-Барковского в православие. Запись от 3 декабря 1877 г. (Государственный архив Республики Крым. Ф. 300. Оп. 1. Д. 6. Л. 240 об.-241).

⁸ Новейший учебник и самоучитель танцев, составленный бывшей придворной учительницей В. Дунин-Барковской. – Тифлис, 1890.

⁹ Здесь и далее детали военной службы приводятся по «Послужному списку Командующего 38 Туркестанским Стрелковым Полком Подполковника Валериана Дунин-Барковского, 1916 г.» (РГВИА. Ф. 409. П/с № 60–045). Если источник другой, он указан отдельно.

¹⁰ В рассматриваемый период Валериан Николаевич являлся также губернским агентом тифлиского «Общества Русских Драматических Писателей и оперных композиторов».

¹¹ Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ) Ф. 1. № 9238, из дневника за 28 мая 1896 г.

¹² ОР ГМТ. Ф. 1. № 148/103–1, ОР ГМТ Ф. 1. № 148/103–2, ОР ГМТ Ф. 1. № 148/103–3, ОР ГМТ Ф. 1. № 148/103–4, ОР ГМТ Ф. 1. № 148/103–5.

¹³ Толстой Л.Н. ПСС в 100 тт. Т. 68. – М.: ИМЛИ, 2006. С. 110.

¹⁴ Например, «Разведчик» № 253–254 за 1896 г.; № 291 за 1896 г.

¹⁵ Письмо Дунин-Барковского Л.Н. Толстому от 26 марта 1896 г. (ОР ГМТ. Ф. 1. № 148/103–2).

¹⁶ См.: Воспоминания Р.Л. Дунин-Барковского, внука В.Н. Дунин-Барковского. Личный архив автора.

¹⁷ См.: Дело Ташкентского нотариуса С.Е. Гнедовского о продаже части участка земли наследниками Дмитрия Яковлевича Дженжерова вдове Действительного Статского Советника Валерии Сильвестровне Дунин-Барковской за 765 руб. Совершено 25 Октября 1903 г. (Национальный архив Республики Узбекистан /НАРУ/. Ф. И-271. Оп. 1. Д. 1901).

¹⁸ НАРУ. Ф. И-271. Оп. 1. Д. 3354. Л. 2–2об.

¹⁹ Дунин-Барковский В.Н. Руководство к изучению Русской грамматики и правописания на литературных образцах и диктанте-перифразе. Ч. 1. Ташкент, 1901; Он же. Руководство к изучению русской грамматики и правописания на литературных образцах и диктанте-перифраз с методическими примечаниями в тексте и приложением. Ч. 1. – М., 1902.

²⁰ Дунин-Барковский В.Н. Обзор деятельности Ташкентской приготовительной школы 2 Оренбургского кадетского корпуса за 1900–1901, 1901–1902, 1902–1903 и 1903–1904 уч. гг. – Ташкент: 1902–1905.

²¹ Дунин-Барковский В.Н. Преподавание иностранных языков в Западной Европе. (Личные наблюдения) // Педагогический сборник. 1902, декабрь.

²² Запись в метрической книге Александро-Невской церкви г. Ялты за 27 июля 1903 г. (Государственный архив Республики Крым. Ф. 142. Оп. 1. Д. 574. Л. 28).

²³ Цит. по: Дунин-Барковский В.Н. Обзор деятельности Ташкентской приготовительной школы 2 Оренбургского кадетского корпуса за 1903–1904 учебные годы. – Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1905. С. 75–78.

²⁴ См.: Высочайшие приказы о чинах военных от 1 августа 1904 г.; Послужной список Командующего 38 Туркестанским Стрелковым Полком Подполковника Валериана Дунин-Барковского, 1916 г. (РГВИА. Ф. 409. П/с № 60–045. Л. 4 об.).

²⁵ См.: Приказ по Ташкентскому Наследника Цесаревича Кадетскому корпусу № 164 от 12 июня 1905 г. (РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1540. Л. 23).

²⁶ Письмо Директора Ташкентского Кадетского корпуса полковника Волюнцева-Сидорова № 22 от 24

мая 1907 г. управляющему канцелярией Туркестанского генерал-губернатора В.А. Мустафину (РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1540. Л. 24–24 об.).

²⁷ См., например: Средне-Азиатская жизнь, № 11 от 13 ноября 1905 г.; № 13 от 17 января 1906 г.; № 14 от 18 января 1906 г.; № 85 от 19 апреля 1906 г.; Туркестанские ведомости, № 162 от 4 ноября 1905 г.; Ташкентский курьер. № 163 от 22 июля 1908 г.

²⁸ См.: Средне-Азиатская жизнь. 16 апреля 1906 г. № 83.

²⁹ См.: Новый Самарканд, № 7 от 5 сентября 1906 г.; Средне-Азиатская жизнь, № 198 от 12 сентября 1906 г. С. 2.

³⁰ См.: Средне-Азиатская жизнь, № 14 от 17 ноября 1905 г. С. 2: «Выборы комитета народно-прогрессивной партии состоялись 14 ноября. Выбранными оказались: С.М. Граменицкий (156 г.), М.П. Карцев (134 г.), И.М. Ринкевич (128 г.), Н.П. Остроумов (127 г.), Б.Я. Корольков (116 г.), К.Н. Богородицкий (112 г.), Дунин-Барковский (101 г.), И.И. Крюков (101 г.), А.И. Беляев (99 г.), О.П. Михайловская-Золотова (98 г.), Е.Л. Хомутова (116 г.), Филипов (91 г.).»

³¹ См.: Средне-Азиатская жизнь. 20 ноября 1905 г. № 16.

³² См.: Средне-Азиатская жизнь. № 30 от 9 декабря 1905 г.

³³ См.: Наша газета. 8 июня 1917 г. № 62; Трудовой список В.Н. Дунин-Барковского. Запись 15. (Из архива Елены Юрьевны и Петра Игоревича Дунин-Барковских).

³⁴ См.: Трудовой список... Запись 18.

³⁵ См.: Об увольнении от службы Капитана Дунин-Барковского (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 15560).

³⁶ См.: Дунин-Барковский В.Н. Обзор деятельности Ташкентского восьмиклассного Коммерческого училища за 1907–1908 учебный год. – Ташкент: Туркестанское товарищество печатного дела, 1908. С. 3–4.

³⁷ Рапорт командира 38 Туркестанского стрелкового полка подполковника Дунин-Барковского Министру Торговли и Промышленности. Апрель 1917 г., Петроград (РГИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1029. Л. 97–97 об.).

³⁸ Дунин-Барковский В.Н. Коммерческое образование и его роль в торгово-промышленной жизни края // Туркестанские Ведомости. № 123 (3165). 10 июня 1908 г.; Он же. Материальная культура и ее проводники. (Роль коммерческих учебных заведений) // Туркестанские Ведомости, № 161 (3482) от 31 июля 1909 г.; Он же. Предметное преподавание иностранных языков // Русская школа. Т. 2. Май–июнь, СПб., 1911.

³⁹ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1540. Л. 63.

⁴⁰ Там же. Л. 62.

⁴¹ См.: Труды съезда хлопководов в г. Ташкенте, с 25 ноября по 1-е декабря 1912 года. Т. I Протоколы. Ташкент, 1913.

⁴² РГИА. Ф. 25. Оп. 1, Д. 1540. Л. 113–114.

⁴³ РГИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1029. Л. 98 об.

⁴⁴ Послужной список Командующего 38 Туркестанским Стрелковым Полком Подполковника Валериана

Дунин-Барковского, 1916 г. (РГВИА. Ф. 409. П/с № 60–045).

⁴⁵ Выписка из приказа по 2-му Кавказскому Кавалерийскому корпусу от 18 Августа 1916 года за № 144 § 1. РГВИА. Ф. 409. П/с № 60–045. Л. 9.

⁴⁶ См.: Послужной список Командующего 38 Туркестанским Стрелковым Полком Подполковника Валериана Дунин-Барковского, 1916 г. (РГВИА. Ф. 409. П/с № 60–045). А также Высочайшие приказы о чинах военных за соответствующие даты.

⁴⁷ Там же. Запись 42.

⁴⁸ Там же. Запись 44.

⁴⁹ Там же. Записи 46 и 47.

⁵⁰ Там же. Запись 49.

⁵¹ Там же. Записи 51–57.

⁵² См.: Приказ РВС Туркестанской Республики № 350 от 23 апреля 1919 года (РГВА. Ф. 25859, Оп. 1, Д. 7. Л. 43).

⁵³ Гражданская война в СССР. – М., 1986. Т. 2. С. 124.

⁵⁴ См.: Трудовой список... Запись 59.

⁵⁵ НАРУ. Ф. Р-344. Оп. 1. Д. 14. Л. 101–101 об. Копия любезно предоставлена историком Ольгой Медведевой.

⁵⁶ См.: Дунин-Барковский В.Н. Обзор деятельности Алексеевского Коммерческого училища в г. Ташкенте за 1911–1912 учебный год. – Ташкент: Электротпечатня газеты «Туркестан», 1913. С. 41.

⁵⁷ НАРУ. Ф. И-56. Оп. 1. Д. 28. Л. 1. Копия любезно предоставлена историком Ольгой Медведевой.

⁵⁸ Лисичкин В.А. Крестный путь Святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. – М.: Троицкое слово, 2001. С. 27.

⁵⁹ Письмо Р.В. Дорофеева от 10 июня 2018 г. (Личный архив автора.)

⁶⁰ См.: Дорофеев Р. Начало обновленческого движения в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы // ВС. 2016. № 3 (XLI). С. 48–58.

⁶¹ См.: Трудовой список... Запись 61.

⁶² См.: «Голос Заключенного». Журнал заключенных Ташкентского исправительного дома. 1919. № 3. С. 8.

⁶³ «Назначен зав. курсами и преподавателем товарообмена и кооперации при Ташисправдоме» (Трудовой список... Запись 63).

⁶⁴ Дунин-Барковский В.Н. Продукты потребления. Популярное товароведение. – Ташкент: Издание Ташисправдома, 1919.

⁶⁵ Дунин-Барковский В.Н. Мысли вслух о подготовке командного состава // Военная мысль. 1920, сентябрь. Кн. 1; Он же. Трудовая армия: научная постановка труда // Военная мысль. 1921, январь. Кн. 1; Он же. Роль военной педагогики в деле подготовки армии и ее командного состава // Военная мысль. 1921, май–июль. Кн. 2.

⁶⁶ См.: Трудовой список... Записи 65–67.

⁶⁷ Там же. Записи 68–74.

⁶⁸ Там же. Записи 75–87.

⁶⁹ Дунин-Барковский В.Н. Кендырь и его обработка. – Ташкент: Средазкнига, 1924; Он же. Кендырь – наше

богатство. – Ташкент, 1926; Он же. Кендырь и его обработка. – Ташкент: 1927; Он же. Les richesses naturelles de L'U.R.S.S. Le Kendir, par V. Douanine-Barkovsky // La vie économique des Soviets. 5 décembre 1926. № 39; Он же. Еще о кендыре // Известия ЦИК. 1926. № 148; Он же. Спасайте кендырь // Правда Востока. 17 марта 1926 г.; Он же. Кендырь ждет // Правда Востока. 6 декабря 1926 г., и др.

⁷⁰ НАРУ. Ф. Р-368. Оп. 12. Д. 67. Л. 40. Согласно семейной легенде, разгромный фельетон на Валериана Николаевича написал будущий творец советского гимна Эль-Регистан (Г.А. Урекция). Последний, действительно, выступал в то время с очень резкими фельетонами в ряде газет, как минимум в «Правде Востока». Фельетоны о Дунин-Барковском найти пока не удалось.

⁷¹ См.: Трудовой список... Запись 93.

⁷² См.: Трудовой список... Записи 98–99; Списочный состав научных работников Университета 1929–1930 гг. Архив Иркутского государственного университета.

⁷³ В.Н. Дунин-Барковский. Новый для Сибири тип земледелия (фабрично-промышленное земледелие под стеклом). – Иркутск: Изд. Вост.-Сиб. отд. Госуд. русск. геогр. об-ва, 1929; Он же. Новые пути разрешения проблемы плодоягодной и овощной культуры в Сибири. – Иркутск: ОГИЗ, 1931; Дунин-Барковский. Фабрика производства свежих овощей круглый год. – Иркутск: ОГИЗ, 1931; Он же. Промышленное земледелие и фруктово-овощные фабрики // Власть труда. 19

января 1929 г. № 25; Он же. Сибирская Ривьера или Байкальский Батум // Власть труда. 14 июля 1929 г. № 160; Овощи должны расти круглый год // Восточносибирская правда. 9 сентября 1930 г. № 13, и др.

⁷⁴ Дунин-Барковский В.Н. Охотничье ружье и его припасы. – Иркутск: Сибрайиздат, 1929.

⁷⁵ См.: Трудовой список... Записи 106–111.

⁷⁶ Там же. Записи 112–118.

⁷⁷ Трудовой список... Запись 120, 121. Копия грамоты от 1 августа 1934 г.: «ПРОФЕССОРА ДУНИН-БАРКОВСКОГО за активную научно-оборонную работу по линии В.Н.К. МОАХ ко дню авиации. Президиум Военно-Научного Комитета Московского Областного Осоавиахима награждает Вас почетной грамотой и ценным подарком». Личный архив Н.А. Кулаковой.

⁷⁸ См.: Трудовой список... Записи 127–128.

⁷⁹ Дунин-Барковский В.Н. Многообещающая культура. Будущее советского кендыря // Социалистическое земледелие. 17 апреля 1936 г.; Он же. Перспективы возделывания кендыря // Социалистическое земледелие. 16 октября 1936 г., и др.

⁸⁰ Дунин-Барковский. Дикорастущий кендырь, его использование и охрана. – М.: Всероссийское общество охраны природы, 1941.

⁸¹ Социализм. 10 сентября 1941 г. № 82 (745).

⁸² Личный архив М.Ю. Дунин-Барковской.

Гомилия святителя Иоанна Златоуста на Собор бесплотных сил

Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума

Гомилия на Собор бесплотных сил была впервые опубликована в издании F. Halkin 1963 года*. Она была найдена в рукописях Национального музея Охрида и описана известным палеографом Владимиром Мосиным в кодексе под номером 71 (Oxrida 50), датирована XIII веком**. Рукопись на протяжении веков хранилась в церкви Святого Климента в Охриде и является одним из самых замечательных ее сокровищ. Она относится к дню празднования Собора архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных (8/21 ноября). Рукопись лишена начала; она начинается с проповеди на Собор Ангельских сил, затем описывается чудо святого Архангела Михаила, наконец, история св. Товии.

В полном виде этот текст содержится в ватиканском кодексе Барберини (Vat. Barberiniana 583), но в нем он разделен на три части, представленные как три отдельные проповеди***. Каждый из этих разделов встречается либо изолированно, либо вместе с одним из двух других в некоторых рукописях.

Из трех разделов только второй был опубликован – сначала Савилем среди сочинений св. Иоанна Златоуста, затем Монфоконом и Минем в числе спорных рукописей великого проповедника, перевод которой на русский язык был осуществлен еще в дореволюционном издании его трудов****. По мнению издателя, автором сочинения не был сам свт. Иоанн Златоуст.

Проповедь наполнена цитатами и библейскими аллюзиями. Почти все книги Ветхого и Нового Заветов призваны свидетельствовать о благотворном вмешательстве ангелов в дело спасения человека. Гомилия об ангелах, по-видимому, не представляется отдельной темой для ее автора, а является логическим продолжением главного предмета его рассмотрения – Таинства Рождества Спасителя.

* Joannes Chrysostomus In synaxim incorporalium [Sp.] Ὁμιλία εἰς τὴν σύναξιν τῶν ἀσωμάτων. F. Halkin. Inédits byzantins d'Ochrida, Candie et Moscou. – Brussels: Société des Bollandistes, 1963. P. 133–146. (Subsidia hagiographica, 38).

** См. Anal. Boll., t. 80 (1962), P. 17–19.

*** BHG³ (Bibliotheca Hagiographica Graeca) 129 d, 126 и 129 g. (Anal. Boll., t. 19 (1900), P. 107–114).

**** Вторая часть проповеди CPG 4613 In synaxim archangelirum (BHG a 126) PG 59. 755–756 Sav. 5, 997–998 = (На собор архангелов) Златоуст. Sp. T. 8. Ч. 2. P. 971–973.

1. Не напрасно мы празднуем ангелам, славу им и награду полагаем как нашим благодетелям; ибо они не прекращают своими песнопениями и неизреченными гласами непрестанно умилоствлять на небесах Владыку о наших грехах. А что это именно так, и не пустое слово, лишнее свидетельств, то об этом учит нас божественное Евангелие. Ибо они, увидев на земле – небо, в пеленках – Неопи-санного, не утаили [это] Таинство от людей, но тотчас сообщили пастухам, став сообщниками благодеяния [Рожденного], и Единому Слову [Воплощенному] (*ἐνὶ λόγῳ*)¹ воспели славу в небесах и мир на земле: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение*².

Человеколюбивый воин Человеколюбивого Бога, как бестелесный, не прези-рает тех, кто соплелся плоти, нервам и костям, не претерпевает страдания, кото-рое мы друг от друга претерпеваем. [У людей же] здоровые гнушаются болящих, невредимые – увечных, трезвые – пьяниц, целомудренные – похотливых, воздер-жаные – невоздержанных, тогда как надлежало бы им сострадать и сопережива-нием врачевать их немощи. А страдающие [нам ангелы] не приобщаются чужой болезни, но делятся с ними своею крепостью.

2. Ум же ангельский не на [земную] храмину [Воплощенного Слова] взирает, но, приветствуя сродное ему крыло души³, радуется, созерцая в Нем[Слове] бла-годать⁴, и среди человек ликующую.

Где-то и один из ангелов, пораженный рождением [от] Девы сказал: «*Едино-родный Сын, сущий в недре Отчем*⁵, источающий нам Духа Святого (*ὁ πηγάζων ἡμῖν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον*), Создатель ангельского лика, растворивший небесные своды и заповедавший солнцу совершать дневной бег, а луне – шествовать в ночи, утвер-дивший землю без основания и обуздавший море, ныне лежит спеленатый в яс-лях. Родившись из девственного чрева, Он имеет попечение о чем-то великом, а попечение Божие – спасительно⁶.

Отчасти я знаю⁷ предмет [этого] попечения; ибо [Твоим Воплощением] диа-вольскому искусству противопоставляется искусство [Самого моего Владыки], Он [Тем] желает возвратить изгнанного [Адама], разрешить его узы, обновить раст-ленного. Я сорадуюсь человеческому благоденствию; нахожу Его [как нового Ада-ма] опять собеседником в рае с Богом. И это [Таинство] было ради угрызающего [всех] диавола; всегда похваляющегося и весьма надменного, ныне же смиренного и мрачного, и не гремящего велеречием⁸. Он не понимает [теперь] совершаемого; совесть поражает его и воспоминание древнего оболъщения, которое он замыслил прародителям, введя вместо жизни смерть и изменив богопочитание на идолопо-клонство».

3. Вот на это наше благоденствие ангельский Собор [ныне] взирает. Справед-ливо, что и мы оказываем уважение любящим и молящимся за нас ко Владыке. Или ты не слышал, как прибежал ко Архангелу Михаилу пророк Даниил, когда пре-рекался с князем Персидским об освобождении Израильтян⁹? Один – настаивал на их рабстве среди Персов, другой – прилагал усилия освободить их из плена. И Михаил победил противника. И иудеи, перейдя Евфрат, вернулись к очагам своим

и возобновили сожженный храм Соломона, и строительство его продолжалось сорок шесть лет. И, то защищаясь от соседей, то отражая притеснителей, достигли желанной своей цели, и Неемия завершил строительство. Потому-то возбуждаемые против Господа [иудеи] говорили: *сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его?*¹⁰

То относилось к Ветхому Завету, к Новому же – больше. Ибо во всяком времени домостроительства¹¹ [Христа Ему] служили ангелы¹². О Зачатом и Родившемся Христе – возвестили ангелы; Крещающемуся и Чудотворящему – служили ангелы, о Погребенном и Восставшем – свидетельствовали ангелы; они восприяли [вознесшегося] на небеса Спасителя и паки будут сопровождать [снисходящего] с небес Судью.

Итак, если мы спешим, подобно ангелам, совместно жить и мысленными умозрениями [с ними] наслаждаться, то с бóльшим страхом и трепетом да служим Царю ангелов. Не будем же обольщать самих себя, истощив свою жизнь гуляниями, попойками, болтовней и плясками и, подобно ищущим двери¹³ покаяния в ночи, не находящим ее; но лучше будем искать ее [теперь], когда зовет нас Сам Владыко, говоря: *Я дверь овцам*¹⁴.

4. Потому и надлежит прославлять ангелов¹⁵, которые, воспевая Творца, доставляют милости Его и благорасположение к людям; ангелов, которых назову нашими соратниками, ведущими войну против враждебных нам сил.

Из числа ангелов был архангел Михаил, который состязался с диаволом из-за тела Моисея¹⁶ и защитил от вождя персов свободу народа [Израильского]¹⁷.

Из числа ангелов был тот, кто обратил назад ослицу и удержал Валаама от неуместного прорицания, а когда прорицатель не уразумел происходившего, то голос бессловесного [животного] образумил одаренного речью¹⁸.

Из числа ангелов был тот, кто обнажил меч и побудил Иисуса Навина сразиться с неприятелями¹⁹.

Из числа ангелов был тот, кто в одну ночь поразил сто восемьдесят пять тысяч ассириян и усыпил варваров беспробудным сном смерти²⁰.

Из числа ангелов был тот, кто перенес по воздуху пророка Аввакума, дабы снабдить пищей пророка Даниила среди голодных львов²¹.

Эти и подобные им [ангелы] побеждают врагов, они же побеждают и [наши] страсти. Таков был дивный и божественный Рафаил, внутренностями рыбы освободивший девицу из-под власти демона²² и искусно вернувший [слепому] старцу [способность] видеть солнце²³.

Недостойно умолчать и о тех ангелах, чье служение описано в Новом Завете. Из них более всего [прославлен] архангел Гавриил. Он открыл предсказание Захарии и наказал его за недоверчивость немотою, ибо тот не поверил, что бесплодная [жена его] зачнет ради будущего домостроительства. Он возвестил Честной Марии безвестное рождение; он указал пастухам путь к пещере и показал им Превышающего всякое место – в яслях и Превосходящего всякое описание – в пеленах. Он же и воссылал с ними благозвучную песнь прославления: *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение*²⁴.

Иной [ангел] увещал обручника Девы (Иосифа) не отпускать, будто растленную, Ту, что была непорочна²⁵. Иной внушил ему бежать от избиения Иродом младенцев и [после] возвратиться. Иной удержал волхвов от возвращения к тирану [Ироду].

Служившие Создателю на земле при ее творении, они видят Несозданного во плоти, и однако же служат Ему, как рабы. Они дивятся силе Его, сокрушившей искусителя²⁶. Они возносят Его на руках, дабы, по пророчеству Давида, не преткнуться [Ему] о камни²⁷, ибо иудеи *взяли камень, чтобы бросить на Него*²⁸. Иные стекались к [месту Крестной] муки [Христовой]; иные, сидя в пустом гробе после Воскресения, говорили верным женам[-мироносицам]: *Что вы ищете живого между мертвыми?*²⁹

После же Вознесения они как телохранители сопровождали учеников, освобождали Петра от оков, облегчали для Павла опасности на суше и на море, содействовали вере Корнилия и поражали хвастливого Ирода, губителя праведных.

5. Не величайшей ли поэтому чести достойны те, кто охраняют и нашу жизнь? Ведь ангелы поставлены блюсти не только народы: *когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых*³⁰; каждому из людей также назначен ангел. Не моя это речь, но Святого Писания: когда служанка Рода возвестила Апостолам, что Петр, который ушел из темницы Ирода, стоит у дверей, те, не веря, говорили: *это Ангел его*³¹.

И Спаситель также свидетельствует об этом, говоря о детях: *смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного*³². И каждой церкви назначил Христос ангелохранителей, ибо, открывая Иоанну [о последних днях], говорит: *Ангелу Смирнской церкви напиши: знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат)*³³.

Что говоришь Ты, Владыко? Я, бедный, богат? Зачем унижаешь меня, именуя богатым? Если я богат, то не беден, а если беден, то как же я богат? Большая разница между богатством и бедностью, как и Сам Ты свидетельствуешь, определив великую пропасть между богатым и бедным. Обманчивы лица (*τὰ πρόσωπα*): богач отворачивается от бедняка, и бедняк смотрит украдкой на богача³⁴. Дела противоположны, жизнь неодинакова. Один стонет от страданий, другой хохочет от удовольствий. Один выпрашивает хлеб, другой мучается от объедения. Один не имеет и глотка вина; другой, опившись, извергает его из себя. Один одет в лохмотья, другой наряжается в пестрые одежды. Один валяется на голой земле без сна, а другой, покоясь на ложе, храпит, даже во сне видя удовольствия. Один просит монетку, а другой заваливает себя золотом: ведь тот, кто копит и не раздает, похож на бедняка, ожидающего богатой могилы. И одни и те же времена по-разному они переносят. Бедняку, лишенному тепла, тяжка зима, а для богача, не переносящего жары от пресыщения, вредно лето.

Итак, каким образом бедняк в то же время и богач? Истинно, однако, слово это, ибо Истина есть Изрекший его. Бедняки бедны имуществом, но богаты сокровищами веры. Лучше быть бедным в житейском, но богатым в духовном, ибо конец

первых есть тление, а вторых – польза неотъемлемая. Поэтому говорит Сын: *не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают*³⁵, и подобное [этому].

Итак, станем же собирать сокровища небесные, питать бедных, призывать немощных, защищать беззащитных, прощать не имеющим средств должникам и ожидать награды от Бога, ибо *благоотворящий бедному дает взаймы Господу*³⁶. Наблюдая за этим, ангелы докладывают Судье [обо] всех, а Он повелевает им говорить творящему добро: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом*³⁷.

6. Также и премудрый Даниил³⁸ – юноша по годам, старец по уму, пленник за прегрешения других, победитель своими добродетелями бесчестных старцев и защититель невинности Сусанны³⁹, обуздатель львов⁴⁰ и умертвитель ячменным хлебом вавилонского дракона⁴¹, созерцатель необыкновенных снов и любитель божественных учений. Даниил, названный [Богом] *мужем желаний*⁴², желаний не страстей плоти или души, но боговдохновенной премудрости и смысла; потому и Бог открыл ему будущее, показал управление земное и царства, мидийское, персидское и македонское и римское, и сверх того Господа нашего Иисуса, в образе Камня, от Горы несекомой оторвавшегося⁴³, то есть, плотью родившегося от безбрачной Девы; [а также] воскресение мертвых, перемену живущих, суд через огонь, венец благочестивым и мучение нечестивым.

И сей муж говорит, что ангелы – нечто великое⁴⁴; ибо повелением Бога, сотворившего все созданное, Он заповедал ангелам разделить его между собой и властвовать над властителями народов; так что одному [ангелу поручил] наблюдать за персами, другому – Михаилу Архангелу – защищать народ обрезанных; чтобы властители могли решать спор не в ослеплении гнева, но по некому божественному и несказанному слову, чтобы один [ангел] принуждал иудеев рабствовать персам, а другой [Архангел Михаил,] влек их к свободе.

Можно представить некоего из [ангелов,] властвующего над персами, говорящего: «Отступишь, Михаил! Что разрушаешь ты древнее справедливое [установление] и желаешь извести иудеев из ярма персов? Не новое это их состояние; еще халдеями и мидянами они были в него обращены; рабством наказаны они за нечестие. Ибо они служили чуждым богам и отвергли благодеявшего им Бога, подвергшего египтян многим казням, проведшего иудеев посуху через море, освещавшего им ночь столбом огненным, а днем осенявшего покровом облака, питавшего их небесной пищей, поившего начинавшими бить источниками.

И что из самого непотребного не сотворили они [затем]? Изгоняли пришельцев, вступали в недозволенные браки [с иноплеменными]⁴⁵, извлекали корысти, обирали сирот, вдов и новообращенных, творили [золотых] тельцов и приносили в жертву [идолам] детей своих⁴⁶.

Не они ли перепилили Исаяю? Не Иеремию ли ввергли в ров? Не Захарию ли между святыми алтарями заклали? Не пророка ли Урию поразили копьями? Не Навуфея ли ради выгоды побили камнями? Дерзнув всё это на людей [Божиих], они посягают и на [Самого] Бога.

Оставь же их подчиняться рабству, дабы, предаваясь наслаждениям, не сделались еще худшими. Вместо Бога они служили демонам; вместо демонов будут [теперь] служить варварам, и, покинув [свою] землю, текущую млеко и медом, будут трудиться, обрабатывая чужие земли, собирая чужим плодами и беспрестанными потоками утучняя утробы язычников. Будут видеть сыновей своих не от обрезания изнеженными, ибо сотворят их, как сказано, *евнухами во дворце царя вавилонского*⁴⁷. Пусть видят, как их женщин оскверняют мужи невоздержанные и как властвуют над ними жены свирепые, повелевающие носить воду и собирать хворост, а дочерей их перетруждают за прялками и ткацкими станками. Бежав тогда вопреки всякой справедливости от египтян, они предались беззаконию; пусть теперь, служа персам, научатся целомудрию. Прошедшие Красное море, пусть не перейдут Евфрат, возвращаясь к отеческим своим очагам; ибо, даже уйдя от персов, не оставят владыку более тягостного; ибо хотя они и избегли делания кирпичей⁴⁸, не забыли, однако, своего коварства».

7. На это [отвечал] Михаил: «Не прекратишь ли нападать на немощных? Мнишь, что Израиль продолжит рабствовать? Семьдесят мрачных лет определено ему⁴⁹. Бог их как Отец наказал; поразив согрешающих, разве не обратится Он к возвращающимся [к Нему]? Хотя бы они и были достойны бедствий, но всё же не *забыл Бог*⁵⁰ обетований Аврааму и не отвергает завета с Давидом⁵¹. Он сохраняет остаток рода⁵², питает теплом искру семени, не заграждает духоносные уста [пророку Исаяе].

Явиться должно Ожидаемому; всякая природа поражена, по гласу Исаяи, странным, напряженно ожидаемым Таинством, ждет видеть Деву рождающую: *Се, говорит, Дева во чреве примет и родит Сына*⁵³. Этому Младенцу и персы будут поклоняться, и мысленные силы колена преклонят; ибо как сказал Давид: *и да поклонятся Ему вси ангелы*⁵⁴».

И что более говорить? Архистратиг побеждает, противник обращается в бегство⁵⁵. Иудеи по проществу определенного времени освобождаются от пленения, Зоровавель, будучи потомком Давида, возвращает их [в землю обетованную]; они вновь населяют Палестину, восстанавливают храм и возобновляют жертвы.

Когда же проходит 548 лет, рождает Дева безневестная; рождается Царь непреходящий; Ему волхвы поклоняются персидские, не как чужие [Ему]. Рождество Его ангелы славят: *Слава в вышних Богу и на земли мир в человецех благословение*⁵⁶.

Крещается Христос для нашего искупления – и ангелы, подошед, служат Ему⁵⁷. Расторгнута страсть смерти⁵⁸ – и снова ангелы свидетельствуют о Его воскресении и убеждают [жен-мироносиц] не искать Живого среди мертвых⁵⁹. Возноситься на небеса, – и опять же, ангелы пророчествуют Его второе пришествие: *Се два мужа предстали им в белых одеждах*⁶⁰, и так далее.

Подобно тому и мы, Самого Его ожидающие, возождем светильники душ наших, распространяя духовный елей, с неусыпными сердцами проводя жизнь и немолчными устами прославляя державу Троицы, ибо *держава Божия*⁶¹ и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это место мы переводим таким образом, поскольку здесь, как видно далее, используется славословие Самого Бога Слова в духе богословия свт. Афанасия Александрийского. Обычный перевод: *одним словом*.

² Лк. 2, 14.

³ Платоническое понятие – «крылья души» (ср. Платон, Федр. 246с) – широко применялось церковными писателями. Ср.: «Не хочешь ли стать богом – богом, т.е. светоносно предстать всевышнему Богу и ликовать с Ангелами? Расширь же свои крыла, взвивайся в быстролетном парении, несись в высоту; я очищу тебе крыла, дам тебе такое учение, которое поднимет тебя вверх, вознесу тебя в эфир, как легкокрылую птицу» (Свт. Григорий Богослов. К душе своей // Свт. Григорий Богослов. Творения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Сибирская благовонница, 2007. С. 224.

⁴ Ср.: «Итак, кто бесчестит храм, тот бесчестит Господа во храме; и кто отделяет Слово от тела, тот отмест данную нам в нем благодать» (Свт. Афанасий Великий. Послание к Епископу и исповеднику Адельфию, против ариан, 8 // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Архиеп. Александрийского. В 4 т. Сергиев Посад: Троице-Сергиева Лавра, 1902–1903. (репринт: М., 1994). Т. 3. С. 309.

⁵ Ин. 1, 18.

⁶ Ср.: Авв. 3, 8.

⁷ Ср.: 1 Кор. 13, 12.

⁸ Ср.: 1 Цар. 2, 3; Пс. 11, 4.

⁹ Дан. 10, 13, 21.

¹⁰ Ин. 2, 20.

¹¹ Домостроительство (*οἰκονομία*) – предвечный замысел Божий, в соответствии с которым Бог творит («строит, устраивает») мир, промышляет о нем и ведет его к конечной благой цели, подобно тому, как домохозяин строит дом и заботится о нем. (Прим. ВС).

¹² Ин. 1, 51.

¹³ Быт. 19, 11.

¹⁴ Ин. 10, 9.

¹⁵ Часть вторая. Отсюда начинается слово Златоуста на собор Архангелов: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 8. В 2-х книгах. Кн. 2. – СПб.: Изд-во С.-Петербургской Духовной Академии, 1902. С. 971–973.

¹⁶ Евр. 9.

¹⁷ Дан. 10, 13.

¹⁸ Числ. 22, 27.

¹⁹ Ис. 5, 13–15.

²⁰ 4 Цар. 19, 35.

²¹ Имеется в виду рассказ в неканонической части Книги пророка Даниила (Дан. 14. 33–39) о пророке Аввакуме, который принес еду пророку Даниилу, брошенному в ров со львами.

²² Тов. 8, 2–3.

²³ Тов. 11, 1–13.

²⁴ Лк. 2, 14.

²⁵ Мф. 1, 20.

²⁶ Мф. 4, 11.

²⁷ Пс. 90, 12.

²⁸ Ин. 8, 59.

²⁹ Лук. 24, 5.

³⁰ Второз. 32, 8.

³¹ Деян. 12, 15.

³² Мф. 18, 10.

³³ Апок. 2, 8–9.

³⁴ Ср.: «...Сейчас [мы видим] маски (*τὰ προσωπεῖα*), а потом [увидим истинные] лица (*τὰ πρόσωπα*)». Свт. Григорий Богослов. «О себе самом и о епископах» // Свт. Григорий Богослов. Творения в 2-х томах... Т. 2. С. 245. «Итак две маски (*προσωπεῖα*): одну маску имел богатый, а другую бедный; Лазарь – маску бедного, богач – маску богатого; маски – видимость, а не истина». (Свт. Иоанн Златоуст. О землетрясении, и о богатом и Лазаре, и о том, откуда произошло рабство // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста... Т. 1. Ч. 2. С. 857).

³⁵ Мф. 6, 19.

³⁶ Прит. 19, 17.

³⁷ Деян. 10, 4. «Ему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь». Здесь конец слова Златоуста.

³⁸ Часть третья.

³⁹ Дан. 13, 45–46.

⁴⁰ Ср. Евр. 11, 33.

⁴¹ Дан. 14. Даниил убил дракона, бросив ему в пасть тесто, состоящее из смолы, жира и волос.

⁴² Дан. 9, 23.

⁴³ Дан. 2, 34.

⁴⁴ В Хронографии Михаила Глики упоминается это место как сочинение Иоанна Златоуста. «Об этом единении (с ангелами) упоминает и златословесный Иоанн, утверждая, что и пророк Даниил говорит, что ангелы – нечто великое». Bekker I. Michaelis Glycae annales [Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn: Weber, 1836. P. 151.

⁴⁵ Езд. 10, 10.

⁴⁶ Пс. 105, 36–38.

⁴⁷ Ис. 39, 7.

⁴⁸ Исх. 5, 7–8.

⁴⁹ Дан. 9, 24.

⁵⁰ Пс. 9, 32.

⁵¹ Пс. 88, 35.

⁵² Ср.: Рим. 9, 27; Ис. 1, 9.

⁵³ Ис. 7, 14; Мф. 1, 23.

⁵⁴ Пс. 71, 11; 96, 7.

⁵⁵ Хотя весь отрывок схож с подобным толкованием в беседе, приписываемой свт. Иоанну Златоусту (ее возможным автором был еп. Севериан Гавальский),

но там об ангеле персов все же говорится как о противнике, который не желал отпустить иудеев, предвидя, что после их ухода «опять его земля возвратится к прежнему идолослужению и наполнится нечестием». (Златоуст [Sp.] На вочеловечение Господа нашего Иисуса Христа, и что у каждой страны есть Ангелы // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста... Т. 8. Ч. 2. С. 883).

⁵⁶ Лк. 2, 14.

⁵⁷ Ср.: «Рождается Христос – Дух предваряет. Крещается Христос – Дух свидетельствует. Искушается Христос – Дух возводит Его. Совершает силы Христос – Дух сопутствует. Возносится Христос – Дух преемствует».

(Свт. Григорий Богослов. Слово 31, 29. О богословии пятое, о Святом Духе // Свт. Григорий Богослов. Творения в 2-х томах... Т. 1. С. 388).

⁵⁸ «Но если б ты услышал и о том, что Господь умер, то знай, для чего понесена Им страсть смертная (τὸ πάθος τοῦ θανάτου)». (Свт. Епифаний Кипрский. Слово якорное, 34 // Творения святых отцев, в русском переводе. Творения святого Епифания Кипрского. Ч. 6. – М.: Московская духовная академия, 1884. С. 65.)

⁵⁹ Мф. 28, 5.

⁶⁰ Деян. 1, 10.

⁶¹ Пс. 61, 12.

О посте. О покаянии

О посте

Пост – дар древний, неветшающий, нестареющийся, но непрестанно обновляемый и цветущий во всей красоте.

Ангелы в каждой церкви записывают постящихся. Смотри, ради кратковременного наслаждения яствами не лишись ангельской записи.

Свт. Василий Великий (ок. 330–379)

Пост – супруг молитвы.

Не печалься о том, что постишься; печалься о том, что не постишься всегда.

Приятна весна поста: она ... сплетает нам венец не из цветов, но из духовной благодати.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Чудное совокупление поста с молитвою! Молитва – бессильна, если не основана на посте, и пост – бесплоден, если на нем не создана молитва. Пост отрешает человека от плотских страстей, а молитва борется с душевными страстями и, победив их, проникает весь состав человека, очищает его; в очищенный словесный храм она вводит Бога.

Свт. Игнатий (Брянчанинов, 1807–1867)

Святой, павший и потерявший свою святость, становится легкой добычей бесов; вот почему отцы Церкви утверждают, что возвращение обратно от духовного пути опаснее, чем состояние вне-религиозное. Вот чем опасны пост и аскетизм, не регулируемые опытным лицом и лишённые молитвенного наполнения.

...Так грустно всегда расставаться с Постом и с пасхальной неделей. Я всегда тяжело переживаю и закрытие врат в алтаре в субботу Фоминой, и вообще конец пасхальной седмицы. Хоть и поют еще «Христос Воскрес», но все делается труднее, как будто действительно снова затворились двери Царствия, открывшиеся было

навстречу усилиям и подвигам поста. Люди с какой-то усиленной жадностью опять погружаются в земное, в суету, церкви пустеют.

Пост усиливает дух в человеке. В посте человек выходит навстречу ангелам и бесам.

При назначении постной пищи Церковь совершенно не руководится сентиментальными соображениями, как вегетарьянство или индуизм, а чисто физиологическими – устраняется то, что «утучняет» и возбуждает.

Как в наркозе, в опьянении, во сне – так и в посте человек проявляет себя – у одних проявляются высшие способности духа, другие делаются только раздражительны и злы; – пост открывает истинную сущность человека.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Трудность всякого начала: например, Великого Поста. «Не хочется». Отсюда необходимость, сначала и во всем, – терпения. «Терпением спасайте душу вашу»*. Терпение – это приятие сквозь «не хочется», это заглушение этого «не хочется» – не насильным «хочется», оно невозможно и фальшиво, а просто приятием, подчинением себя, то есть послушанием. И терпение рано или поздно превращается в «хочется». И наконец то, чего «не хотелось», оборачивается счастьем, полнотой, даром. И уже заранее печалишься, что и оно уйдет...

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Встаньте перед лицом своей совести и ответьте: воздержались ли вы ради спасения своей души, и принесло ли ваше воздержание кому-нибудь хоть крупицу радости и добра? А если нет – напрасен был пост.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

О покаянии

В Церкви и грешники кающиеся делаются иереями, потому что самих себя приносят в жертву Богу.

Согрешили мы? Покаемся. Тысячекратно согрешили? Тысячекратно принесем покаяние.

Прп. Ефрем Сирин (ок. 306–373)

Грех есть рана, покаяние – лекарство.

* Лк. 21, 19.

Отречение Петра – полезно: горько оплакав его, он научил всех, как достигается прощение.

Грешившие и не желающие покаяться сберегают самим себе сокровище гнева.

Не на свое покаяние надейся. Разве твое покаяние может в самом деле очистить такие скверны? Если бы было одно только покаяние, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, то надейся, потому что оно превосходит твою злобу.

Стыдись грешить, но не стыдись каяться.

Покаяние свидетельствуется не словами, а делами.

Свт. Иоанн Златоуст

Открывающий всё свое духовному отцу чист, как солнце.

Прп. Феодор Студит (759–826)

Которые не имеют расположения приносить покаяние, те чаще и грешат.

Прп. Илия Экдик (IX в.)

Истинная молитва есть голос истинного покаяния. Когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Все греховное в нас так живо, полнокровно, что наше обычное вялое покаяние никак не соразмерно с этой стихией греха, нами владеющей.

В исповеди самое важное – состояние души кающегося, каков бы ни был исповедующий. Важно ваше покаяние, а не он, что-то вам говорящий. У нас же часто личности духовника ошибочно уделяется первенствующее место.

...Приносить духовнику надо не список грехов, а покаянное чувство, не детально разработанную диссертацию, а сокрушенное сердце.

Знак совершившегося покаяния – чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, когда грех кажется так же труден и невозможен, как только что далека была эта радость.

Иерей Александр Ельчанинов

Покаяние есть оттеснение себя к блаженной вечности. Освобождение своего настоящего, прошедшего и будущего от всего небожественного.

Прошлое зарывать надо, как труп, в землю покаяния и богоблагодарения. Иначе будет смердеть. Добро смердит тщеславием, зло – соблазном и гибелью. Покаянием умерщвленный, сгнивший в душе грех делается удобрением небесных зерен.

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (1902–1989)

Я не сомневаюсь, что, несмотря на все «метаморфозы», в таинстве покаяния есть преемство, есть какое-то основное, глубокое подлежащее, то есть сама реальность, сама сущность покаяния, неотделимая от сущности христианства. Христианство есть покаяние, и потому Церковь есть таинство покаяния, и потому в Церкви есть таинство покаяния. Но уразуметь, вскрыть подлинный смысл и содержание этого тройного «есть» нелегко. Ибо тут-то и начинается все двоиться, становится двусмысленностью. Покаяние – тоска не по «праведности», а по Богу: «Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене...»*. В отрыве же от этого своего «теоцентризма» оно становится «антропоцентрическим» и неизбежно скользит либо к юридизму, либо к психологизму.

Прот. Александр Шмеман

Когда мы думаем о покаянии, нам всегда представляется темная или серая картина скорби, сжатого сердца, слез, какого-то неизбывного горя о том, что наше прошлое такое темное и недостойное: недостойное ни Бога, ни нас самих, ни той жизни, которая нам предложена. Но это только одна сторона покаяния или, вернее, это должно бы быть только одно мгновение. Покаяние должно расцветать в радость и в подвиг. Без этого покаяние бесплодно, без этого то, что могло бы быть покаянием, превращается в раскаяние – бесплодное и, часто, такое, которое убивает жизненную силу в человеке вместо того, чтобы его возбуждать и обновлять.

Митр. Антоний Сурожский

* Пс. 50, 13.

Вера и засохшая смоковница

Тема веры волнует умы христиан не только с позиций преданности Всевышнему; человеческий ум обращает нас и к более прагматическим целям. Само Евангелие размышляет об этом понятии не в одних лишь метафизических категориях, но обещающая и вполне практические результаты.

Поутру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня. И, вспомнив, Петр говорит Ему: Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла.

Иисус, отвечая, говорит им: имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.

И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших (Мк. 11, 20–26).

Как и любой евангельский сюжет, поучение Спасителя о смоковнице и личной вере имеет много явных и скрытых смыслов, каждый из которых требует своего раскрытия.

С формальной точки зрения, вера – это убеждение в существовании того, что не было воспринято нашими органами чувств: что мы не видели, не слышали, не чувствовали, но, тем не менее, убеждены, что это существует. В сознании большинства из нас вера во Всемогущего Бога является тоже своего рода предметом нашего бытия. Мы уже свыклись с этим «предметом», порой просто его не замечаем, а иногда отставляем его «в сторону», чтобы не мешал. Именно из такой «предметности» восприятия и возникают идеи типа: «Я верю в душе; зачем ходить мне в церковь; я дома помолюсь – и всё, отношения с Богом налажены»...

Но вера имеет и второе измерение, или все-таки, если правильнее сказать, первое и главное, о котором и говорит Евангелие. Вера – это не сторонний для нас предмет или явление, а наше внутреннее состояние.

Чудо в наше время

Очень часто мы задумываемся, а почему сегодня нет тех чудес, про которые рассказывается в Библии и в описании житий древних христиан? Почему наша эпоха не попала в череду раздачи благодатных даров, о которых говорится, например, в Деяниях святых апостолов?

Чудеса есть и в наше время и в не меньшем количестве, чем это было в древности. Изменилось отношение к чуду.

Во-первых, чудеса из феномена массового сознания перешли в большей мере в разряд явлений в жизни отдельного человека: раньше чудо могли видеть много людей одновременно, а сейчас только один человек, ну, может, еще его близкие.

Во вторых, в наше время чудо теперь зависит не столько от Бога, сколько... от самого человека. Странное, на первый взгляд, утверждение. Но основание для него есть в Евангелии. И ключевым словом здесь является – вера, та, которая исходит изнутри, ставшая частью нашей природы.

Веру можно описать как несокрушимую убежденность, дерзновенную требовательность к Богу и... детскую доверчивость к Создателю, которая сравнима разве лишь с доверчивостью младенца к матери. Такая вера не предполагает сомнений и раздвоенности в мыслях. Ведь слишком часто, приходя в храм помолиться и поставить свечку, помощь Божию мы предполагаем как «запасной вариант», а все проблемы пытаемся решить своими силами и своим немощным разумом; обращение же к Богу происходит так, «на всякий случай». Но когда человек действительно верит, он буквально наполняется знанием – знанием о том, что все устроится Богом наилучшим образом.

Именно о такой вере говорил Спаситель в беседе со своими учениками, комментируя гибель смоковницы. Христос призывал стяжать, заполучить как раз эту, подлинную, веру, малое присутствие которой в человеке Он сравнивал с горчичным зерном. И если у человека вдруг получилось обрести это зернышко веры, тогда начинают твориться воистину грандиозные чудеса.

Вера и свобода

В разговоре с апостолами Господь говорит, что проявление веры должно сопровождаться выполнением ряда других условий. Одно из них – *«не усомниться в сердце своем»*. Внутреннее сомнение способно очень быстро уничтожить росток той самой веры-состояния. Отсутствие нашей убежденности в помощи Божией закрывает для нас Его действие в нашей жизни. Бог всемогущ, но Он же ограничил Себя перед нашей, человеческой, волей. Наша свобода воли как проявление Его образа в нас для Господа является неприкосновенной святостью. И не важно, если мы свою свободу пускаем во зло – Господь смиряется перед любым нашим выбором. Поэтому бессмысленно обвинять Бога в том зле, которое царит на земле: источником этого зла и его движущей силой являемся мы и никто иной. Даже дьявол здесь выступает только в роли подстрекателя ко злу, а все остальное, увы, делается нами.

Невозможность показать, *что* есть внутренняя вера, компенсируется наличием живых примеров этой веры. Пожалуй, одним из ярких примеров дерзновения в вере является почти наш современник, известный православным христианам как святой праведный Иоанн Кронштадский. Очевидцы рассказывают, что его молитва была более чем дерзновенна, резкие нотки голоса говорили, что он буквально требовал от Бога помощи для всех просящих через него людей. Столь же горячей была его благодарность Творцу. Именно Иоанн Кронштадский требовал от священников верить, что их молитва слышима Богом. Этот святой советовал мирянам, чтобы они во время молитвы были настроены в убеждении, что помощь Господня уже пришла. И тогда чудо обязательно совершается.

Поделюсь уже своим личным опытом. Некогда, придя к пониманию, что вера должна присутствовать в моей жизни в масштабе *«всем сердцем»*, я стал задумываться, как к этому прийти. Просто вводить себя в состояние экзальтации, эмоционально накачивая себя неким *«духом веры»*, – тупиковый путь, ведущий к прельщенности сознания, а может и к беснованию; примеров тому в истории христианства было множество.

Для начала я попытался соединить христианское богословие с явлениями окружающего мира – то есть обосновать свою веру доводами человеческого разума. Дальше пошел более сложный этап, когда стал приходиться к внутренней убежденности, а правильнее сказать, к подавлению ростков сомнения. В Евангелии это выражено удивительной словесной формулой: *Верую, Господи, помоги моему неверию!* (Мк. 9, 24). Для меня таким криком души стали слова: «Верую, Господи, что исполнишь!». Логическая вера давала мне поддержку в этом процессе подавления сомнений. При этом молитва, как сознательное общение с Богом, должна заполнять твое сознание практически постоянно.

И дальше... мои прошения к Богу стали исполняться.

Удержание веры

Предвижу ироничный вопрос: почему я до сих пор не прославился как современный чудотворец и почему, если все так просто, чудотворцы не наполняют наш скучный мир?

Дело в том, что это *«напряжение веры»* – состояние крайне нестабильное. Так показал мой личный опыт. Нельзя, один раз *«настроившись»* на веру, механически удерживать ее в себе. Удержание веры – не менее сложный процесс, чем обретение ее. Получив просимое от Бога, человек мгновенно расслабляется, разбрасывая свою внутреннюю собранность и стремительно уходя от личной беседы с Небесным Отцом. На радостях многое просто забывается. А после, когда снова хочешь попросить у Господа, нужно снова проходить процесс *«настройки»* на веру (простите за грубые техницизмы в столь тонкой сфере).

В случае со св. Иоанном Кронштадским и другими людьми, прославившимися как чудотворцы, весь их образ жизни поддерживал и приумножал в них веру. В моем же случае обычные суета, немощи и страсти очень быстро приводят в ду-

ховно расслабленное состояние. А если хочешь снова что-то попросить, дорогу к обретению веры не получается начать где-то с середины; начинать нужно с изначальной точки...

Не у всех происходит рассеяние веры после получения просимого. Есть люди, которые могут удерживать веру или восстанавливать ее не с нулевой позиции. Эти люди значительную часть своей жизни посвящают подвигу общения со Всевышним. Имеют они и навык постоянного отслеживания состояния своего внутреннего мира. Наверное, именно такие люди признаются впоследствии святыми.

Вера и прощение

Перечитывая этот евангельский отрывок, мы можем увидеть еще одно условие, которое должно сопровождать нашу просьбу к Богу и ожидание Его чудесной поддержки. Господь требует от нас прощения всех, кто погрешал против нас, будь то личный враг, обидчик или просто несимпатичный человек.

И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших (Мк. 11, 25–26).

Да, общаться с Господом, настраивать мысли на нужный лад – это великий труд; но еще большим трудом становится способность простить ближнего. И не только простить, но еще и полюбить, как показал нам Христос-Спаситель.

Прощать нужно, чтобы Небесный Отец и с нас мог сбросить груз ответственности за все, что мы сделали ранее словом, делом или помышлением. И, очевидно, что степень нашего прощения ближнего в молитве Господь увязывает и с силой Своего ответа нам. То есть «уровень» нашей веры зависит от степени присутствия в нас того духа мирного, к стяжанию которого призывал преподобный Серафим Саровский.

И это важно помнить, особенно тогда, когда мы ожидаем чуда...

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Сегодня на литургии – чтение о гадаринском бесноватом. Как-то впервые обратил внимание на простое: почему Христос позволил бесам войти в свиней? Сколько читал я экзерсисов на эту тему, и церковных, и всяких, вплоть до того, что де свиньи – особо сатанинские животные, с разбором их анатомии и психики в этом смысле, и проч. Бедные свиньи!.. досталось им от экзегетов. И к самоубийству-то они де склонны!.. какая там склонность: животное – устроено просто, чуя зло, оно теряет от ужаса последний разум и бежит, не взвидя белого света; вот и упали с обрыва.

А на деле ведь, наверно, все просто: позволил войти – потому что бесы его просили об этом. Из милосердия. Бесы – бывшие ангелы, то есть бывшие слуги, которые некогда пытались взбунтоваться, убить хозяина и разграбить усадьбу, а получилась – одна тоска, и от той тоски пошедшие в разбойники; Христос с ними во всех описанных евангелистами случаях экзорцизма и разговаривает просто и безо всякой мерихлюндии, как хозяин со слугами, пусть и бывшими: «Идите вон». Это с людьми – по-другому, потому что любит их, и отношения иные; но даже и к бывшим слугам, ступившим на кривую дорожку и немало пакостей творящим, Бог бывает милосерден, если искренне взвопят и взмолятся...

А вывод какой? а простой: Христос проповедует Царство Божие – и словами, и явлением силы Царства в исцелениях и экзорцизмах и прочем; и просто – Своим примером жизни. Вывод: делай как Я, если хочешь быть гражданином Царства; Отец Мой милосерден ко всякой твари – и ты будь.

Еще интересно: приказывает бесам – молчать.

«В это время в синагогу вошел человек, одержимый нечистым духом. Он закричал: – Что тебе надо от нас, Иисус Назарянин? Ты пришел нас погубить? Я знаю, кто Ты! Ты – Святой посланец Божий. Но Иисус приказал ему: – Замолчи и выйди из него!» – у Марка, например.

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020. (Все примечания – ВС.)

Что же, бес неправильно сказал насчет Святого посланца? Правильно. Но здесь важный нюанс: не изо всяких уст принимай весть о Царстве! Бесы, даже когда правду-матку режут, они правды-то не говорят. Слова на сто процентов вроде те – а смысл не тот. Не стоит слушать речи о Боге и Царстве от тех, кто сам не хочет жить с Богом в Царстве.

Их вообще слушать не надо. Христос не слушал – и ты не слушай. Как часто бывает, например: пришел ты на исповедь, охватило тебя отчаяние от твоих мерзостных грехов, настроение – нет тебя гаже на свете... А ты не слушай. Раз отчаянье – значит, это бесы говорят, а они доведут до цугундера. Мало ли что – «все грехи точно называют», еще бы не назвать, они же, сволочи, сами этим грехам тебя и научили. Иди скорей ко Христу, Он им велит: «Заткнитесь и идите вон». И когда наконец этот шум утихнет – слушай Христа тогда, Он, что бы тебе ни сказал, все говорит и делает для того, чтобы ты был наконец уже жив и счастлив.

Снова сегодня во время литургии обратил внимание: как люди, подходящие к Чаше, становятся красивы, и женщины, и мужчины. Трудно словами это описать. Словно бы сквозь них проступают какие-то настоящие они, примерно как-то так.

Какими же мы все будем в Царстве!.. нет, не могу сказать, тут приличнее помолчать, наверно.

Причем это нагляднее всего в тех, кто регулярно причащается, для кого причастие – не стресс раз в год, а нормальное состояние. Кто раз в год – в тех мандража бывает еще много, напруги и страха – не того особого библейского, не Божьего, а просто страха, обычного.

Может быть, лучшие мои комментарии в ФБ – когда прочел в ленте чей-то пост, моментально вдохновился, тут же весело и задорно написал пол коммента, подумал: «Эээ... стоит ли?..», стер написанное.

Как справедливо замечает Виталий Кальпиди, стихи, хорошие или там не очень, всякие – это одно, а поэзия – другое.

Есть поэты, у которых невозможно назначить то или иное стихотворение – «лучшим». Они живут в поэзии.

Тут в разговоре вспомнил, что словечко «исповедальное» в отношении стихов всегда вызывало у меня некие вертижи (мой собеседник выразился энергичнее: «Исповедальное – это про труссы»).

И еще подумалось: соврешь в стихах читателю – полбеды, а вот соврешь себе самому – полная беда.

Галина Михайловна Сургутская, директор нашей воскресной школы, о здравии которой я попросил молиться немного ранее, умерла сегодня утром, не приходя в сознание (подробностей не знаю, но, похоже, боли в позвоночнике, которые объяснялись хрящом, после плановой операции оказались злым скоротечным раком...).

Она работала – медсестрой, много лет преподавала в нашей школе, возилась с

детьми, очень любила Церковь, заочно закончила курс учебы для мирян в Троице-Сергиевой. Помогала очень многим, причем не разово, «в охотку», а регулярно и как-то естественно – и своим родственникам, и соседям, и каким-то бедолагам (называла их ласково «мои бомжики»), помогала и нам в доме инвалидов, и самым разным людям... Характер очень деятельный, простой (но не «простодырый», если вы понимаете, о чем я), веселая всегда, бодрая. И никогда ни на что не жаловалась – мы и не знали, что она так серьезно больна...

Глядя на нее, я думал: некоторым людям как-то проще быть христианами – у них характер от природы такой.

Сегодня служили литургию в доме инвалидов...

И поминали патриарха Тихона.

Имя его само – тихое... (моего деда по маме Тихон звали).

И то знаменательно, что так-то по очкам он не был первым, как митр. Антоний Храповицкий или еще кто...

И всем сразу же было ясно: этот – патриаршество взял как крест мученика.

Он и еще до него патриарх Ермоген – смели возвысить голос против левиафана...

Эти стихи я прочитал с амвона:

Кто знает, может быть, не хватит мне свечи
И среди бела дня останусь я в ночи,
И, зернами дыша рассыпанного мака,
На голову мою надену митру мрака, –

Как поздний патриарх в разрушенной Москве,
Неосвященный мир неся на голове,
Чреватый слепотой и муками раздора,
Как Тихон – ставленник последнего собора!

(О. Мандельштам, ноябрь 1917)

Если блаженный муж не идет на совет нечестивых, то совет нечестивых непременно придет к блаженному мужу.

Про феминитивы.

Вероятно, не мной одним замечено, что употребление слова «жена» в свете современных веяний неуместно; феминитив же от слова «муж» – конечно, «мужка».

Сегодня рассказали: в деревне Знаменка, недалеко от Минусинска, жил человек, который жестоко обращался с домашней скотиной, бил ее и пр. Он погиб на въезде в деревню, в машине. Он сидел за рулем, в машине были пассажиры. Откуда ни возьмись, прибежал какой-то конь, лягнул машину, пробил лобовое стекло, убив водителя, и убежал обратно. Больше никто не пострадал.

В жизни, кстати, да, много случается такого, что напиши в книжке или сними в кино – плевать будут, мол, бред какой-то... а вот же.

«...это тот самый русский бесконтактный бой, который и возродил Сергей Радонежский! Это то, что и называлось Славянский Спас!» – вдохновенно говорит пожилая дама, директор какого-то психокакогого института. – Как мы знаем, когда Дмитрий Донской приехал перед битвой к Сергию Радонежскому, тот дал ему четыреста бойцов запасного полка...»

Никогда, никогда не включайте телевизор, даже случайно, даже переключая его на DVD-плеер в поисках мультика для внука.

«Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя».

Один во мне – хочет, другой – не хочет, а третий – смотрит, видит хотящего и нехотящего, видит процесс, говорит к Богу.

Вот этот третий во мне – лишь бы он жил, лишь бы выжил.

Попалась реклама электронных книг.

Любя всякую книгу, любопытствовал, заглянул по ссылке, прочел:

«Отличный вариант для чтения литературной, учебной и технической литературы».

Так любопытство бывает вознаграждено расширением не только кругозора, но и сознания.

У нас зима; около -20 и довольно много, для здешних мест, снега. Снег я люблю; всегда любил.

Глядя на снег и на то, как он отличается от всего – земли, домов, деревьев, передвигающихся по снегу людей и машин, и как сочетается со всем этим, думаю почему-то о другом: о том, как героика бывает похожа на христианское мученичество и насколько при этом герой не похож на святого.

Сегодня евангельское зачало – про милосердие в субботу опять. Но это хорошо, что опять, про него не лишне почаще напоминать, и себе самому, и окружающим.

Важная вещь – милосердие. Главная. Но если сказать, что единственная, а больше, мол, и не надо ничего, – как-то оно не того... Остальные добродетели тоже нужны, одно без другого не бывает. Милосердный алкоголик, милосердный ворюга или милосердный растлитель малолетних – согласитесь, жутковато звучит. Но милосердие – венчает все добродетели и вместе с тем – основа всего; мне видится образ цементного раствора, без которого, на одном песке и гравии, фундамент дома не построишь.

А так-то – суббота дело хорошее, Христос ее отнюдь не отвергал.

Один из архетипов правильного советского человека – физкультурник.

Тот самый, про которого говорит нынешняя ФБ-шутка: «Успешные и жизнерадостные люди, успешно и жизнерадостно отстаньте от меня!»

Одно из первых книжных изданий Высоцкого в СССР – «Четыре четверти пути», его стихи и воспоминания о нем, – вышло в 1988 году в издательстве «Физкультура и спорт».

Кондак, глас 3. Подобен: Дева днесь:

В Мирех, святе, священнодействитель показался еси, / Христово бо, преподобне, Евангелие исполнив, / положил еси душу твою о людех твоих / и спасл еси неповинныя от смерти. / Сего ради освятился еси, / яко великий таинник Божия благодати.

Вот любят святителя Николая люди, да и всё.

Казалось бы, мало ли чудотворцев?.. И почитают их, и так далее. А вот его – любят и любят.

А за что?

Да все очень просто, архипросто, евангельски и небесно просто – за это: «положил еси душу твою о людех твоих и спасл еси неповинныя от смерти».

О чем – Обрезание?..

Не только об Аврааме, о завете, о скреплении чем-то договора (дальше богословие приходской проповеди дрейфует в аллегория); но – о жертве.

Жертве как основе любви.

Любой любви, которая, если хочет быть подлинной, без жертвы обойтись не может.

Не об изготовлении раскрашенных птичек из бумаги, не о терпехе без мороженого до первой звезды, и не о «жертвую тебе, Господи, эту среду как день без трехчасового кофе с тирамису в память о страданиях лесов Амазонии»...

Думаю не о том даже, что МНЕ, мол, нечего пожертвовать Богу (мне как раз – есть что, в смысле, у меня много такого, чего не хотелось бы от себя оторвать), а что можно эх! пожертвовать ВСЕ И СРАЗУ, разрубить махом все сердце и метнуть!.. но если в сказке результатом этого будет чудо, непреложность чуда, закономерное преобразование лягушки в царевну, упавший гребень преобразится в горную гряду, ночь – в свет, а смерть – в жизнь, то в случае моей реальности – будет позорный пшик: сердце разрубил, а ничего не произошло. И не потому, что сказка ложь. А потому что в ней намек – на мою фальшь, неподлинность, зрящность.

И я поэтому боюсь, Господи.

Боюсь кинуть тебе сердце – а вдруг оно полетит к Тебе просто комом грязи. Вот чего боюсь.

И Ты меня не разубедишь, Сам знаешь.

Никто меня не разубедит, кроме меня самого.

О помянутой выше непреложности чуда: вместо нее Ты принес и утвердил – непреложность человека. И тем самым лишил мир удушливого чада сказки – но и вскрыл его, как консервную банку, впустив подлинный воздух и свет.

С православными коллегами рассуждали о том, что почему празднику Обрезания Господня не посвятили до сих пор храмов, престолов и пр., и даже путней иконы праздника нет.

Что есть Зачатьевский монастырь, но нет Обрезанского, и пр.

Приходская ексхиология:

– В нашей деревне батюшка испокон веку служит, и оно есть православие. В соседней деревне батюшка тоже хорошо служит, но... маленько уже не так. В райцентре... ох, неладно они там служат! В городе – там вовсе еретики, слышала. А за рубежом... там православных нету, там служат антихристу люди с песьими головами на компьютере «Зверь».

Что, у вас не такой имаго мунди?* а у вас? а у вас?..

Из разговоров в богоявленские дни:

– Ну не так уж страшно, что эти вот сотни людей приходят за гекалитрами воды, а потом в храме не бывают. Может, еще и придут. Как-нибудь через эту воду их Господь и подманит...

– !!!

– А что вы смеетесь! Я читала, есть такая «призывающая благодать»...

– Призывающая благодать есть, подманивающей – нету.

Видя рекламу в ФБ:

почему в рекламах всяких колдунств и приворотов вместо устаревшего «приворотить» не пишут простое и легкое в произнесении современное «привернуть»?

«Приверну мужа».

Вспомнил, что в детстве я мечтал, чтоб изобрели аппарат, записывающий сны.

Сейчас же благодарю Бога, что не изобрели.

Друг рассказал, что в Иерусалиме встречаются наклеенные на стенах плакаты: «Мы ждем Машиаха!»**

И на одном из них внизу – подписано от руки:

«Я приходил, но вас не застал...»

В принципе, про свободу все слышали.

И все, в принципе, ее хотят, так-то если.

И даже против «свобода есть ответственность» не очень протестуют, терпят, невнимательно, но соглашаются.

Отчего же приступить уже к ней – так боятся?

Может, оттого, что на ее лице, в самой улыбке ее, светят нехорошие понты: ну ты чо, маменькин сынок, что ли?..

Какая-то она не такая, свобода века и мира сего.

Внук неделю болеет соплями и кашлями, то есть тем, от чего не помирают, но с чем в космонавты (зачеркнуто) в садик не берут.

То есть сидит деннонощно у нас.

И слушает день за днем одно и то же на СД – аудиоспектакль «Доктор Айболит».

* *Imago mundi* (лат.) – образ мира.

** Мессия (др.-евр.)

Я знаю этот спектакль наизусть, потому что его слушала еще мать внука, когда была в том же возрасте.

«Вот такой я злодей,
Вот такой я ЖАДНЫЙ!
И зверей, и людей
Мучаю нещадно!..»

«Если занят Айболит,
А у вас живот болит,
Я лекарство разыщу,
Вам живот
Прочи
Чи
Щу».

У внука – пластмассовое ведро с игрушками: огрызки мелкого лего и киндеров. Расставляя их, воспроизводит слышанное:

- Отдай мне девочку-динозавра, девочка-динозавра моя!
- Нет!!..

В рекламе под названием «Библия эпохи Водолея. Евангелие от принца Атлантиды» прочел я: «Эта книга учит людей, как слышать голос Создателя и видеть его Небеса, находясь в полном сознании и все еще живя на земле. Здесь вы узнаете правду о местах и условиях на Небесах, ожидающих вас после смерти».

А прочтя слово «условия», как же я мог не вспомнить и не запеть:

Так вот они условия!
Так вот она среда!
А впрочем, для здоровья
Полезны холода!

Сегодня был в сельхозколледже, по приглашению, рассказать студентам «о нравственных ценностях». Ну, думаю, расскажу про Церковь, зачем она вообще, потом они, может, вопросы какие зададут... Пришли две группы, ребяташек 25-30 примерно. А им как раз преподаватели раздали листовочки такие – вот, мол, у нас как раз отмечают память снятия блокады и память Холокоста. Ну, и как-то не по плану пошло, а стал говорить, чего помнил, про блокаду и про Холокост... Как ленинградцев кинули умирать. Как были там люди, которые во что бы то ни стало хотели остаться людьми, несводимыми к голоду и телесному выживанию. Про то, как шевелилась земля в Бабьем Яре, как руководство СС озаботилось здоровьем психики членов айнзатцкоманд, как изобрели газовые камеры... Про то, что все это зло начинается внутри человека. Ну, и про Церковь все же рассказал потом.

Кто-то слушал, кто-то дремал, не в силах справиться – не высыпаясь подростки:) Кто-то задавал вопросы – неуклюже сформулированные, может быть, но очень точные, больные и глубокие. Хорошие у нас дети, вообще-то.

Про Закхея и покаяние.

Очень простая, лежащая на поверхности евангельского повествования мысль: чем согрешил – тем и кайся.

Если украл пятьдесят рублей – верни. А сделать взамен пятьдесят поклонов или пятьдесят раз прочесть пятидесятый псалом – нет, не прокатит.

Мысль, как оказалось, для адептов «заместительной терапии покаяния» иногда совершенно невыносимая и способная довести до отчаяния: а если не пятьдесят рублей украл, а пятьдесят человек убил?.. Их – как вернуть?

Напрашивается ответ: «Невозможное человеку возможно Богу»; но, если честно и с верою идти дальше, то ответ этот оказывается не ответом, и даже не вопросом, а – заданием...

Не пытаюсь быть оригинальным, помяну один из любимых фильмов в истории кино – «Дуэлянты» Ридли Скотта*.

Литературная основа (сценарий – весьма немаловажная вещь в кино, поверьте), актеры (ну, да Харви Кейтель где не прекрасен), режиссер, оператор, чудесная музыка Ховарда Блейка, великолепнейшая постановка фехтования... и жизнь, наша жизнь, мимолетная, осенняя, весенняя, и тайна и аромат этой жизни.

И печаль.

Вот чего не хватает в нашем сегодня, в котором полно и депрессий, и разочарований, и всяческого трэша: печали.

Я думаю, если бы был сейчас жив Булат Шалвович Окуджава, он бы специально посвятил песню Печали, как посвящал Надежде.

Среди христианских аскетических деланий есть и такое: быть верным себе самому.

Возвращать себя самого к себе самому, как огромную и полорото всюдубегущую собаку поводком на прогулке.

Это трудное дело.

Но с Христом иначе как же.

В доме инвалидов, точнее, в психоневрологическом интернате (он так теперь официально называется), обходя корпус, зашли в одну лежащую палату. Наша сотрудница потрогала одного скрюченного лежащего и сказала:

– Дедуля, тут батюшка пришел...

И скрюченный тут же расскрючился, воздвигся над кроватью и уязвленно, но стараясь соблюдать веселость, прогрохотал:

– Дедуля?! Это кто дедуля?! Хххэх!.. Какой я тебе дедуля?!

Дедуля этот был в тельняшке и с такими усами, что, в самом деле, походил не на дедулю, а на старшину Тараканова из книжки про Васю Куролесова в изображении художника Калиновского. «Широкоплечий и сияющий милиционер навис

* «Дуэлянты» («The Duellists») — первый полнометражный кинофильм британского режиссера Ридли Скотта, вышедший на экраны в 1977 году.

над Васей», и, думаю, никакой укол не мог бы произвести на сего болящего более живительного действия, чем поименование его «дедулей».

Одной из любимых книжек в раннем детстве у меня была книга «Водители фрегатов». А самая любимая там повесть – «Матрос Рутерфорд в плену у новозеландцев». Над которой я плакал горячими слезами, читая, как маори разбивали матросам головы мером. Тогда-то я впервые узнал про Новую Зеландию, в таком вот аксепте (ну и вскоре потом еще Жюль Верн, с его Каи-Куму, Кара-Тете и табу, подлил масла в огонь).

Ввторые узнал я про Новую Зеландию, когда в советское время появилось в обиходе новозеландское сливочное масло.

Ну и уж только потом – все эти пейзажи, снятые Джексоном, режиссер Вайтити и все такое.

Весна у нас тут, если органолептически, так себе: температура окружающего воздуха примерно от -1 до +1, небо серое (Минусинск – на первом месте в крае по худшести воздуха, потому что все топят углем, и в нашей котловине всю зиму висит смог и сажа), солнца не видно, сверху снежок пробрызгивает, под ногами – то ли колдобины льда, то ли шляча*...

Но порадовал меня в доме инвалидов сегодня Иван. (Ну, как в доме инвалидов, он теперь, строго говоря, ПНИ). Иван этот всегда бывает у нас во время литургий, постоянно причащается. А сегодня мы ходили причащать лежачих во втором корпусе, а Иван там живет. И он меня повел к себе в комнату и с гордостью показал, какой у него на подоконнике целый огород: рассада, в основном помидорная, в коробочках. Какие-то зеленоватые торчат. Куда он их потом денет, чего... кто исповесть; но вот прямо сейчас – оно живет и растет. С велией радостью я все это дело покропил святой водой. И подумал: что есть воскресение и жизнь вечная? – примерно вот это.

Восьмимартовское.

Возьми да попадись мне публикация записей Бодлера. Там он пишет: «Удивляюсь, почему женщин пускают в церковь. О чем они могут говорить с Богом?».

Я ему сразу же и ответил: да если бы не женщины-мироносицы, мы бы до сих пор не знали, что Христос воскрес.

Вопрос о том, насколько общественность средних, скажем, веков на Руси узнавала и осмысливала те или иные злобы дня и всяческие поветрия и процессы, и насколько качественно это отличалось от нашего современного осмысления, нами, имеющими интернет и картину мира, широко представленную, всегда интересен.

Основную тенденцию происходящего вокруг средневековая русская общественность осмысливала, например, в «Голубиной (Глубинной) книге» так:

* Шляча – слякоть (диалект.)

Ище Правда-та с Кривдой заборолесе;
Кривда-та Правду избидела.
Оставаитьце Кривда на Съвятой Руси
У тово-ли у народа православного,
Да уходит-то Правда как на небо,
К самому Христу она, к Царю Небесному.

Иногда создается впечатление, что мы, христиане, действительно живем не по Евангелию, а по Голубиной книге.

В которой главное событие – кривда правду одолела, и ушла правда на небо к Богу, а кривда осталась на земле с нами.

И вот мы (как изрядные все-таки участники всего этого дела, из-за нас же всё) теперь сжались в тоске и ждем, что вот правда теперь ТАМ все расскажет, всю правду, и скоро неминуемый разгневанный Бог явится к нам со страшным скандалом. «Кто тебя бил?!» – грозно завращает Он на нас раскаленными очами, а выглядывающая из-за Его спины правда, шмыгая носом, будет тыкать пальцем: «Этот... и этот... и вон тот...»

Как в школе бывало у всякого: завалил, скажем, контрольную, получил двойку погожим весенним деньком, и, весь клубясь внутренним адом, плетешься домой, а там радостные мать с отцом, обнимают тебя, что-то говорят, и печется пирог, и они-то пока еще ничего не знают, а ты молчишь в оцепенении: скоро узнают... скоро... бесконечно скоро...

А пока я/мы вот так цепенею, кривда между тем не цепенеет, а продолжает действовать, усугубляя это вот всё.

Как от этого всего кардинально далеко, инаково – Евангелие, согласно которому Бог Сам пришел к нам, вочеловечился и продолжает пребывать с нами. И все эти кривды, правды и прочие силы и престолы занимают и знают свое, отнюдь не самое коронное, место.

Днесь память преподобного Герасима и льва его, рекомого Иордан.

Сказал старец льву: «Ты съел осла? Благословен Господь. Все, что делал осел, отныне будешь делать ты».

Яркая иллюстрация к теме осуждения: осудил – иди тогда в суде до конца и бери на себя того, кого осудил, и спасай его, тогда будешь – праведный судья, а просто так пальцем тыкать всякий горазд.

Включил телевизор.

Респектабельный дяденька с бородкой и в очках сказал: «Мы живем в эпоху новой бедности. Способ борьбы с бедностью сегодня – это контрацепция».

Выключил телевизор.

По-моему, в жизни и в обществе есть все-таки стабильность.

Вот встретила реклама:

«Набор веселых носков – специально ко Дню святого Патрика!»

Как Патрик изгнал змей с земель Ирландии, так и эти невероятные носки изгонят зимнюю хандру из души».

Сижу и вспоминаю: мнится мне, что я эту рекламу и в прошлом году тоже встречал.

Возле подъезда стремительно идут два парнишки, лет 13-14 на вид, силуэт обычный – какие-то лапсердаки ниже колен, рюкзачки, тонкие ножонки, сорок последнего размера чоботы.

Обрывок разговора слышу, один другому увлеченно говорит:

– Прикинь, я прифигел – все сидят в компах. Во дворах я вообще не вижу играющих детей моего возраста.

«Играющих детей»!

И это я слышу не от пап и мам этих подростков, а от них самих.

Я какое-то время постоял, прежде чем поднести ключ к домофону подъезда, понюхал весну и порадовался многообразию форм человеческой жизни на Земле.

Неделя Крестопоклонная.

Раздумья всякие...

Что мы считаем зачастую – крестом?

Какую-то мутную фигню, примерно то, что древние называли «судьбой».

Беды, несчастья, скорби, обиды, болячки, разочарования, опять разочарования, никак-не-исполнение наших желаний...

Постоянно тут припоминаю Смеаголла, превратившегося в Голлума*: «...Только исподтишка добывай пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые».

В то время как настоящий крест для меня – я сам.

Грехи мои (немодное слово, сейчас это называют «проблемами» и всяким таким и советуют не избавляться от них, а культивировать, договариваться с ними по-хорошему, «реализовывать», – представьте врача, который, вместо того, чтоб лечить от болезни, настоятельно советует ее культивировать!.. Впрочем, я понимаю, есть и страшные болезни, и непереносимые человеком испытания, – о них, конечно, отдельно надо), мое непомерное «я», хотящее, чтоб все было именно по его хотению, и не только все – но и все, не принимающее окружающих как они есть, а пытающееся «встроить» их в свой мир, а если не встраиваются – уничтожить, с глаз долой – из сердца вон...

Вот и говорит Он: «Отвергнись себя, возьми все это на себя как крест – и следуй за Мной».

А для чего?

Чтоб обрести счастье, довольство, неуязвимость, успех, и прочие тысячу бонусов?..

Нет.

Не «для чего». А – «если».

Если, говорит, хочешь быть со Мной.

* Смеаголл, он же Голлум – один из главных персонажей произведений Джона Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин Колец».

Если любишь.

Если эта любовь – реальна.

А не хочешь со Мной – ну, что Я сделаю...

Свобода.

Как там в пугачевской песенке: «Будь или не будь, делай же что-нибудь».

Меняется лицо мира.

Прямо рраз, не спрашивая согласия, не давая времени приуготовиться.

Что думаете про это?

Я, например, думаю, что ежеминутно долблю себя по башке и ругательски ругаю, что вот, как же ты, старый пень, зная, что мир движется не куда иначе, как туда, куда движется, куда Писание давно сказало, прилагаешь к изменениям столько сердца.

Ведь все де заранее сказано.

Но и понимаю, что сказано заранее не для того, чтобы верные «обезболились».

Слово Божие – не наркотик.

Боль всегда будет..

А чтобы – разумели, что к чему, и не отчаивались, не лезли в петлю.

И сами себя приводили в порядок чтоб.

И помнили, что жить нам (не только «верным», 144м тыщам типа, а всем людям, ведь Бог любит всех Своих деток) – вечно.

Священникам нельзя вселять в прихожан ложные представления – в мире дескать все неверы, а мы, православные, одни непобедимы, закидаем вирус шапками и карантина не боимся, мы, православные, – лучше всех.

«Лучше всех!..» Преподобные отцы-подвижники «Добротолубия» считали себя, наоборот, хуже всех. И постоянно твердили о покаянии и о смирении. Может, потому, что древние были, неразвитые?..

Сегодня прихожане мне, на разные лады, говорили одно и то же: вот, мол, были же прежде и чума, и холера всякая, но храмы же не закрывали!.. Да. Но что делали в оные времена православные люди, идя в те храмы? В голос плакали и каялись. И в личных своих грехах, и в грехах Церкви, и вообще в неправде, НЕПРАВДЕ всего строя своей жизни пред Богом. Не предъявляли заслуги, не просили покарать «вредителей», не диктовали Богу: сделай нам так-то, убери заразу, сохрани вот именно таким и таким наш привычный образ жизни и картину мира. А – каялись. И молили: Господи! мы немощные смертные грешники! Ну прости Ты нас, мы признаем грехи свои, не оправдываемся, и убери и смягчи как-нибудь эту заразу, просто потому, что мы слабые и вынести ее не сможем, не можем понести такого испытания, у нас кишка тонка, Господи! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Люди давних времен считали заразу наказанием за свои грехи и за грехи ближних и дальних, с которыми видели себя связанными, и прямо так и начинали – с покаяния.

Глупо, мракобесно?

Однако же не потому ли именно живы сейчас мы, их потомки?..

Зачем именно в Великий пост так регулярны поминальные субботы?

Не просто ради обычного поминовения усопших, думаю. Здесь есть и более важный смысл – одно из знаменований христианского единства временно живущих и временно умерших, единства Церкви, идущей к Пасхе, к Воскресению. Единства как онтологического преодоления того одиночества, в котором умирает каждый:

Бесконечна ночь утраты,
и темна стезя.
Умиравший уходит –
и вернуть нельзя.

Он все дальше от надежды
на пути своем.
Но несбыточной надежда
умереть вдвоем.

И не легче пригвожденным
к одному кресту:
Все равно уходит каждый
на свою звезду*.

Одиночество смерти как неизбежный результат грехопадения – преодолено Воскресением Христа, именно это преодоление-единство Церковь призвана являть миру: «По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою».

Насколько это видно миру по нам, христианам, – другой вопрос...

Видимо, нормальное христианское устройство: «Да, есть и вирусы и прочие опасные штуки – но и над ними, и над нами, и над всем есть Бог, именно Он – альфа и омега, а не те или иные ценности цивилизации, и от Него все зависит, а не от вирусов» – сложностигаемая на практике вещь... Теоретически, конечно, знаешь об этом, просто вот – жизнь нет-нет да и напомнит.

Чаще всего, фоном – крайности: либо выживание-любой-ценой, здоровье и выживание как смысл жизни, – либо того, кто поступает в соответствии с христианским устройением своим (как, например, священник из Италии, отдавший свой ИВЛ** другому), сразу отделить от нормы – в герои, в полубоги, в памятники и на пьедестал...

Видимо, грядут времена, когда представление о том, что человек вообще-то может сам определять, ради чего ему жить и ради чего умереть, станет одним из гонимейших. И признание онтологических связей этого представления с Богом и моно, так скажем, теистической картиной мира тоже станет болезнью и ересью...

Или уже пригряли.

* Стихотворение «Утрата» испанского поэта Хуана Рамона Хименеса (1881–1958). Перевод А. Гелескула.

** Аппарат искусственной вентиляции легких.

Простое житейское наблюдение: священников, похоже, не хватает.
По всей России.

Километровых очередей в ставленники, бывших в 90-е, давно чего-то не видеть.

Причин в комментариях вы можете, конечно, указать множество (ужесточившиеся требования к ставленникам, обязательное образование и пр.), но, на мой взгляд, есть еще одна: немодно, непрестижно, невозвышенно, да и не выгодно.

В дни карантина много думается о свободе (ну, это безличное зачало, практически сказовое).

У всякого человека с понятием «свобода» связано свое: звуки, запахи, смыслы. Свободы – когда за спиной и над головой не нависает ничто и никто. В том числе – и грех, грязь, нужда и нудота.

У меня это: тайга, дым костра или печки, если в ней дрова, запах реки (Ангара ли, Невы, любой реки), желтый иерусалимский камень, стихи практически все (Трактль, Рильке, Фрост, Мандельштам и все-все-все), музыка. Еще – Литургию когда служу.

Вот Высоцкий, например – тоже.

Слышу его песни, его голос – и чувствую: это территория свободы. Преследуемой, подконтрольной, иногда дурной... а вот же.

Казалось бы, ни с точки зрения изысканности стихосложения, ни с точки зрения музыкальности – ничего там особого нет.

Видимо, так уж сложилось у меня.

Сергей Фудель* чрезвычайно осторожно и строго относился к светской культуре. Но среди очень немногих – ценил Рея Бредбери, как апокалиптика и пророка... И прав.

«Марсианские хроники» и «451 градус по Фаренгейту» – на днях перечитывал, и как современно, и как – вне-временно.

На вопрос «Если Христос уже давным-давно воскрес и жив, зачем ежегодно праздновать Пасху? Просто как памятную дату?.. Событие?! Снова?! Какое еще событие?» – невозможно ответить внятно, то есть китайцу – по-китайски, потому что ответ существует по-финно-угорски.

«Батюшка, я бьюсь, что-то им (детям, мужу, соседям, друзьям и пр.) объясняю, доказываю, а они не понимают!.. Ну как доказать?!»

Грядку надо вскапывать лопатой. Можно спичкой, но труднее. Можно резиновой уточкой, но еще труднее. Облаком – невозможно вообще. Овладей лопатой, сделай из облака лопату, но так, чтоб оно осталось облаком, не знаю что еще...

Или ищи общие корни китайского и финно-угорского.

Трудно, да.

Говорят, не так отличается человек от Бога, как человек от человека.

* Сергей Иосифович Фудель (1900–1977) – православный богослов, философ, духовный писатель.

«Нужно найти свою речь...»

На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН

– Михаил, ваша первая крупная поэтическая публикация была в журнале «Арион», в 2015 году. И она начиналась со стихотворения «Комментируя Экклезиаста». А когда – и как – возникла христианская тема в ваших стихах? Я помню ваши стихи двадцатилетней давности – ее там еще не было...

– Для меня точкой нового отсчета стал отъезд в Россию в 2009-м году на заработки. Этот шаг меньше всего отвечал моим человеческим особенностям – я классический домашний интроверт и никогда прежде надолго никуда не выезжал. И с позиции моего мировоззрения на тот момент в этом не было никакого смысла – зачем, для чего отрывать себя от семьи и ехать в неизвестность? Я что только не делал, чтоб зарабатывать в Ташкенте чуть больше. Но ничего не находил. Пришлось себя ломать и ехать. В результате за несколько последующих лет, наполненных такими поездками, со мной произошло что-то подобное тому, что, наверное, произошло с праотцем Авраамом... У того, кто стал скитальцем, взгляд кардинально меняется – на себя, на людей, на мир. Меняется его видение Бога. Вряд ли Авраам получил бы те откровения, которые он получил, – оставаясь там, где жил.

– И тогда это новое видение возникло в стихах?

– Я не писал стихов много лет – и вновь начал писать в 2013-м неожиданно для себя. Подтекстом всего, о чем я писал тогда, была переоценка прежних жизненных смыслов. Необходимость выбраться из-под обломков, которые остались от прежнего мира. Осознание того, что из них нужно собрать что-то, жизнеспособное в новых обстоятельствах. Для меня книга Экклезиаста – констатация глубокого внутреннего кризиса. Того, который в китайском языке передается двумя иероглифами: один означает «опасность», другой «возможность». Разумеется, это мое личное прочтение этой книги.

– Чтобы «закруглить» биографическую линию... По профессии вы – художник-

график. И в одном из интервью сказали: «Мышление у меня графическое, не живописное...». А можно это разделение провести и в поэзии: поэты с графическим мышлением – и с живописным?

– Конечно. Хотя все, что я скажу, будет пристрастным и субъективным. Это вопрос внутренних ощущений и ассоциаций. Скажем, Пушкин – уверенный и точный график-офортист. Лермонтов – живописец. Даже когда они рисуют, это видно. Сложно представить Пушкина с палитрой у холста. А живопись Лермонтова весьма недурна. Уитмен – график, но в технике экспрессивной линогравюры. Вроде мексиканца Леопольдо Мендеса. Анненский или Гейне – живописцы. Тут еще можно много называть имен, но, повторю, все это индивидуально, находится в плане личного восприятия...

– В предисловии к своему последнему сборнику стихов «Свидетель» (2020) вы пишете: «...Я пытаюсь нащупать новый способ поэтического высказывания о вере, церкви, Христе, Библии – но не так, как писали прежде; прежние формы выражения не отражают изменившейся реальности». В чем вы видите это изменение, и как его, на ваш взгляд, должна отражать поэзия?

– Начать с того, что изменился сам язык. Сегодняшнее мироощущение – даже не язычество. В язычестве есть своя вертикаль, есть какие-то сверхлические ценности, пусть жестокие и нечеловеческие, которые позволяют в языке (разговорном) естественно существовать высоким и низким регистрам, создающим богатство высказывания. Образующим музыку. Сегодняшний язык онтологически выхолощен. Даже для существования прежней классической иронии нужны какие-то высшие ценности – чтоб было вокруг чего устраивать «игру на понижение». Но сейчас ирония в ее прежнем виде нежизнеспособна. Поэтому любой разговор в поэзии о Боге начинается с личного решения как-то выползти из своего ада. Из двухмерности, из ландшафта, лишённого рельефа. На языковом уровне в том числе. С осознания нужды в вертикальном измерении, без которого твоя жизнь не имеет смысла. Задающем ей высоту и глубину. И начать подбирать из того языкового мусора, в котором живешь, все, что нужно для того, чтоб строить лестницу вверх.

– Свою «лестницу Иакова»...

– Да. При этом понимая, что все накопленное прежними поколениями само по себе не работает. Что все, не отражающее твое мироощущение и твою реальность, как бы оно ни было хорошо само по себе, будет стилизацией. Академизмом. Не хочу сказать, что сегодня адекватно передает реальность только свободный стих – это вполне может быть и традиционная силлаботоника. Вопрос лишь один – почему автор использует эту форму? Это эстетическая игра – или это его способ высказывания, по-другому он не может? Важно ощущение того, что нет непрерывности традиции – за спиной пропасть. Так, как писал о Христе Пастернак, уже не напишешь, – то время ушло, те люди ушли. И даже так, как писал Кибиров: «а наш-то

на ослике цок да цок», – это уже классика, и так тоже уже не напишешь. Для поэта, пишущего сегодня о Боге, нужно найти свою речь, свой регистр звучания – и это будет его богопознанием, не побоюсь так сказать. На уровне создания своего собственного поэтического языка. Нужно понять, в какой словесной одежде ты будешь «ходить пред Богом», каким языком говорить о Нем.

– А как, какими средствами этого можно добиться?

– Скажем, проблему отсутствия высокого регистра я для себя интуитивно с самого начала решал использованием библеизмов. В качестве которых использовал цитаты из синодального перевода. Он более на слуху и привычней, чем церковнославянский. Но при этом подчеркнуто не разговорен, архаичен, и даже литургичен, что в сочетании с повседневным языком помогало добиваться нужного впечатления.

– Вопрос, который я задаю почти всем собеседникам в этой рубрике. У поэта, пишущего то, что можно назвать «духовной лирикой», есть, как правило, какие-то свои, наиболее близкие ему тексты из Священного Писания... А у вас?

– Конечно же, Псалтирь. И книги пророков, которые по языку и стилистике очень близко примыкают к псалмам. Для меня очень дорого то, что в православной традиции, которую я с большим опозданием для себя открыл, псалмы – хлеб молитвенной жизни. Вот уже больше четверти века меня не устает поражать в них пронзительная искренность, вещественность, детальность, психологичная глубина, сила высказывания, смелость художественных уподоблений. И одновременно – поразительное простосердечие. Простота душевного расположения, которая лучше всего помогает понять, что значит: *если не будете как дети...* – все это было и остается для меня и недостижимой творческой планкой в работе, и пищей на каждый день.

– И еще один традиционный для этой рубрики вопрос. Читаете ли вы стихи других современных поэтов, пишущих на христианские темы? Насколько могу судить, для вас важно имя отца Сергия Круглова; есть ли еще какие-то поэтические имена?

– Для меня художественные удачи в христианской теме немыслимы без внутренней аскетике. То, в каких формах она себя выражает у автора – отдельный вопрос. Но именно эти аскетические упражнения, это преодоление, преодоление себя, постоянное извлечение себя нового из себя ветхого – и есть тема для пишущего. Библейские образы и сюжеты, которые он отбирает для ее выражения, и то, как он их интерпретирует, важны как естественное выражение изменившегося угла его зрения, ставшего плодом этих усилий. Иначе вся христианская тематика будет просто реконструкторской или эстетической игрой, пусть даже искренней. Сейчас много ярких авторов. Но по этой теме в моем списке не так уж много имен.

Хотя есть. Во мне отзываются, помимо о. Сергия Круглова, какие-то вещи у Сергея Аверинцева, Тимура Кибирова, Дмитрия Быкова, Бориса Херсонского.

– Летом 2018 года в интервью на «Правмире» вы сказали о круге вашего духовного чтения: «Сейчас питаюсь псалмами Ефрема Сирина, молитвенными текстами Иоанна Златоуста, Василия Великого, вообще текстами православных литургий, утрени и вечерни. ...Мне поэзия всегда давала больше, чем рассудочное богословие (при этом нисколько не отрицаю ценности и нужности последнего)». Изменился ли для вас круг чтения за эти три года?

– Он не то чтобы изменился, скорее углубился и дополнился. Перечитываю прежних отцов Церкви, которых прежде читал по верхам – теперь иду вглубь, со все большим узнаванием. Того же Лествичника можно каждый год перечитывать – и если в аскетике не топчешься на месте, но идешь потихоньку вперед и хотя бы немножечко вверх – открываешь еще один пласт, прежде неощутимый. И прибавляются новые имена. В чем-то «открытием Атлантиды» стало творчество Сергея Иосифовича Фуделя, которого я прошлым летом перечел всего, от писем до его удивительной книги о Достоевском. Она – едва ли не единственная в своем роде попытка проследить взаимосвязь творческого и духовного пути автора. Сюда же можно отнести работы Сергея Сергеевича Аверинцева, особенно его книгу «Поэты», где он как филолог и богослов поднимает темы творческой аскетики на примерах творчества своих любимых поэтов. Эта тема занимает меня с институтских времен, когда духовный поиск только-только проснулся во мне. Тогда проза Бориса Пастернака о философии творчества стала первым моим чтением подобного рода. Я могу повторить, как в том интервью, что и сегодня не читаю много – но найдя «своего» автора, не успокаиваюсь, пока не «соберу весь урожай».

– Ваши стихотворные сборники выходят в издательстве «Преображение». Сегодня не так много издательств, издающих духовную поэзию. Не могли бы вы немного рассказать о нем и о вашем сотрудничестве с ним?

– Здесь огромную помощь и поддержку мне оказал профессор Свято-Филаретовского института Александр Михайлович Копировский. Ему принадлежала инициатива издания моих книжек. Узнав, что журнал «Арион», в котором меня печатали в предыдущие годы, закрылся по финансовым причинам, он предложил мне подготовить сборник стихов для издания на базе культурно-просветительского фонда «Преображение».

– А что это за фонд?

– Фонд был создан в 2011 году для реализации образовательных и просветительских проектов. Его задачи понятны уже из названия. Духовное возрождение жизни, возвращение ей глубины и смысла. Фонд организует выставки, издает духовную и просветительскую литературу. Устраивает семинары и конференции

на актуальные в обществе темы... Копировский выполнил работу корректора в сборнике, который я подготовил («Новые псалмы»), а также в обеих последующих книжках. «Новые псалмы» были изданы в 2019 году. Год спустя вышел «Свидетель». И вот сейчас отдан в печать «Слепой, сидящий у дороги». Первая книжка была издана тиражом 500 экз., меня эта цифра тогда немного испугала – я не думал, что на поэзию такого рода сейчас есть спрос. Но, к моему удивлению, почти весь тираж разошелся за год с небольшим. Очень благодарен сотрудникам фонда за их помощь – они берут на себя все, что связано с вопросами печати и последующего распространения. От меня требуется только рукопись.

– Вы родились и прожили большую часть жизни в Ташкенте. Последние годы живете в Туле. Отразилась ли, по вашему внутреннему ощущению, эта «перемена ландшафта» на ваших стихах, их темах, образах, дыхании?

– Странствия переплавляют человека. За годы, пока я приезжал и возвращался обратно, у меня менялся взгляд – я смотрел на Россию из Азии и смотрел на Азию из России. Смотрел на себя прежнего – глазами сегодняшнего. Это двойное зрение естественным образом подсказало тему мигранта, человека, присутствующего одновременно в двух мирах. Было написано много текстов, где лирическим героем был некий условный мигрант – в чем-то нынешний гастарбайтер, в чем-то – библейский странник и пришелец, вроде ветхозаветных патриархов. Когда я, наконец, перевез всю семью в Россию и мы осели в Туле, купив квартиру и получив гражданство, этот период закончился. Я смог расслабиться, сбросить многолетнее напряжение, в котором все время пребывал, – и тут меня накрыл мощный внутренний кризис, более сильный, чем тот, что прежде побудил начать писать стихи после многолетнего молчания. Манна, образно говоря, перестала падать, когда народ вошел в Ханаан. Я понял, что здесь, на новом месте, не знаю, что делать дальше. До этого было понятно, что моя тема – исход. Но вот, он совершился. Тема внутренней пустоты и безответности заявила о себе с новой силой. Результатом в духовной жизни стало мое оглашение и принятие Православия. В творчестве результатом стало закрытие «ветхозаветного периода», который почти целиком отражен в первой книжке, в «Псалмах». Замечательно, что в нем почти нет новозаветной тематики. При том, что я больше двадцати лет позиционировал себя как христианина-протестанта. Но творчество честно свидетельствует: как поэт прежде я питался в основном ветхозаветными образами и сюжетами. Только вхождение в традицию открыло для меня, как для пишущего, новозаветную тему. И «Свидетель» свидетельствует как раз о начале нового периода. Который продолжается в «Слепом».

– А участвуете ли вы в литературной жизни Тулы?

– Я остаюсь таким же «затворником», каким был и в Ташкенте. Исключением является мое участие в литературном альманахе-ежегоднике «Тула» (редактор и основатель журнала – прозаик, член Союза российских писателей С.М. Овчинни-

«Нужно найти свою речь...». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН

ков). Сейчас выходит номер за этот год, там я – один из авторов и вот только что отослал стихи для альманаха на следующий год...

– *То есть, «ландшафт» все же не сильно влияет – ни на вашу литературную жизнь, ни на стихи...*

– Да. Внешний ландшафт не очень на это влияет – он много лет окружал меня и во время трудовых вахт, но в лучшем случае присутствовал в стихах в виде отдельных деталей, черточек внешнего мира. Меня как поэта питали и питают события внутренней, не внешней жизни.

ТОТ, КТО НЕ ХОДИЛ С НИМ

Его именем я изгонял бесов, исцелял и пророчествовал –
и бесы выходили, пророчества исполнялись, больные выздоравливали

«не запрещайте ему» – было подчеркнуто маркером в моей Библии
мне не запрещали

...

прошло много лет
прежде чем я понял – бесы возвращаются в тех, из кого они вышли
исцеленные больные вновь болеют и умирают

...

открыв Библию на знакомой странице
гляжу на выцветший след от маркера на полустертом стихе –

*«не запрещайте ему
ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня»*

не могу Тебя злословить, молчу, но мне тяжело

так стоят, не в силах вымолвить ни слова
и смотря на пожар, пожирающий дом, его обитатели, выбежавшие, в чем были

...

я говорил, не видя, что Ты стоишь рядом, глядя на пожирающий мое прошлое огонь
и Твое безмолвие не было молчанием судьи
Ты не отходил от погорельца, пока угли не подернулись пеплом
и вместе со мной ушел от пепелища

* * *

на ковчег всего не забрать

в покидаемом мире столько ценного –
и всему этому предстоит уйти в небытие

«Нужно найти свою речь...». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН

...

нужно решить, во что вкладываться –

прежде всего – в Бога
потом – в толщину досок и просмоленные швы
а еще – в надежность фильтров для мыслей

...

блажен муж, который не ходит на совет суетливых помыслов
запирает двери унынию и беспокойству

но в законе Господнем воля его, и рубанок в руках его

...

цивилизации, конечно, жаль

но выбран ты

...

верхняя часть песочных часов пустеет

...

скоро, совсем уже скоро дверь будет заперта

непрестанный шум дождя и нескончаемый грохот водных валов
станут фоном для твоего безмолвия

АНГЕЛ ПЕРЕД ЗАХАРИЕЙ

твой вопрос горек, словно упрек, ты выслушал меня, но не услышал

зачем уши тому, кто не слышит ими?

зачем речь тому, кто использует ее, чтоб облекать в слова свое неверие?

...

храни же подаренное откровение, как зерно, зарытое в почву, до его прорастания
все эти долгие месяцы

без слуха – он сейчас не нужен тебе

без языка – тебе пока нечего им сказать

...

ты нуждаешься в этой тишине, чтоб излечить слух
только глухому дана возможность для затаенного вслушивания

...

ты так много сказал за свою жизнь –

что там, за словами? какой опыт? какое познание?

«Нужно найти свою речь...». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН

погруженный в мир немоты, учись взвешивать слова
и без сожаления отбрасывать лишние, как легковесный сор –

день за днем, месяц за месяцем

это – не наказание
это – условие для возрастания

...

и когда к тебе, наконец, подойдут и спросят – что родилось, скажи нам? –
слух и речь вернутся к тебе
и ты сделаешь чего не делал, сколько помнишь себя –

ты начнешь петь

* * *

та, кто, не задумываясь, на одном дыхании произнесла песнь хвалы
услышав ангельское приветствие –
могла бы написать свою псалтирь, но предпочла вынашивать Подаренное ей

она обладала способностью видеть главное

она сказала – *се, раба Господня, да будет мне по слову Твоему* –
и стала способной извлекать драгоценное из ничтожного

от нее не осталось ни книг, ни написанных ею икон –
она принесла свой Плод

...

и ее ублажает каждое из поколений, с трепетом произнося ее имя
звучащее подобно молитве или слову псалма

* * *

младенец в утробе чувствует то же, что мать –

улыбается, когда она смеется
сморщивается в испуге, когда что-то пугает ее

...

носящая Тебя замешивала тесто –
Ты чувствовал его прохладную упругость через ее ладони

она выходила в сад после дождя –
Ты вдыхал вместе с ней драгоценную влажную свежесть

...

как войти в это великое и недостижимое –

в беременность творения Творцом
в тайну Сотворившего все, Который сосал грудь?

«Нужно найти свою речь...». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН

кто в силах понять это?

...

но это послание, не вмещаемое в слова
(они трещат на нем, как тесная одежда, расходясь по швам)
я однажды взял в уста

...

и услышал:
свидетельствуй, не бойся

твое недоумение –
того же корня, что изумление избранницы:

она выслушала слова гостя, ничего не поняв –
и доверилась тайне

* * *

проделать отверстие в крыше, сделанной из залитого глиной камыша
не составило большого труда:

на головы сидящих внутри посыпалось сухое крошево, мусор, голубиный помет –
и больной повис, паря меж небом и землей

...

сверху были те, кто его спускал
снизу на него пристально смотрело множество глаз

...

стояла тишина, лишь снаружи доносился птичий щебет

...

но спина коснулась пола
веревки, выскользнув из рук друзей, свернулись у ног –
и он увидел силуэт Склонившегося над ним

...

на фоне слепящей синевы в проломе лица не разглядеть

...

в тишине отчетливо прозвучало – *дитя, прощаются грехи твои*

...

и он замер, не будучи готов услышать это –
еще больше, чем увидеть, что последует далее

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Она так и не научилась ГОТОВИТЬ ПЛОВ...

В 1945-м моему папе было двадцать лет. Мальчишка с грудью в медалях. За Варшаву, за Будапешт. За Берлин... Он все-таки успел повоевать, приписав себе год. Уходил на фронт рядовым, вернулся лейтенантом. Контуженным. С мечтой о мирной жизни и работе, о том, чтобы завести семью.

С обзаведением семьей никакой загвоздки не предвиделось, молодые здоровые парни после войны, понятно, были нарасхват. Семья, дети были бы у Махмуда Мухамедова в любом случае, как бы ни повернулась судьба. Вот только... если бы не война и Победа, это были бы другие дети – не я и не мой брат.

Паренек из Бухары вырос в традиционной семье, где говорили только по-таджикски, как во всех семьях бухарских иранцев, и судьба его была, в общем, определена. И жениться он должен был бы, по всему, на девушке с соседней улицы, опять же по традиции... Если бы не война.

Расставание с домом и родными в семнадцать лет. Фронт. Ранение. Но – выжил, уцелел. Освоил трудный русский язык (хотя долгое время непонятная строчка из песни «Широка страна моя родная» звучала для него: «...Где тако-ой на десять человек!...»).

Он дошел до Берлина, открывая для себя на этом пути новый неведомый мир, совсем не похожий на мир его детства и юности. Европа, хоть и разрушенная, в дымящихся развалинах, – все равно – потрясение, иная планета. Женщины... – таких он даже в кино не видел, в довоенные бухарские кинотеатры не завозили фильмов с Марлен Дитрих, Гретой Гарбо, Вивиен Ли. Нет, конечно, и в Праге, Вене, Лейпциге в конце войны не встречались на каждом углу Греты Гарбо. Но...

В общем, в родной город в 1948 году (тогда в армии служили пять лет) парень вернулся не только с отличным знанием русского и неплохим немецким, но и – с совсем другими представлениями о женщинах, красоте, любви...

О девушке с соседней улицы теперь уже речь для него не шла. Он учился заочно в Московской ветеринарной академии, работал в местной ветлечебнице и...

искал свою – если не Марлен Дитрих, то Людмилу Целиковскую. Сужу об этом по тому, что на фотографиях моего отца середины пятидесятих к его плечу прислоняются какие-то пергидролевые блондинки с перманентом...

Молодая докторша, так выделявшаяся в тогдашней Бухаре своей непохожестью на местных женщин, выросла в Кисловодске. Тогда там жило много армян.

Дождик, дождик, перестань,
я поеду в Эривань –
Богу молиться,
Христу поклониться!

– до сих пор, когда за окном дождь, всплывает в памяти эта слышанная от мамы детская считалочка давних кисловодских времен.

Но Кисловодск – это уже ее отрочество. А детство – Краснодар, в котором тогда, в начале 1930-х, все дышало совсем еще недавним Екатеринодаром и в самом центре города, на перекрестке Екатерининской и Красной, стояла, затейливо-изящным пирожным, гостиница «Европейская». Которая, опять-таки еще совсем недавно, принадлежала маминому отцу, моему дедушке. В этой лучшей, наряду с «Московской», гостинице города останавливались множество заезжих знаменитостей. Не удивительно, что маленькая Жанна видела на сцене Утесова, знаменитую тогда Тамару Яacobсон, слушала оркестры Виктора Кнушевицкого и Александра Цфасмана. Каждое воскресенье родители водили ее в городскую филармонию, которую тогда чаще называли Курзалом. Русский язык в ее классе преподавала бывшая петербургская дама, когда-то – подруга Игоря Северянина...

А дома – многочасовые гаммы на фортепиано «Smidt & Wegener», щебет обшивавшей мою бабушку «тонной» модистки мадам Альмы: «Оу, нет, не газглаживайте эта обогочка, пусть как хочет падает!»

Но «вегетарианские» времена подходили к концу. Любимое детище Иосифа Захаровича Арутюнова – маленький островок Европы во все больше «краснеющем» Краснодаре, – национализировали. А прежнему его владельцу, к тому же с женой «из бывших», среди братьев которой были царские офицеры, – мог грозить и арест. И дедушка решается оставить все и перевезти свою маленькую семью в Кисловодск, где жили его родные.

Несколько очень скромно прожитых, но спокойных лет в декорациях театрально-красивой природы курортного города, – конечно, уже без модных портних и ресторанов, но с хранимым, как драгоценность, «инструментом Жанночки»; ее не прекращающиеся ни на день занятия музыкой. А потом все-таки случилось давно ожидаемое: осуждение отца как бывшего «нэпмана», лагеря, высылка в Среднюю Азию, разлучение семьи на много лет...

Войну мои бабушка и мама пережили в оккупированном Кисловодске. По сей день помнятся услышанные от мамы военно-сиротские песенки, ходившие в то время:

По Грузинской дороге
Шел петух колченогий,
А за ним восемнадцать цыплят...
Он зашел в ресторанчик,
Чекалдыкнул стаканчик,
А цыплятам купил шоколад!..

...Товарищ старший лейтенант,
Товарищ младший лейтенант,
Майор, полковник и какой-то генерал
Говорят: «Иди пешочком»,
Говорят: «Иди с мешочком»
В Тифлис, а если хочешь – на Урал!».

Это – о том, что перед наступлением немцев власти Северного Кавказа не позаботились об эвакуации населения.

Немцы, заняв Кисловодск, сразу расправились с евреями. Мама вспоминала, как у них в школе дети выпытывали у одноклассника: «Левка, а ты ведь еврей, да?». На что умненький очкастый мальчик важно отвечал: «Не говорите глупости, сейчас все – армяне!».

Бедный Левка, вряд ли его сообразительность помогла ему избежать общей участи. Последний раз мама видела его подметающим улицу – немцы на первых порах гнали всех евреев на принудительные работы. Лева страшно смутился, когда нравившаяся ему девочка увидела его с метлой в руках, – низко опустил голову...

«Решив» «еврейский вопрос», оккупанты остальное население города, в общем, оставили в покое. Многим жителям при «новом порядке» даже были выделены квартиры – те самые, оставшиеся от евреев, – и после ухода немцев это жилье так и осталось за последними хозяевами. По крайней мере, так рассказывала мама. Вот только им с моей бабушкой пришлось жить на съемных квартирах, терпя издевательств и грубость хозяев. Насмешка, не раз слышанная мамой в юности: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?..». Эту подлую присказку я услышала впервые именно из ее уст, из ее рассказов, а потом уже прочитала в бунинской «Холодной осени».

1944 год. В освобожденный Кисловодск приехал с гастрольями Вертинский.

До сих пор не представляю, как моей бабуле, при их тогдашней нужде, удалось добыть на него билеты.

Потрясение было настолько сильным, что мама моя – будущая консерваторка с абсолютным слухом – после того единственного концерта запомнила ВСЕ услышанные в тот вечер песни от первого до последнего слова, от первой до последней ноты. И я в детстве засыпала под «Пани Ирону» и «Над розовым морем» вместо колыбельной...

В 1948-м Иосиф Захарович после долгих хлопот все-таки получил разрешение на вызов семьи и перевез жену и дочь в Самарканд. А в середине пятидесятых моло-

дая темноглазая красавица, только что окончившая Самаркандский медицинский институт, отработывала положенные два года на периферии – в жаркой, пыльной Бухаре. И... меньше всего рассчитывала остаться здесь навсегда. На местных кавалеров не бросала и взгляда. В Ташкенте ее ждала давняя мечта – Консерватория, куда она поступила параллельно с учебой в СамГМИ и где уже успела проучиться заочно один курс. Вот только закончить ее так и не довелось: краснодарско-кисловодская армянка Жанна Арутюнова вышла замуж за моего отца. Хотя не была похожа на Целиковскую и ни разу за всю свою жизнь не приготовила плов...

Как непросто осваивалась в семье своего бухарского мужа невестка «со стороны», – так и бабушке моей, Софье Яковлевне Годиевой, с ее классическим образованием и памятью о совсем иных временах, было трудно принять многое в жизни и быте азиатского города, куда она наезжала, чтобы навестить дочь и внуков. До сих пор помнятся слышанные от нее, искусной швеи и модницы с тонким вкусом, необыкновенные названия того или иного цвета – маренго, перванш, гелиотроп, какой-то нанковый... В Бухаре полувековой давности эти слова звучали совсем уж диковинно, и трудно было их соотнести с одеждой женщин, которых я видела в повседневной жизни, – учительниц, медсестер, продавщиц... Так же, как явно не носили они «фигаро» и «кацавеек» – тоже сладостно-таинственные слова, звучавшие у нас дома в приезды бабули... Залетной жар-птицей была она в нашей глуши...

Она умерла с томиком своего любимого Андерсена в руках, которого не уставала перечитывать всю жизнь. А после ее смерти я нашла альбом: моя 66-летняя бабуля зарисовывала цветными карандашами портреты героинь Достоевского – «Катерина Ивановна», «Lise Хохлакова»...

И была еще у моей бабушки Софьи Яковлевны такая, произносимая лишь в самые важные минуты, клятва: «Клянусь честью!..» Никогда с тех пор за всю жизнь мне не довелось больше услышать это старомодное, давно забытое выражение...

Пианисткой мама моя так и не стала. Вместо этого она сорок лет проработала врачом-педиатром, заслужив славу лучшего в Бухаре диагноста. До сих пор, когда бываю в родном городе, ко мне подходят на улице люди: «Вы не дочь той седой дамы – доктора?.. Она лечила моих детей... моих внуков...».

...Лежу с открытыми глазами
В безмолвной, непроглядной мгле,
С надеждою, что Бог над нами,
Быть может, вспомнит обо мне.

Пошли мне сон, великий Боже,
Чтобы, не мучая меня,
Настал небесный день погожий,
Сменив печаль земного дня.

Эти строки она написала незадолго до своего ухода.

Лейла ШАХНАЗАРОВА. Она так и не научилась готовить плов

...Они прожили с папой до 91-го, когда его не стало. Теперь тот самый «небесный погожий день» настал и для мамы... А у меня – старшая сестра и лучший в мире брат.

Спасибо, папа, за твою Победу. За то, что вернулся живым. И еще – что выбрал, полюбил и заставил полюбить себя именно мою мамочку. Спасибо за жизнь.

Юлия КОЛОТОВКИНА

Долгий путь к слову

Бубнова М. *Я могу говорить*. Нижний Новгород: Кварц, 2020. 160 с.*

Слабым, беспомощным ребенком родился я
в мир, но Твой Ангел простер светлые крылья,
охраняя мою колыбель. С тех пор любовь Твоя
сияет на всех путях моих, чудно руководя меня
к вечности.

Из акафиста «Слава Богу за все».

Перед нами – описание сорока двух лет глухоты. Автору 44 года, в возрасте полутора лет она потеряла слух. «Глухота – это страшно», – пишет Мария Бубнова, обращаясь к своему еще не родившемуся внуку, которому хочет рассказать о своей жизни. Это разговор с ним и со всеми, кто работает с детьми, это образец деятельной любви для родителей и педагогов.

Мария Владимировна, Маша, как называют ее друзья и педагоги, точно и подробно описывает свой собственный путь в большой, говорящий и звучащий мир. Этот путь она смогла пройти благодаря любви и поддержке родных, друзей и учителей; благодаря осознанию своей глухоты и трудностей взаимопонимания, благодаря нежеланию смириться с тишиной в себе.

Книга разделена на периоды взросления и становления: детство, юность, высшее образование, путешествия, обретение любви, семья, дети... Идет непрерывный самоанализ, критическая оценка отношения автора к другим людям и к собственным поступкам. Ярko показано стремление к социализации. Рассказывая о своем детстве, автор показывает, что ее «плохое» поведение и капризы были часто вызваны непониманием окружающими ее внутреннего состояния, ее желаний. Самое страшное в раннем детстве – невозможность сказать об этом. Вместе с тем, в книге нет ни единой жалобы, ни единого упрека судьбе. Мария описывает свой путь без снисхождения к себе.

Вглядываюсь в фотографию двухлетней девочки. Взгляд обращен внутрь, не пускает в свои мысли, как и окружающий мир не пускает меня к себе. Я не могу еще спросить, то ли я делаю, так ли поступаю. Сомнения, неуверенность удручают меня. Стараясь утвердиться в

* См. публикацию фрагмента будущей книги на страницах нашего журнала: Бубнова М. Слышать и говорить // ВС. 2018. № 1 (XLVI). С. 117–130.

непонятном мире, но не умея выразить свою правоту, часто плачу, капризничаю. Вот мама везет меня на саночках, а мне не хочется сидеть, я хочу бежать по снегу, но мама догоняет, усаживает, я сопротивляюсь, плачу от обиды – почему она не понимает, что я хочу сама!

Нас, обычных людей, всегда интересует: а как они, люди с ограниченными возможностями, думают, что чувствуют? На эти вопросы Мария Владимировна отвечает мудрыми словами старца Паисия Афонского: «Терпя глухоту, благодарю Бога за этот крест. Надеюсь, что Он не оставит меня». Глухого человека сложно обмануть, он чувствителен к тому, что иногда собеседник говорит не то, что на самом деле думает или чувствует. Именно эмоции вместо слов оказывают сильное воздействие на душу глухого.

Глухие дети более остро воспринимают красоту окружающего мира. Даже от такого обыкновенного для нас, слышащих, слова ТРАВА исходит связь с живым зеленым ковром, который осенью пожелтеет и превратится в стог. И какое удовольствие взять эту травинку, почувствовать ее, пожевать немного.

Это не только растение, это и принцип жизни: умирать и возрождаться, быть лесом для насекомых, гнездом для жаворонка, работой для косца, стогом для влюбленных, пищей для коров...

Целые миры открываются, отпираются одним этим словом-ключом:

Слово – не просто знак. Это ключ. В слове заключена тайна мира, тайна мироздания. Эта тайна лежит за пределами возможностей телескопов и микроскопов. <...> Слово – это изображение, отражение, выражение всей Вселенной.

«Я люблю, и значит – я живу!» Это квинтэссенция книги. Все достижения, преодоления, победы над собой, стремление к мечте – всего этого не было бы, если бы не любовь тех людей, которые окружали героиню. Они открывали для Маши безграничность мира, поощряли стремление к открытиям, учили постоянно «читать, мыслить, действовать», то есть развивать свой внутренний мир, несмотря на внешние обстоятельства. Эти люди и зародили в ней огромное и непоколебимое желание развиваться.

«...Борясь с глухотой, пробиваясь к речи, я узнала столько прекрасных, удивительных людей, помогающих в этой борьбе!» Именно благодаря им ей удалось стать счастливым человеком, который добивается поставленных целей, который осуществил свои мечты и стал полноценным членом общества. Маша ходила в обычный детский сад, окончила обычную школу, институт наравне с говорящими и слышащими, без помощи сурдопереводчиков. Уже в пятом классе была редактором школьной стенгазеты, брала уроки музыки у доцента консерватории и даже пробовала играть на органе, танцевала, изучала английский и посещала художественную школу, очень много читала, очень любила (и любит!) язык, слово: «Почувствуй его на вкус, на цвет, на запах. На смысл».

За всеми этими достижениями стоят, в первую очередь, конечно, родители: Владимир Геннадьевич Цветков и Ольга Александровна Яцунова. Что бы ни делала Маша, где бы ни была, она всегда видела рядом маму. Мама работала техничкой,

дворником, кассиром, несмотря на свое высшее образование и огромный потенциал, – чтобы быть поближе к дому и «как можно больше заниматься» с Машей. Ольга Александровна оказывала помощь другим детям с такой же проблемой. Родители глухих детей приезжали к маме Марии Владимировны, учились у нее новой методике Леонгард по слуху и речи, и все помогали друг другу чем могли, ведь тогда не было ни пенсий, ни пособий по инвалидности. А если не развивать таких детей с самого раннего возраста, время может быть упущено, и жизнь ребенка, лишенного слуха, ограничится в итоге домом и интернатом для глухих.

Но Марии Владимировне встретились в жизни необычные, бескорыстные люди, вложившие в развитие многих детей свою душу и терпеливый труд.

Это, прежде всего, «тетя Мила», Эмилия Ивановна Леонгард – советский и российский ученый-педагог, кандидат педагогических наук, создатель особого направления в сурдопедагогике: «Формирование и развитие речевого слуха и общения у детей с нарушением слуха». Эмилия Ивановна всегда интересовалась духовным миром «своих» детей. Ее глаза излучали спокойствие, доброту и любовь, ее лицо было освещено внутренним светом. Она не только обогащала беззвучный мир глухих детей своей методикой, но примером собственной жизни воспитывала их души во Христе.

«Тата», крестная Маши, Ирина Семеновна Белик – педагог, музыкант, автор методики занятий музыкой с глухими и слабослышащими детьми. Она была, по словам автора, как добрый самарянин, ее ученики после уроков «выбегали, окрыленные любовью».

«Тетя Лена», Елена Федоровна Сегалевич, – ведущий специалист дефектологического факультета МГГУ имени М.А. Шолохова.

Илья Львович Гитлиц, журналист «ВЕС». Организовывал все Всесоюзные родительские конференции с 1969 года. Гордился успехами глухих детей, как своими собственными...

Татьяна Андреевна Манаенко (педагог, логопед), которая говорила: «Трагедия глухого ребенка чаще всего заключается не в том, что слух у него отсутствует, а в том, что остаточным слухом по тем или иным причинам пренебрегают взрослые, от которых зависит его судьба».

И вот из замкнутой девочки, взгляд которой был «обращен внутрь, в себя», которая часто плакала, рождается новый человек. После занятий с педагогами она пишет: «Я больше не чувствовала своей особенности». Наметились цели в жизни, она о многом мечтает и воплощает свои мечты: «Хочу учиться любить, отдавать свои силы Богу и семье».

Сейчас Мария Владимировна – супруга священника, мама пятерых детей и просто счастливый человек. Этой книгой она обращается к своему будущему внуку: «...Мое детство было долгим путем к слову. Я МОГУ ГОВОРИТЬ. Может быть, я училась этому для того, чтобы сказать тебе спокойно, громко и внятно: *Здравствуй!*»

АВТОРЫ НОМЕРА

БОРИСОВА Ольга – исследователь церковной истории XX века, сотрудник Издательства Свято-Филаретовского института, автор монографии «Гонимы, но не оставлены: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 1943–1961» (2019).

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель Воскресной школы и работник самаркандского Свято-Покровского храма. Живет в Самарканде.

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, магистр религиоведения. Автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ДУНИН-БАРКОВСКИЙ Лев – физик, кандидат физико-математических наук. Работает в компании Renault. Живет в Москве.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистан». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока». Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН – настоятель храма Сретения Господня г. Бекабада, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КОЛОТОВКИНА Юлия – филолог, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор восьми книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

МЕЖЕННАЯ Эльвира – журналист, главный редактор «Городского телеканала» г. Ярославля (1999–2012); автор ряда книг о митр. Иоанне (Вендланде). Живет в Волгограде.

ПАВЛОВ Дмитрий – историк, специалист Научно-исследовательского отдела новейшей истории РПЦ Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Живет в Москве.

ПЕРНБАУМ Алексей – кандидат физико-математических наук, переводчик святых отцов. Живет в Москве.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.

ФЛЫГИН Юрий – историк, автор исследований по истории православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекстанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ШАХНАЗАРОВА Лейла – публицист, эссеист. Работала в качестве литературного редактора в ряде изданий Узбекистана, в том числе в журналах «Звезда Востока», «Общественное мнение и права человека» и др. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LV
№ 1, 2021, январь-март

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2021 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2021).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568